

Выпуск 4, 2024

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2024. Вып. 4

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полювянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2024. Issue 4

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Поляков О.Ю., Шубин К.И.** Образ Англии в цикле эссе Дж. Литтлтона «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане» 5
- Капустин Н.В.** О семантических переключках в прозе Н.В. Гоголя: от «Вечеров...» до «Петербургских повестей» 15
- Полужкова Т.А.** Женщины и фотография в эпоху викторианской Англии (на материале романа Эми Леви “The Romance of a Shop”) 22
- Тюленева Е.М.** Феномен пластического мышления писателя-художника: «изображение изображения» в структуре литературного текста
Б. Дышленко 30
- Кашулина Е.В.** Особенность трансформации романа Дж. Оруэлла «1984» в графических адаптациях французских иллюстраторов 41
- Горелов О.С.** Поэтика бердвотчинга (предварительные замечания) 51

Языкознание

- Бабаян В.Н., Мальцева М.В.** Использование метода риторических структур и метода экспликации при переводе песенного дискурса 65
- Лутцева М.В.** Особенности английской юридической терминологии в художественном тексте (на материале произведений Дж. Гришема) 75

История

- Симоненко Е.С.** Адаптация военных инвалидов к гражданской жизни в Канаде в годы Первой мировой войны (по материалам канадской прессы) 82
- Лидов А.А.** История изучения карт древней Месопотамии в работах зарубежных исследователей XX—XXI веков 90
- Абидулин А.М., Дронов М.В.** Политическая и социально-экономическая ситуация в Ливии в предвоенный период 2002—2010 гг. 98
- Анисимова А.П.** Военно-исторический музей «Энергия мужества» в Хадере 107
- Степанов А.В.** Телефонизация городского среднего класса России начала XX века 117
- Мухина М.В.** «Вы, крестьянки, должны голосовать за список № 2...»: участие женщин в выборах во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. (по материалам Калужской губернии) 127

Философия

- Васюков В.Л.** Логика самосознания 134
- Юрьева А.В.** Эсхатологические представления в смысловом пространстве человеческого бытия 143
- Куликов М.В.** Становление и упадок американской социально-философской утопии в XIX—XX вв.: к вопросу о «конце истории» 151
- Докучаев Д.С.** Регионализм как мировоззренческая система 162
- Смирнов Д.Г., Ветчинин Н.М.** Цифровизация сознания: философские проблемы когнитивной аберрации 168

Рецензии

- Денисов К.М., Карпова О.М.** Новые горизонты современной лексикографии. *Рец. на:* сборник материалов II международного симпозиума (Москва, Томск, 20—22 ноября 2024 г.) «Лексикография цифровой эпохи» / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: издательство Томского государственного университета, 2024. 300 с. 176
- Польвынный Д.И.** Мстёра как «опытная станция» художественного авангарда России 1920-х гг. *Рец. на книгу:* М.Л. Бирюков. Мстёрский ковчег. Из истории художественной жизни 1920-х гг. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 468 с. 192

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Polyakov O.Yu., Shubin K.I.** The Image of England in J. Lyttleton's Series of Essays "Letters from a Persian in England to his friend at Ispahan" 5
- Kapustin N.V.** On semantic reiterations in Gogol's prose: from "Evenings..." to "Petersburg Tales" 15
- Poluektova T.A.** Women and photography in the Victorian Era (based on the novel "The Romance of a Shop" by Amy Levy) 22
- Tyuleneva E.M.** The phenomenon of plastic thinking of a writer-artist: "image of image" in the structure of B. Dyshlenko's literary text 30
- Kashulina E.V.** The peculiarities of transformation of "1984" by G. Orwell in the graphic novels by French graphic novel artists 41
- Gorelov O.S.** The poetics of birdwatching (preliminary remarks) 51

Linguistics

- Babayan V.N., Maltseva M.V.** The use of the rhetorical structure theory method and the method of explication in song discourse translation 65
- Luttseva M.V.** Features of English legal terminology in a literary text (based on the works of J. Grisham) 75

History

- Simonenko E.S.** Adaptation of disabled soldiers to civil life in Canada during the First World War (based on materials of the Canadian press) 82
- Lidov A.A.** The history of research of ancient Mesopotamian's maps in the Western scholarship of the 20th—21st centuries 90
- Abidulin A.M., Dronov M.V.** Political and socio-economic situation in Libya in the pre-war period 2002—2010 98
- Anisimova A.P.** Military-historical museum "Energy of Courage" in Hadera 107
- Stepanov A.V.** Telephonization of urban middle class in early 20th century Russia 117
- Mukhina M.V.** "You, peasant women, must vote for list No. 2...": women's participation in the All-Russian Constituent Assembly elections in 1917 (based on materials of Kaluga province)..... 127

Philosophy

- Vasyukov V.L.** Logics of self-consciousness 134
- Yurieva A.V.** Eschatological representation in the semantic space of human existence 143
- Kulikov M.V.** The formation and decline of American social and philosophical utopia in 19th—20th centuries: on the question of the "end of history" 151
- Dokuchaev D.S.** Regionalism as an ideological system 162
- Smirnov D.G., Vetchinin N.M.** Digitalization of consciousness: philosophical problems of cognitive aberration 168

Reviews

- Denisov K.M., Karpova O.M.** New perspectives of modern lexicography. *Book review*: Lexicography of the Digital Age. Proceedings of the II International Symposium (Moscow, Tomsk, November 20—22, 2024). Tomsk: TSY Press, 2024, 300 p. 176
- Polyvannyi D.I.** Mstyora as an "experimental station" of the artistic avant-garde of Russia in the 1920s. *Book review*: M.L. Birukov. Mstyorsky Ark. From the history of artistic life in the 1920s, Moscow, 2023, 468 p. 192

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 5—14.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 5—14.

Научная статья

УДК 821.111.09"17"-4

DOI: 10.46726/И.2024.5.1

ОБРАЗ АНГЛИИ В ЦИКЛЕ ЭССЕ ДЖ. ЛИТТЛТОНА «ПИСЬМА ПЕРСА ИЗ АНГЛИИ К СВОЕМУ ДРУГУ В ИСФАХАНЕ»

Олег Юрьевич Поляков, Константин Ильич Шубин

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия,
polyakoov@yandex.ru, kostyashubin43@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена имагологическому анализу цикла эссе Дж. Литтлтона «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане» (1735), в котором представлен метаобраз современной писателю Англии. Концептуальной основой эссе Литтлтона является использование приема остранения, повествование от лица культурного «другого» (восточного персонажа-маски), которое позволяет заострить и по-новому осмыслить многие реалии английской национальной жизни той поры, наиболее полно и цельно представить картину различных аспектов английской действительности (политической, социальной, экономической, духовной сфер). Кроме того, в статье прослеживаются преемственность творческого метода и философских взглядов Литтлтона по отношению к философской и художественно-эстетической традиции Просвещения (Д. Локк, Ш. Монтескье) и развитие образов и идей автора «Писем перса» в сочинениях английских писателей. Новизна работы обусловлена также тем, что в поле имагологии вводятся ранее не изученные тексты, дополняется картина функционирования гетерообразов Востока и других стран в литературе Англии XVIII в. Полученные выводы способствуют более глубокому пониманию творчества Дж. Литтлтона и О. Голдсмита, их взаимосвязи, материалы исследования могут быть использованы при дальнейших исследованиях проблем имагологической рецепции и репрезентации.

Ключевые слова: Литтлтон, имагологический образ, репрезентация, остранение, метаобраз

Для цитирования: Поляков О.Ю., Шубин К.И. Образ Англии в цикле эссе Дж. Литтлтона «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 5—14.

Одно из первых значительных произведений английской литературы, в котором использована стратегия имагологической репрезентации через ориентальную экзотизацию национального образа, было создано Джорджем Литтлтоном (1709—1773), государственным деятелем, публицистом и писателем, перу которого принадлежит цикл эссе «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане»¹ (1735). Это сочинение, написанное в подражание «Персидским письмам» Ш. Монтескье, продолжило традиции ориентальной литературы в Англии, способствовавшей как национальной самоидентификации через сопоставление с восточным «другим», так и постановке актуальных политических проблем.

Английская рецепция «Персидских писем» первоначально имела публицистическую направленность и отражала напряженную полемику вигов и тори. В частности, в публикациях оппозиционного журнала «Крафтсмен», в деятельности которого принимал участие и Дж. Литтлтон, критика английского правительства велась от лица восточного путешественника Узбека, который вызывал прямые ассоциации с героем Монтескье, причем его размышления касались не только политики, но и других сфер английской действительности (биржа, наука) [Гейзер: 28—30]. Очевидно, под влиянием данных публикаций Литтлтон предпринял собственную попытку адаптации «Персидских писем» к английской действительности.

В самом начале «Писем перса» рассказчик Селим устанавливает связь произведения с предметом своего подражания, романом «Персидские письма», намереваясь развить намеченную в нем тему Англии и при этом сосредоточить внимание на вопросах политического устройства этой страны. Еще один важнейший маркер, указывающий на преемственность «Писем перса» по отношению к прототексту Монтескье, — высказанное в письме I предостережение другу о том, что не следует считать неприемлемыми, фальшивыми описываемые его адресантом нравы, обычаи, установления, поскольку «привычки и рассуждения людей существенно разнятся, и то, что в одной стране воспринимается как проявление крайнего неразумия, в другой будет почитаться как великая мудрость» (134)². Это положение соответствует убеждению Монтескье, согласно которому «то, что у одних народов считается естественным, как бы продиктованным самой природой, — отвергается, осуждается и преследуется другими как извращение ее» [Сигал: 250].

Дж. Литтлтон, как и Ш. Монтескье, акцентирует прием остранения, использованный в письмах, и указывает на «чужеродность» умозаключений фикционального повествователя. Вопреки заверениям автора в послании к издателю в том, что письма являются его собственным переводом подлинной рукописи, сделанным с персидского оригинала, у читателя возникает стойкое убеждение, что это мистификация [Copant: 179]. Так же и Монтескье создает в «Персидских письмах» иллюзию документальности, выдавая свои тексты за письма персов.

Помимо «Персидских писем» Монтескье на Дж. Литтлтоне могли повлиять сочинения других авторов. К их числу относятся «Письма Турецкого

¹ Название произведения обусловлено тем, что город Исфахан, столица Сефевидского государства в XVIII веке, в котором происходило много важных и динамичных событий, был знаком англичанам, ассоциировался с Востоком.

² Здесь и далее «Письма перса...» приводятся по изданию: [Lyttelton] с указанием в скобках страниц.

шпиона» (1687—1693) Джованни Паоло Мараны (*Letters written by a Turkish spy*) и «Экскурсия по всему острову Великобритании» (1724—1727) Д. Дефо (*A Tour Thro' The Whole Island of Great Britain*) [Rao: 70]. Кроме того, автор обращался к трудам великих английских философов Дж. Локка и Ф. Бэкона. В свою очередь, сочинение Дж. Литтлтона оказало влияние на цикл эссе Оливера Голдсмита «Гражданин мира».

Стиль «Писем» не столь поэтичен, как у О. Голдсмита, но предельно искренен и прост, в связи с чем исследователи говорят о сходстве произведения Литтлтона с дневником [Copant: 209]. В то же время оно объединяет все разновидности ориентальных эссе, выделяемые учеными, — сатирические, медитативные, моралистические и критические [Лучинина: 136]. Так, автор проявляет себя как социальный критик, описывая английскую тюрьму, биржу, раскрывая проблемы образования и воспитания. Он высмеивает устройство суда, слепое следование моде в искусстве, политике и др. К числу медитативных эссе можно отнести письма Дж. Литтлтона, в которых он размышляет о женской природе, задачах воспитания, о свойствах души человека и качествах настоящего христианина, священника. Кроме того, практически все эссе писателя проникнуты этическим содержанием, призывами к добродетельной жизни, а морализация осуществляется через диалоги, сравнения, вставные рассказы, сатирические описания.

В фокусе внимания автора «Писем» находятся политические вопросы. В этом заключается одно из различий между сочинениями Литтлтона и Монтескье [Masgoor: 152]. Между тем есть и другие. Например, Узбек, герой романа Монтескье, в отличие от Селима, от лица которого ведется повествование в «Письмах перса», упоминает своих жен и датирует письма. Возможно, поэтому в «Письмах» Монтескье в большей степени создается эффект правдоподобия [Там же].

Примечательно, что имена Селим и Узбек не являются персидскими. Дж. Литтлтон взял для перса имя турецкого правителя, очевидно, потому, что оно было известно английским читателям. Важно отметить, что этот герой, как и персонажи Монтескье, предстает одновременно в роли благородного дикаря и носителя просветительских идеалов [Поляков, Полякова 2023: 326]. Такая двойственность нарратора делает имагологическую репрезентацию более глубокой и наглядной.

Восточную «наивность» Селим соединяет с английским здравым смыслом, зачастую обнаруживая если не подобие «гибридной идентичности», то откровенное присутствие автора за маской повествователя. Это проявляется уже в самом начале произведения, когда речь заходит об английской опере, которую рассказчик оценивает с большим знанием дела. Сравнивая английские и восточные традиции музыкального искусства, он обнаруживает существенное различие между ними, которое заключается в том, что ориентальная музыка обладает большей экспрессивностью, ритмичностью.

“<...> and, to say the truth, your music is very far from inflaming me to a spirit of action; it is much more likely to lay me asleep” (136).

(<...> по правде говоря, ваша музыка совсем не воодушевляет меня, от нее клонит в сон).

“They had no eunuchs among them but there was one who sung upon the stage, and, by the luxurious tenderness of his airs, seemed fitter to make them wanton, than keep them chaste” (135).

(«На сцене не было евнухов. Зато был певец, который своими откровенными манерами только развращал женщин, а не оберегал их честь»).

Помимо оперы Селим посещает арену, где проводят жестокие состязания между животными и людьми, которые пользуются большой популярностью у англичан:

“The pleasure was, to see the animals worry and gore one another, and the men give and receive many wounds; which the delighted beholders rewarded with showers of money, greater or less, in proportion as the combatants were more or less hurt. I had some compassion for the poor beads, which were forcibly incensed against each other: but the human brutes who, unexcited by any rage or sense of injury, could spill the blood of others, and lose their own, seemed to me to deserve no pity” (137).

(«Зрители наслаждались страданиями и кровью животных, жестокой борьбой людей. В зависимости от тяжести ранений соперники получали соответствующую награду от восторженных поклонников. Мне было жаль бедных животных, которых натравливали друг на друга. Но жестокие люди, которые проливали кровь друг друга просто так, не повинуюсь чувству гнева или боли, не вызывали жалости»).

Перс критикует увиденное, полагая, что такие развлечения больше присущи варварам, чем цивилизованным людям, и в то же время считает, что в этих суровых, безжалостных соревнованиях проявляется «боевой гений и дух свободы»: “however, I looked upon it as a proof of the martial genius of this people, and imagined I could discover in that ferocity a spirit of freedom” (137).

Эта характеристика, очевидно, дана под влиянием Монтескье, который считал, что климат определяет характер нации и политический режим государства [Leerssen 2006: 69]: англичанам как северному народу присущ независимый, стойкий характер, который отражается в политическом устройстве Англии (сильное, независимое правительство). Стоит отметить, что подобным образом описывал характер англичанина и О. Голдсмит.

Еще одну переключку с О. Голдсмитом можно заметить при описании суда [Goldsmith: 388]. Огромные денежные издержки идут на различных служащих, которые, по сути, не выполняют никакой работы.

“In Persia the *cadi* passes sentence for a round sum of money: in England the judge indeed takes nothing; but the attorney, the advocate, every officer and retainer on the court, raise treble that sum upon the client” (198).

(«В Персии кади выносит приговор за приличную сумму. В Англии судья не берет плату. Зато поверенный, адвокат, каждый клерк в суде берут с клиента втрое больше, чем в Персии»).

Критический пафос усиливается в той части произведения, где говорится о посещении Селимом Лондонской биржи. Помимо честных торговцев, там имеются хитрые и ловкие дельцы, которые «поднимают такие страшные бури, что половина национального богатства идет ко дну» (267), в то время как их собственное благосостояние неуклонно растет.

Большое внимание автор «Писем» уделяет проблемам образования и воспитания, поскольку Англия считалась в этих вопросах образцовой страной. Однако из беседы Селима с молодыми аристократами видно, что образование в Англии оставляет желать лучшего: в колледжах студенты не узнают ничего нового, полезного, не обогащают ум и не развивают душу, их познания ограничиваются поверхностным знакомством с древними языками.

Не лучше обстоит дело с воспитанием девушек. С самого детства в них старательно культивируют самомнение, гордыню, эгоизм, кокетство, своеволие, надменность, избалованность, и в итоге они превращаются в «холодных принцесс», неспособных к браку и исполнению своих обязанностей в семье и обществе. Английский собеседник Селима с иронией замечает:

“... the first great point which every mother aims at, is to make her girl a goddess if she can” (287).

(«... цель каждой матери состоит в том, чтобы воспитать из дочери богиню, не иначе»).

Проблемы семьи и брака в Англии освещаются в «Письмах» как в небольших сатирических комментариях и комических зарисовках, так и в новеллах с развернутой сюжетной структурой, раскрывающих различия европейской и восточной культур. Например, Литтлтон пишет, что осуждаемая в обществе неверность в браке была распространена среди английской аристократии, тогда как на Востоке многоженство узаконено. Однажды Селим предлагает английской девушке выйти за него замуж, что вызывает у нее изумление, поскольку ее восточный воздыхатель женат:

“How! said she, you are married then already! —Yes, said I, <...> and some, I am sure, of the most fashionable men in England do the same, only leaving out the ceremony” (191).

(«— Как! — вскричала она, — вы женаты! — Да, — ответил я, — я уверен, что многие английские аристократы женятся несколько раз, только неофициально»)

Среди английских дам была распространена вера в платоническую любовь, возвышающуюся над плотскими чувствами. Селим, не соглашаясь с подобными взглядами, приводит историю, которая призвана опровергнуть эти заблуждения. Прекрасная европейская женщина Гонория и ее муж попадают в плен к мусульманину, а затем их разлучают. До плена Гонория говорила мужу, что любит только его ум и не собиралась снисходить до плотских отношений. Однако в плену она стала женой мусульманина и изменила свои взгляды. В то же время ее муж стал евнухом. Когда они встретились спустя несколько лет, Гонория с презрением отвернулась от бывшего мужа, узнав, кем он стал. Так, мусульманский мир выступает как носитель качеств, противоположных «утонченности и возвышенности» Европы.

Литтлтон подчеркивает, что брак в Англии разительно отличается от брака на Востоке. Перс приводит историю молодых людей, которых еще в детстве родители решили поженить против их воли. Когда девушка и юноша выросли, то решили отменить брак, но церковь воспротивилась этому. В итоге они были вынуждены жить отдельно, но при этом состоять в браке. После многих лет и череды удивительных событий они случайно встретились и действительно полюбили друг друга. Селим заключает:

“There is nothing more astonishing to Musulman than many particulars relating to the state of matrimony, as it is managed in Europe: our practice of it is so totally different, that we can hardly think it possible for men to do or suffer such things as happen here every day” (209).

(«Для мусульманина нет ничего более удивительного, чем европейское отношение к браку. Наше понимание супружества столь различно, что мы едва ли сможем понять те чувства, которые привычны для англичанина»).

Национальный характер англичан, их манеры и привычки подвергаются строгому суду восточного наблюдателя: в письме XXIII Селим пишет о посещении дома богатого джентльмена, который слывет эстетом, но в действительности следует моде лишь для того, чтобы подчеркнуть свое высокое положение в обществе. В других письмах рассказчик осуждает расточительство аристократов, их губительный картежный азарт, бессмысленную роскошь их трапез, которые вызывают у него ассоциации с английскими политиками:

<...> their dinners put me in mind of what I had heard about their politics: they are artificial, unsubstantial and unwholesome, but at the same time most ruinously expensive” (366).

(«Их обеды напомнили мне о том, что я слышал об английских политиках: в них много фальши и мало пользы, и в то же время они непомерно дорого обходятся»).

Критика английских аристократов приобретает в цикле Литтлтона тотальный характер и проявляется не только в картинах лондонской жизни, но и в эссе, описывающих провинцию, и в этой части произведения заметно влияние сочинения Д. Дефо о путешествии по Британии [Rao: 70]. Так, перс сравнивает сельскую Англию с благоухающим садом. Подобным образом изображал провинциальные красоты и Д. Дефо [Defoe: 11]. Кроме того, известно, что Дж. Литтлтон был одним из первых, кто противопоставил формальным линиям в дизайне сада красоту и гармонию природы [Rao: 198].

При этом пасторальная идиллия возделанной Англии находится под угрозой, поскольку многие аристократы покидают свои поместья и живут в Лондоне. Дж. Литтлтон приводит в пример размышления Узбека из «Персидских писем» Монтескье, который пишет о подобном явлении во Франции [Поляков, Полякова: 181]. Так и английские поместья постепенно становятся заброшенными и пустыми, что свидетельствует, по мысли автора «Писем», о духовном упадке английской аристократии. В противопоставлении столицы и провинции прослеживается имагологическая оппозиция «центр — периферия» [Там же: 44]. Центр предстает в виде динамичной столицы, в которой сосредоточена жизнь английского общества, однако она поверхностна, лишена глубины, а периферия в это же время медленно разрушается.

Главное внимание Дж. Литтлтон уделяет политической жизни Англии и государственному устройству в целом. В письмах с X по XXII содержится продолжение притчи о троглодитах, которая рассказана в «Персидских письмах» французского писателя (письма XI—XIV) [Монтескье: 28—36]. В письмах Монтескье троглодиты предстают как очень добродетельный народ, который долгое время жил без правителя. Их процветание было основано на взаимном уважении и любви. Но в какой-то момент они решили выбрать себе правителя, чтобы переложить на него ответственность за исполнение нравственных законов, и с тех пор начался их упадок.

Дж. Литтлтон продолжает эту историю. Следует отметить, что в отличие от притчи Монтескье троглодиты в истории Дж. Литтлтона выбирают себе правителя в силу внешних обстоятельств — нашествия иноземных захватчиков. Приход к власти короля ознаменовал собой упадок во всех сферах жизни троглодитов: нравственной, экономической, социальной и др. Их моральные устои деградировали, поскольку правитель стал их совестью; их законы, ограничив свободу, увеличили количество преступлений и ожесточили сердца людей. В корне всех этих несчастий лежит отказ от природных законов.

Перс полагает, что общество, которое руководствуется законами природы, живет несравненно лучше, чем под властью абсолютного правителя. В данном случае прослеживается связь с размышлениями Джона Локка относительно устройства общества. Философ полагал, что в каждом человеке присутствует нравственный закон, который вложен Богом [Locke: 90]. Если люди отступают от этого закона и переходят под власть иного закона, то они наносят благосостоянию общества большой урон. Литтлтон, как и Монтескье, считал, что установление монархии является свидетельством духовного упадка человечества, «порчи» изначально хорошего общества, которое стало безнравственным и несчастным при переходе от природного устройства к государственному [Lyttelton: 159].

При этом перс Литтлтона, в отличие от Узбека Монтескье, не склонен критиковать английский монархический институт. Он пишет, что власть английского короля более устойчива и прочна, чем правление восточного султана. Королевский двор в Англии менее подвержен смутам и жестоким переворотам,

поскольку правление монарха основано на справедливости, любви народа и подкреплено законом.

Селим восхищается английским правительством. Он ставит государственное устройство Англии много выше восточной тирании.

“Now, and never till now, did I see a true image of civil government, the support and perfection of human society. A tyrant's court is no more worthy to be compared with this assembly, than a lion's den with a temple” (260).

(«Впервые я встречаю подлинно гражданское правительство, оплот и высшую ступень человеческого общества. Двор тирана не идет ни в какое сравнение с ним, как логово льва с храмом»).

Немецкий ученый Ханс-Йоахим Мюлленброк отмечает, что усиление акцента на деспотии других стран противостоит космополитизму просветителей. Он называет это явление провинциальным контрпросвещением [Griffin: 74]. Творчество Дж. Литтлтона выступает ярким примером данного феномена.

Прославляя политический строй Англии, рассказчик не забывает назвать и его недостатки: лживое красноречие политиков, подкуп на парламентских выборах, различные злоупотребления представителей власти.

Интересно, что в некоторых письмах английскую действительность (прежде всего политическую) описывает не сам перс, а его собеседник. Селим выражает удивление по поводу различных явлений, приводит свою точку зрения на них, а собеседник описывает реальное положение дел. Подобным же образом действует Монтескье, когда рассказчик-перс выражает просветительские идеи посредством чтения письма от какого-либо европейского собеседника [Поляков, Полякова 2023: 328]. В письмах Дж. Литтлтона неизвестный собеседник представляет альтер эго писателя. Так, он подробно рассказывает о преимуществах партий в парламенте над бесконтрольной властью, сосредоточенной в руках монарха. В свою очередь, Селим является восточным *alter ego* Дж. Литтлтона [Ковалёв: 42].

Значительное внимание в «Письмах перса» уделено духовной жизни Англии. С одной стороны, рассказчик видит, как религия становится средством для обогащения священников, неким идолом, который имеет огромную власть над людьми, причем ее внешняя форма подменяет содержание («Вся религия состоит из искуплений, вознесений, процессий, паломничеств» (172)), с другой, его собственный опыт путешественника убеждает его в том, что в Англии немало по-настоящему благочестивых служителей культа. Так, в провинции он встречает священника, которому свойственны доброта, неподдельная любовь к людям, независимо от их вероисповедания и политических взглядов, ненависть ко греху, порядочность и честность.

“<...> the Chrifitian religion appeared to me so amiable in his character and manners that, if the force of education had not rooted Mahometanism in my heart, he would certainly have made a convert of me” (310).

(«Христианство показалось мне столь привлекательным в его поведении и манерах, что я бы непременно перешел в эту веру, если бы магометанство не было укоренено в моей душе»).

Рассказчик замечает, что англичане уважают чужую религию и ценности, с пониманием относятся к людям с иной верой и взглядами.

В заключение Селим пишет о благотворном влиянии, которое оказала на него Англия, об избавлении от многочисленных предрассудков, о коренном изменении в мировосприятии. Он отмечает такие качества англичан, как здравомыслие, искренность, добродушие, вежливость, доблесть, трудолюбие. Источник величия

Англии перс видит в демократических свободах, гарантированных ее гражданам конституцией.

В целом положительная валоризация гетерообраза Англии в цикле Литтлтона отчасти перекликается с письмом СХХVI романа Монтескье. Два сочинения обладают и другими общими чертами. Так, Дж. Литтлтон, как и французский мыслитель, часто вводит образы собеседников главного героя, через высказывания которых он раскрывает основные проблемы английского общества. Кроме того, в обоих сочинениях присутствуют элементы восточного колорита, вставные рассказы. Стоит отметить, что письма Монтескье отличаются бóльшим правдоподобием (описания восточного быта, обращение к реальным историческим событиям, датировка писем и т. д.), динамичностью повествования, наличием романной фабулы, масштабностью проблематики, богатством художественно-образительных средств языка.

Для эссе Дж. Литтлтона характерны простота, лаконичность, стремление к объективности. При описании английской действительности ему свойственны наблюдательность и глубокие размышления. Писатель тщательно структурирует материал. Важно отметить, что Дж. Литтлтон обращался к трудам Дж. Локка, его идеям об относительности человеческих представлений, что делает понятными некоторые противоречия в его произведении. Автор стремится предельно ясно посмотреть на действительность. Он понимает, что мир многогранен и сложен и его нельзя представлять только с одной позиции. Так, Дж. Литтлтон пишет, что религия вырождается, но в то же время есть священники, которые являются подлинным оправданием христианской веры.

В «Письмах перса» автору удалось посмотреть на английское общество со стороны, через призму восточного мировоззрения, как и Монтескье в «Персидских письмах» [Leerssen 1987: 138]. При этом Селим является носителем христианской веры, этики, европейской мысли, научного знания, поскольку личность перса неразрывно связана с личностью автора.

Сочинение Дж. Литтлтона предвосхитило цикл эссе О. Голдсмита «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*, 1762) и послужило для него своего рода основанием. Несмотря на то, что стиль «Писем перса из Англии к своему другу в Исфахане» не столь отточен и изящен, как в «Гражданине мира», а мистификация не столь правдоподобна, эссе Литтлтона занимают важное место среди произведений, в которых ведется художественный и философский диалог с «Персидскими письмами» Монтескье и воплощается стратегия репрезентации национального автообраза через оценки восточного «другого». Они являются важнейшим художественно-публицистическим имагологическим документом, отразившим умонастроения эпохи и, в целом, своеобразие английского Просвещения.

Список литературы / References

- Гейзер А.Р. Восточная тема в английской литературе XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 185 с.
 (Gejzer A.R. The Oriental Theme in the Eighteenth Century English Literature: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Leningrad, 1984, 186 p. — In Russ.)
- Ковалёв М.А. Общественно-политический идеал барона Дж. Литтлтона // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Владимир, 2020. Т. 40, № 4. С. 38—48.
 (Kovalyov M.A. Social and political ideal of baron G. Lyttelton, *Proceedings of the society for history, archaeology and ethnography at Kazan university*, Vladimir, vol. 40, no. 4. pp. 38—48. — In Russ.)

- Лучинина П.Ю. К вопросу о типологии английских периодических эссе XVIII в. на ориентальную тему // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 2. С. 132—136.
(Luchinina P.Yu. On typology of oriental essays in the eighteenth-century English periodicals, *Herald of Vyatka State University*, 2012, no. 2, pp. 132—136. — In Russ.)
- Монтескье Ш.Л. Персидские письма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2002. 511 с.
(Montesk'e SH. L. Persian letters, Moscow, 2002, 511 p. — In Russ.)
- Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
(Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. Imagology: theoretical and methodological foundations, Kirov, 2013, 162 p. — In Russ.)
- Поляков О.Ю., Полякова О.А. Литературоведческая имагология. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2023. 393 с.
(Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. Literary imagology, Kirov, 2023, 393 p. — In Russ.)
- Сигал Н.А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли // Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М.: РХГА, 2021. С. 237—257.
(Sigal N.A. "Persian Letters" by Montesquieu as a monument to educational philosophical thought, *Montesquieu: Pro et Contra. Personality and creativity of Montesquieu in Russia: translations, research, reception*, Moscow, 2021, pp. 237—257. — In Russ.)
- Conant M.P. *The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century*. New York: The Columbia University Press, 1908, 353 p.
- Defoe Daniel. *A Tour Thro' The Whole Island of Great Britain*, London: S. Birt, T. O borne, 1748, vol. 3, 309 p.
- Goldsmith O. *The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East*, London: W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809, 576 p.
- Griffin M. *Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith*, Lewisburg: Bucknell University Press, 2013, 232 p.
- Leerssen J.T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters, *Comparative Criticism*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 1987, vol. 9, pp. 135—154.
- Leerssen J.T. *National Thought in Europe*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006, 313 p.
- Locke J. *The Works of John Locke*, London: J. Johnson, 1801, vol. 2, 366 p.
- Lyttelton G. *Letters from a Persian in England to his Friend at Ispahan*, London: J. Dodsley, 1776, vol. 1, 413 p.
- Masroor C., Mannies W. *Persia and the Enlightenment*, Liverpool: Liverpool University Press, 2021, 273 p.
- Rao A.V. *The Life and Works of George, Lord Lyttelton*, Calcutta: The Book Company, 1934, 416 p.

THE IMAGE OF ENGLAND IN J. LYTTELTON'S SERIES OF ESSAYS "LETTERS FROM A PERSIAN IN ENGLAND TO HIS FRIEND AT ISPAHAN"

Oleg Yu. Polyakov, Konstantin I. Shubin

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation,
polyakoov@yandex.ru, kostyashubin43@gmail.com

Abstract. The article is devoted to an imagological analysis of the series of essays by J. Lyttelton "Letters from a Persian in England to his friend at Ispahan" (1735), which presents a meta-image of the 18th century England. The conceptual element of Lyttelton's essay

is the technique of “defamiliarization,” a narration from the perspective of a cultural “other” (oriental character-mask), which allows us to sharpen and re-understand many of the realities of English national life of that time, to most fully and holistically present the picture of various aspects of English reality (political, social, economic, spiritual). In addition, the article traces the continuity of Lyttleton’s creative method and philosophical views in relation to the philosophical and artistic-aesthetic tradition of the Enlightenment (D. Locke, C. Montesquieu) and the development of images and ideas of the author of the “Letters of a Persian” in the works of English writers. The novelty of the work is also due to the fact that previously unstudied texts are introduced into the field of imagology, and the picture of the functioning of hetero-images of the East and other countries in the literature of England in the 18th century is complemented. The findings contribute to a deeper understanding of J. Lyttleton’s and O. Goldsmith’s work, their relationship; the research materials can be used in further research of the problems of imagological reception and representation.

Keywords: Lyttleton, image, representation, estrangement, metaimage

For citation: Polyakov O.Yu., Shubin K.I. The Image of England in J. Lyttleton’s Series of Essays “Letters from a Persian in England to his friend at Ispahan”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 5—14.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 21.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 21.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Поляков Олег Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru

Шубин Константин Ильич — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, kostyashubin43@gmail.com

Shubin Konstantin Pyich — postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, kostyashubin43@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 15—21.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 15—21.

Научная статья

УДК 81'37:821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.5.2

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕКЛИЧКАХ В ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ОТ «ВЕЧЕРОВ...» ДО «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ»

Николай Венальевич Капустин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin57@mail.ru

Аннотация. В центре внимания фрагмент из повести «Ночь перед Рождеством», где впервые (если иметь в виду *художественное* творчество Гоголя) появляется образ Петербурга. Он дается через восприятие уроженца Диканьки кузнеца Вакулы, и кажется, что особенности образа целиком определяются приемом остранения. Но при сравнении Петербурга из повести с его описанием в более ранней статье Гоголя «Борис Годунов» выясняется, что открывшаяся гоголевскому герою картина очень близка той, которая дана в статье. Вместе с тем Петербург из «Ночи перед Рождеством» оказывается близок соответствующим картинам из повести «Невский проспект». Однако самое интересное в том, что описание Петербурга из рождественской повести отзывается и в других, непетербургских произведениях Гоголя. Дело не столько в том, что гоголевский петербургский локус имеет тенденцию к расширению, сколько в единстве художественного мышления писателя, что находит выражение в многочисленных перекличках его образных решений в самых разных текстах. Учет этих соответствий в значительной мере проясняет смысловые оттенки картины Петербурга в «Ночи перед Рождеством». Но еще более важно, что наблюдаемые семантические соответствия являются показателем именно единства образного мышления Гоголя (проблема, хотя и привлекавшая внимание исследователей, но еще далекая от окончательного решения). В связи с этим автор статьи говорит о необходимости создания Словаря гоголевской семантики, способного прояснить конкретное значение образа или мотива в их парадигматической перспективе.

Ключевые слова: Гоголь, Петербург, семантика, семантическое единство, Словарь гоголевской семантики

Для цитирования: Капустин Н.В. О семантических перекличках в прозе Н.В. Гоголя: от «Вечеров...» до «Петербургских повестей» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 15—21.

Если говорить о *художественном* творчестве Гоголя, то впервые образ Петербурга появляется в «Ночи перед Рождеством». И уже здесь он дается в необычном — гоголевском — освещении: «... кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чорт, перелетев через шлахтаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы. Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, фореиторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными

© Капустин Н.В., 2024

плошками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыши. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные, огненные очи и глядели» (1: 232).*

На первый взгляд, своеобразие этого фрагмента, основанного на предельной экспрессии, гиперболизации зрительных и звуковых мотивов, объясняется исключительно остранием: кажется, что уроженцу Диканьки, кем является Вакула, Петербург и должен предстать в столь необычном, отличном от его привычного восприятия виде. Но дело в том, что представшая Вакуле картина — повторение с вариациями. В ранней статье Гоголя «Борис Годунов» есть образ Петербурга, очень близкий тому, какой возникает в «Ночи перед Рождеством». Столица здесь также *«гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца...»* (8: 149). Отличие в том, что «чудный город» не производит на персонажа этой статьи Поллиора того впечатления, какое возникает у пораженного его видом Вакулы. Но и здесь Петербург «гремит и блещет», его «мосты дрожат», а «огненные очи» домов, хотя и не устремляют такого же взора на Поллиора, как на Вакулу, чудесным образом «кидают пламенные дороги на снежную мостовую». К тому же в том и другом случае открывающаяся персонажам и читателю картина соотносится с близкими световыми мотивами — «серебряным сонмом видений» (из статьи) и «серебряным туманом» (из повести).

Отмеченные аналогии (при всей разнице персонажей) как раз и позволяют утверждать, что образ Петербурга из «Ночи перед Рождеством» есть видоизмененная, но сохраняющая свою основу цитата из статьи «Борис Годунов». Но если в статье город дан в положительном ореоле, то его эмоционально-смысловая составляющая в повести иная: субъект восприятия (будь то повествователь, Вакула или читатель) не может не испытывать чувства тревоги, в значительной мере вызванного более интенсивной, деформирующей реальный мир степенью гиперболизации. Открывающийся Вакуле лик города оказывается параллелью к знаменитому, многократно цитируемому исследователями видению Пискарева («Невский проспект»), в котором реальный мир подвергается еще большей деформации: *«Тротуар неся под ним...»* (3: 19). Близок он и не менее знаменитой финальной картине/инвективе той же повести: *«Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенную массу наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейтеры кричат и прыгают на лошадях, и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде»* (3: 46). Стоит заметить, кстати, что здесь, наряду с соответствиями звукового сопровождения и оптики «Ночи перед Рождеством», называются «палевые стены домов» — буквальное повторение из статьи «Борис Годунов».

Несомненная связь между разными (в том числе и в жанровом отношении) текстами с очевидностью подводит к мысли о семантических единствах или семантических инвариантах, существующих в творчестве Гоголя. В данном случае структуру такого инварианта определяет своеобразно увиденное Гоголем пространство Петербурга, воссоздаваемое в первую очередь гиперболизацией сходных звукового и зрительного рядов. Впрочем, наличие *семантического*

* Здесь и далее тексты Н.В. Гоголя приводятся по изданию: [Гоголь] с указанием в скобках номера тома и страниц.

единства, кажется, препятствует взаимообратимость авторской оценки создаваемых картин в статье (здесь Петербург воспринимается героем со знаком плюс) и повестях (картина дается со знаком минус). Однако при всем осложнении выдвигаемого тезиса отказываться от мысли о существующем единстве образных решений Гоголя никаких оснований нет: они очевидны. Важно не упустить из вида и другое: если не система, то отдельные мотивы, формирующие в «Ночи перед Рождеством» тот образ Петербурга, когда на первый план выходит его inferнальная, демоническая природа, отзываются не только в «Невском проспекте». Они заметны в целом ряде других гоголевских произведений. Возникает единство уже иного плана — образные соответствия, выходящие за пределы петербургского локуса Гоголя. Взаимоосвещая друг друга, такие переключки проясняют семантику сходного, делают ее более прозрачной, определенной, в то же время сообщая ей многочисленные смысловые обертоны. При этом стоит отметить, что эта взаимоосвещаемость, несмотря на, казалось бы, доскональную изученность гоголевского Петербурга (см., напр.: [Губарев, Дилакторская, Маркович, Топоров, Кривонос, Денисов]), до сих пор не привлекала к себе сколько-нибудь пристального внимания.

Самое явное, лежащее на поверхности соответствие задается финалом открывшейся Вакуле картины: «...все дома устремили на него свои бесчисленные, *огненные* очи и глядели». «Огненные очи» петербургских домов не могут не вызывать в памяти осведомленного читателя пугающие Катерину «огненные очи» приснившегося ей отца/колдуна (дьявола) из повести «Страшная месть»: «Посмотри, как я поглядываю очами! Тут навел он на меня *огненные* очи, я вскрикнула и пробудилась» (1: 253). В то же время устремленный на Вакулу взгляд домов переключается с другим взглядом, в данном случае хотя и не «огненным», но наводящим страх и активизирующим нечисть, что приводит к смерти: «*“Подымите мне веки: не вижу!”* сказал подземным голосом Вий — и всё сонмище кинулось подымать ему веки. *“Не гляди!”* — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул.

“Вот он!” — закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха» (2: 217).

Отдельного внимания заслуживает лексема *огонь*, появляющаяся в самом начале интересующего нас фрагмента из «Ночи перед Рождеством»: «...кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в *огне*. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация)». Сделанное в скобках авторское пояснение носит, конечно, иронический характер. При этом смыслы и смысловые оттенки слова *огонь* здесь вновь приоткрывает контекст других гоголевских произведений. Не всех. Семантика этого слова у Гоголя достаточно разнообразна: от огня как высшей, предельной характеристики проявления чувства (семантические синонимы — гнев, буря, страсть, восторг, жар, стремительность), что обнаруживается в таких произведениях, как «Страшная месть», «Гетьман», «Наброски драмы из украинской истории», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — до его способности при определенных обстоятельствах обеспечить победу над нечистой силой («Майская ночь», «Пропавшая грамота»). Огонь *свечи* освещает последние дни Пискарева («Невский проспект»), с мотивом огня связана героическая смерть Тараса Бульбы («Тарас Бульба»).

Однако не эти значения данного слова, появляющегося в начале рассматриваемого фрагмента из «Ночи перед Рождеством» (за исключением, пожалуй, его явленности в пределе — «Петербург *весь* в *огне*»), актуализируются при

сопоставлении с образным рядом более поздних текстов Гоголя. Гораздо ближе оказывается семантика тревоги, которой наполнены звуковые, цветовые и световые образы картины, предшествующей решению Андрия покинуть запорожский табор: «Там *горел* монастырский сад. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда *выскакивал огонь*, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые гроздия слив, или обращал в червонное золото там и там желтевшие груши, и тут же среди их чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне» (2: 88). Но еще в большей мере в результате сближения с другими текстами приоткрываются значения образа огня, связанные с мотивами демоническими. Параллелью в этом случае оказываются «*живые, как огонь*» глаза наделенного inferнальными признаками цыгана из «Сорочинской ярмарки» и красный, сравниваемый с огнем, цвет свитки, последовательно соотносимой персонажами той же повести с ее принадлежностью черту. В этом же ряду огонь окон старухи-ведьмы, привлечший внимание бурсаков из повести «Вий». Но особенно отчетливо звучат связанные с огнем inferнальные мотивы «Страшной мести». Безумной Катерине кажется, что из глаз бабы вытягиваются горящие, как огонь, длинные железные клещи. Во время колдовства-ворожбы глаза отца Катерины горят «как в огне»; сердце его, по словам дочери, выковано ведьмой на «пекальном огне», а сам он знает о своей участи «гореть в огне вечном». Возникают ассоциации с геенной огненной, которые, на мой взгляд, могут быть перенесены и на образ огня в «Ночи перед Рождеством». При этом интересно отметить, что при использовании сходных мотивов (вплоть до «иллюминации») при характеристике уже не Петербурга, а Рима в более позднем письме к В.А. Жуковскому (февраль 1839 года), их семантика переведена в иной план. Возникает образ совсем другого, не пугающего, но близкого человеку домашнего пространства: «Все три дни Рим был иллюминирован так, как теперь не иллюминируют в других городах. Целые пылающие стены домов! Смоляные бочки по всем улицам. Я заглянул в Монте Ринцио — прелесть! Вообразите: смоляных бочек не видно, а только стены в огне. Так что кажется весь город греется у очага» (11: 203).

Наряду с мотивами огня и ранее упомянутых «огненных очей» домов значительную роль в структуре образа Петербурга в «Ночи перед Рождеством» играют другие сквозные мотивы гоголевского творчества. Первым в их ряду оказывается *мотив блеска*, возникающий в самом начале анализируемого фрагмента в глагольной форме («вдруг заблестел перед ним Петербург») и усиленный чуть далее существительным «блеск» в сочетании с концептами «стук» и «гром» («Боже мой! стук, гром, блеск...»), смысловая наполненность которых в мире Гоголя также заслуживает внимания. Но сначала — о мотиве блеска.

Семантика этого мотива, как и семантика мотива огня, также достаточно многозначна и могла бы стать предметом специального рассмотрения. Для целей данной работы ограничимся лишь отдельными наблюдениями.

Встречаются случаи, когда мотив блеска выполняет у Гоголя чисто изобразительную роль. Примером может служить замечательный образ из незаконченного гоголевского фрагмента «Дождь был продолжительный...», в котором блеск крыши назван «мокрым». Однако, как правило, мотив блеска (как ранее и мотив огня) семантизируется. В «Майской ночи...» его смысловые оттенки особенно тонки. Кажется, что здесь соотносительность блеска с месяцем вполне предсказуема и привычна, но определение «странное» по отношению к сиянию, как и «упойтельное» (здесь вновь наблюдается стремление Гоголя к предельности свойства того или иного явления), в соединении с «серебряным туманом»,

уже знакомым нам по «Ночи перед Рождеством», вызывает представление о зыбкой грани сна и яви, реального и потустороннего: «*Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случилось ему видеть подобного. Серебряный туман пал на окрестность*» (1: 174). «Сладкая тишина и тихое раздолье», которые чувствует в своем сердце гоголевский герой, в какой-то момент осложняются созерцанием прекрасного, но мертвленного, сопоставимого с блеском месяца облика утопленницы, вызывающего чувство страха: «Длинные ресницы ее были полуопущены на глаза. Вся она была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась!.. Левко вздрогнул» (1: 175).

В «Майской ночи...» и других произведениях Гоголя есть и такие контексты, где мотив блеска получает иное, однозначно позитивное звучание. Так, например, в знаменитом фрагменте «Знаете ли вы украинскую ночь?», в финале которого — образ блестящих при месяце хат. Однако гораздо чаще встречается у Гоголя образность, вызывающая либо тревогу персонажа (а вместе с ним читателя), либо страх. «Тонким и острым блеском» светят звезды в ту ночь, когда Андрий, перед тем как уйти к полякам, «чувствовал какую-то духоту на сердце»; «странным» блеском наделяет Гоголь в этой сцене взгляд пришедшей к Андрию служанки полячки; «странным» блеском светятся глаза колдуна и антихриста, когда он целует свою дочь («Страшная месьть»), страшен блеск озарявшего улицу фонаря («Страшная рука»). Последний отрывок не без оснований связывают с «Невским проспектом», но, кажется, не будет преувеличением соотнести его, как и другие приведенные фрагменты (исключая лирический фрагмент «Знаете ли вы украинскую ночь?»), с видением Вакулы, которое оказалось в центре нашего внимания.

Вместе с тем смысловые оттенки мотива блеска из открывшейся Вакуле картины в свою очередь дают возможность прояснить текст самой «Ночи перед Рождеством», где блеск, страх и удивление сложно соединяются друг с другом в тот момент, когда Вакула оказывается у приехавших в Петербург запорожцев: «...Вакула, не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошел, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от *блеска*, увидевши убранную комнату, но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку...» (1: 233). Заметим, что блеск здесь не слепит, он пугает. В той же повести он получает и отчетливую ироническую разработку, что особенно заметно, когда на приеме императрицы Вакуле откроется картина придворного мира как мира пустоты: «*Он только видел один блеск и больше ничего*» (1: 236). Здесь Гоголь наследует своему «Ганцу Кюхельгартену», где мишурному *блеску* славы противопоставляется «высшая цель существования», и предвосхищает звучание того же мотива в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Таким образом, проекция семантики мотива блеска (как ранее и мотива огня) из более поздних произведений Гоголя на тот же мотив из «Ночи перед Рождеством», в ряде случаев оказываясь иноприродной символикe открывшейся Вакуле картины, в гораздо больше мере семантически соотносима с ней. Но речь может идти не только о мотивах огня и блеска. От петербургских домов, которые «будто подымались из земли», тянется линия к другому *подземному* персонажу — Вию, взгляд на которого погубит Хому Брута: «Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землей, ноги и руки» (2: 217). В результате таких сближений усиливаются вполне определенные смыслы: доминантой оказывается inferнальный облик российской столицы. При этом вновь любопытно отметить, что мотив блеска,

как и мотив огня, переводится в другой смысловой регистр, когда в письме к Н.Я. Прокоповичу (30 марта 1837 года) речь заходит об Италии: «Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты» (11: 93). В этом случае антитезой Петербургу (здесь, по-видимому, и Украине) оказывается не Рим, а Италия в целом.

Подобного рода наблюдения, основой которых в данной статье явилась картина Петербурга, можно было бы сделать, обратившись к звуковым мотивам — *стuku, грому, крику и свисту*, также присутствующим в более поздних произведениях Гоголя. Однако это уже не изменит существа предлагаемой концепции (хотя и привнесет отдельные значимые нюансы). Заметим только, что стук копыт коня/чорта (ср. именование коня Тараса Бульбы) и звук колес, которые в «Ночи перед Рождеством» «отдавались с четырех сторон», отзвучиваются в повести «Шинель», где ветер, как заверяет нас рассказчик, по «петербургскому обычаю» дует «со всех четырех сторон».

Итак, образ Петербурга у Гоголя, впервые появляясь в «Ночи перед Рождеством», формируется не только в петербургских повестях, но и за их пределами. Открывшаяся Вакуле картина (хотя, конечно, не столько ему, сколько автору и знающему творчество Гоголя читателю) концентрирует важнейшие мотивы, которые впоследствии отзвучат в «Невском проспекте», а также в других, непетербургских повестях Гоголя и в его ранней статье «Борис Годунов». Все это позволяет говорить о семантическом единстве рассмотренных мотивов. Объединив их с теми, какие уже открыты и давно стали общим местом в гоголеведении (мотивы неподвижности, застылости, окаменения, зеркальности и др.), и обнаружив новые, еще не описанные, можно приступить к созданию Словаря гоголевской семантики.

При всей устойчивости гоголевского идиолекта нужно постараться избежать одной опасности, учитывая, что присущие Гоголю близкие образные решения – не гарантия близости их семантики. Так, несомненная соотносительность образов Петербурга из статьи «Борис Годунов» и «Ночи перед Рождеством» еще не свидетельство их семантической общности. Не учитывая этой сложности, легко впасть в односторонность, которую должен преодолеть исследователь затронутой в статье темы.

Список литературы / References

- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. (Gogol N.V. Complete works: in 14 vols, Moscow, 1937—1952. — In Russ.)
- Губарев И.М. Петербургские повести Гоголя. Ростов н/Д.: Ростов. кн. изд-во, 1968. 155 с. (Gubarev I.M. The Petersburg tales of Gogol Rostov n/Don.: Rostov Publishing House, 1968, 155 p. — In Russ.)
- Денисов В.Д. Петербургский текст Гоголя. СПб.: Нестор-История, 2018. 657 с. (Denisov V.D. The Petersburg text of Gogol, St. Petersburg, 2018. 657 p. — In Russ.)
- Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 204 с. (Dilaktorskaya O.G. The fantastic in N. V. Gogol's "Petersburg tales", Vladivostok, 1986, 204 p. — In Russ.)
- Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: пространство смысла. М.: Флинта, 2015. 450 с. (Krivonos V.Sh. Gogol's tales: the space of meaning, Moscow: Flinta, 2015, 450 p. — In Russ.)

Маркович В.М. Петербургские повести Гоголя // Маркович В.М. Избр. работы. СПб.: Ломоносов, 2008. С. 8—106.

(Markovich V.M. The Petersburg tales of Gogol, *Markovich V.M. Selected works*, St. Petersburg, 2008, pp. 8—106. — In Russ.)

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. С. 259—367.

(Toporov V.N. Petersburg and the «Petersburg text» of Russian literature: (Introduction to the topic), *Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works*, Moscow, 1995, pp. 259—367. — In Russ.)

ON SEMANTIC REITERATIONS IN GOGOL'S PROSE: FROM "EVENINGS..." TO "PETERSBURG TALES"

Nikolai V. Kapustin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin57@mail.ru

Abstract. The article is based on an extract from a short novel «The Night Before Christmas», which was Gogol's first work of fiction featuring the image of Saint Petersburg. The city is shown through perception of Vakula the locksmith, an inhabitant of Dikanka, and it appears that the aspects of the image are shaped entirely by the «distancing» technique. However, the comparison of this description of St. Petersburg with the one in «Boris Godunov», an earlier article by Gogol, reveals that the scenes witnessed by Vakula are very much the same as the ones described in the article. At the same time, St. Petersburg of «The Night Before Christmas» bears a certain resemblance to the corresponding scenes in «Nesvski Prospekt», another Gogol's novel. What is most interesting, however, is that the description of St. Petersburg found in the Christmas tale reappears in other Gogol's works, not set in St. Petersburg. What matters here is not that Gogol's locus of St. Petersburg tends to expand, but the unity of the writer's artistic thinking, resulting in numerous reiterations of his imagery in a variety of texts. Taking these correspondences into account brings to light many shades of meaning conveyed by the image of St. Petersburg in «The Night Before Christmas». More importantly, what these semantic correspondences indicate is the unity of Gogol's creative thinking – the topic which has attracted attention of researchers, but has not been thoroughly investigated. For this reason, the author of the article deems it necessary to create The Gogol Semantics Dictionary, which will help to clarify particular meanings of images or motives in their paradigmatic perspective.

Keywords: Gogol, Saint Petersburg, semantics, semantic unity, The Gogol Semantics Dictionary

For citation: Kapustin N.V. On semantic reiterations in Gogol's prose: from "Evenings..." to "Petersburg Tales", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 15—21.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 30.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Капустин Николай Венальевич — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin57@mail.ru

Kapustin Nikolai Venalyevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin57@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 22—29.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 22—29.

Научная статья

УДК 821.111.09"18":77-055.2

DOI: 10.46726/И.2024.5.3

ЖЕНЩИНЫ И ФОТОГРАФИЯ В ЭПОХУ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ (на материале романа Эми Леви “The Romance of a Shop”)

Татьяна Анатольевна Полуэктова

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия, poluektova.06@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется социокультурная ситуация викторианской Англии, связанная с феноменом фотографии как нового медиума и типом «новой женщины». В качестве материала исследования приводятся как публицистические, так и художественные источники. Анна Аткинс, Джулия Камерон, леди Клементина Гаварден и др. внесли свой вклад в историю культуры не только как первые английские женщины-фотографы, но и как первые критики и теоретики фотографии. Такой социокультурный феномен, как «женщина и фотография» отразился в непереведенном на русский язык романе английской писательницы Эми Леви “The Romance of a Shop” (1888). На примере четырех сестер, открывших собственную фотостудию, Э. Леви представляет в первую очередь социальное положение женщин в эпоху викторианства. Стремление сестер Лоример заняться фотографическим делом — это своего рода вызов викторианским устоям и традициям, той патриархатной модели, власть в которой принадлежала мужчинам. Находясь по ту сторону фотообъектива, они имели возможность наблюдать за внешним миром, прежде всего — пристально вглядываться и изучать мужчин. Образ «новой женщины» с разной степенью выражен в каждой из них: наиболее всего он воплотился в Гертруде — самой активной стороннице равноправия полов, и Фанни, совместившей замужество и профессиональное развитие в области фотографии. Роман Э. Леви — пример «женского письма» (романа о женщине, созданного женщиной), женского взгляда на актуальные проблемы, связанные с гендерной проблематикой второй половины XIX в. и получившие художественное осмысление в творчестве современных англоязычных писательниц.

Ключевые слова: фотография, «новая женщина», фотографический экфрасис, Эми Леви, “The Romance of a Shop”

Для цитирования: Полуэктова Т.А. Женщины и фотография в эпоху викторианской Англии (на материале романа Эми Леви “The Romance of a Shop”) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 22—29.

Анна Аткинс, Джулия Маргарет Камерон, Клементина Гаварден, Элис Хьюз, Кристина Брум и др.¹ — первые в мире женщины-фотографы эпохи викторианства, создавшие не только авторские коллекции фотографий, но и внесшие значительный вклад в историю фотографии, позволивший им встать в один

© Полуэктова Т.А., 2024

¹ Подробно о творчестве женщин-фотографов середины XIX — конца XX в. см.: Rosenblum N. A History of Women Photographers. New York: Abbeville Press, 1994. 400 p.

ряд с такими профессиональными фотографами-мужчинами, как Данте Габриэль Россетти, Льюис Кэрролл, Роджер Фентон, Генри Пич Робинсон и др. Фотографии, авторами которых являлись женщины, решившие представить обществу результаты своего труда, были оценены профессионалами по-разному. К примеру, как восторженные, так и критические отклики получили работы Дж.М. Камерон — выдающейся портретистки и создательницы «причудливых сюжетов» (*fancy subjects*) — так она называла свои художественные аллегорические изображения, составляющие коллекцию Музея Виктории и Альберта. Несмотря на то, что с 1865 г. она была членом Лондонского фотографического общества, Генри Пич Робинсон, занимавший пост вице-президента, в знаменитой работе 1869 г. «Живописный эффект в фотографии» ссылается на работы Дж.М. Камерон, не называя ее имени: «За последние несколько лет появился ряд фотографий, созданных одной женщиной — многие из них неудачные со всех точек зрения, но некоторые из них очень примечательны своей смелой игрой света и теней, художественной аранжировкой и, в некоторых немногих случаях, восхитительным выражением — были представлены публике и не остались без внимания. Эти картины за упомянутые мной качества получили самые восторженные похвалы от художников и критиков, неосведомленных о возможностях искусства и из-за недостатка знаний о фотографии приписывающих им преимущества, которыми, несомненно, обладают эти фотографии, как сгустки света и тени, что скорее относится к их недостаткам ... отпечатки с поцарапанных и испачканных негативов, с которых в одном или двух случаях частично оторвана пленка, выставляются как торжество искусства» [Robinson: 144] (здесь и далее перевод мой. — Т. П.).

Или, например, в *The Harmsworth Magazine* 1899 г. была опубликована статья «Женщина-фотограф, которая никогда не фотографирует мужчин; Разговор с мисс Элис Хьюз», в которой автор, предваряя разговор с фотографом, отмечает ее уникальное место среди фотографов-современников: «Ее работы неизменно отличаются качеством, редко встречающимся даже в портрете; ведь у нее есть дар, возможно, самый ценный для тех, чья миссия состоит в воспроизведении человеческого и божественного, в умении показать свою натурщицу в лучшем виде, и она одна из тех, кто может претендовать на честь совершить революцию в современной фотографии» [Hughes: 3].

Стоит отметить и тот факт, что женщин, писавших о фотографии во второй половине XIX в., было немного — среди них поэтесса Элизабет Баррет Браунинг [Browning], писательница Элизабет Истлейк [Eastlake], фотографы Дж.М. Камерон [Cameron] и Э. Хьюз [Hughes] и др. Каждая из них по-своему осмысляла роль и возможности фотографии, стремительно и уверенно завоевывавшей внимание общества. Так, например, для Дж.М. Камерон, по ее собственному признанию, фотография была искусством: «Мои стремления — облагородить Фотографию и обеспечить для нее характер и функцию Высокого искусства, сочетающего реальное и Идеальное и не приносящего в жертву никакой Правды, при всей возможной преданности поэзии и красоте»²; Э. Хьюз, сама того не сознавая, предвосхитила онтологический потенциал фотографии следующим высказыванием: «В фотографии всегда происходит

² Letter from Julia Margaret Cameron to Sir John Herschel, Dec. 31, 1864. Цит. по: Cox J. "To...startle the eye with wonder & delight": The Photographs of Julia Margaret Cameron. *Julia Margaret Cameron. The Complete Photographs*, with contributions by J. Lukitsh, P. Wright, Los Angeles: Getty, 2003.

неожиданное» [Hughes: 5]. Работы, созданные ими, не имели ничего общего с *carte-de-visite* — портретами в полный рост, ставшими особенно популярными с конца 1850-х гг.: визитные карточки должны были транслировать социальное положение человека, его принадлежность к определенному классу и статусу — что невозможно было отразить с помощью лица как зеркала души — это создавалось за счет одежды, позы и студийного реквизита [Di Bello: 107].

Практически в это же время фотография начала появляться на страницах художественных произведений в качестве фотоэпиграфов, и наиболее репрезентативной формой была малая проза, образчики которой стали наиболее удобными для фотографических художественных экспериментов, и писатели свободно могли позволить себе сделать фотографию содержательным и структурным жанрообразующим компонентом. В конце XIX в. появляются произведения, в которых главным героем-(ями) выступает фотограф — как профессионал, так и любитель³. При этом малую долю составляют произведения, где первенство принадлежит женщинам-фотографам, что напрямую соответствует действительности: занятия фотографией были преимущественно мужской прерогативой.

«Исключением» в этом плане является роман викторианской поэтессы и писательницы Эми Леви (1861—1889) *“The Romance of a Shop”* (1888; переиздан в 2006 г. [Levy 2006]), в котором, по мнению С.Д. Бернштейн, отражено «меняющееся сознание, способ репрезентации, колеблющийся между романтикой и реализмом, между идеализированными версиями измененной жизни женщин и мужчин и обыденными опасностями таких социальных изменений» [Bernstein: 11]. Роман получил достаточно высокую оценку критиков. Среди них был и Оскар Уайльд. Правда, свою оценку он выразил в некрологе, последовавшем после самоубийства 27-летней Э. Леви в 1889 г., в нем он определил *“The Romance of a Shop”* как «яркую и умную историю, полную искрометных штрихов» [Wilde].

Стремление женщин к самовыражению, самостоятельности суждений, независимости и свободе действий, позиционированию себя в общественных местах воплощено в образе «новой публичной женщины» (*“new public woman”*) [Evans: 28]), созданной Э. Леви в романе. Утверждается идея о возможности внесения ими значительного вклада в развитие общества, не менее значимого по сравнению с мужчинами. Одной из таких сфер, где состоятельная женщина могла проявить себя, была фотография. Тема фотографии, лежащая в основе романа, во многом обусловлена интересом Э. Леви к новому медиа, которое, по справедливому замечанию Дж. Грин-Льюис, в течение XIX в. словно воздух проникло во все пространства человеческого существования [Green-Lewis: 131] и которое писательница использует, чтобы «размышлять над проблемами гендерного взгляда, отражая ее собственное двойственное отношение к тому, чтобы быть “захваченной”» [Parker: 4].

В романе идет речь о четырех сестрах Лоример — Фанни, Гертруде, Люси и Филлис, решивших после смерти отца, фотографа, с целью заработка открыть собственную фотостудию, которые стремительно стали популярными в Лондоне с 1840-х гг. Однако даже в начале XX в. содержать фотостудию было

³ В качестве примеров англоязычных рассказов, где главным героем является фотограф, можно назвать следующие: *“The Daguerreotypist”* (1849) Т.С. Артура; *“My Lost Art”* (1862) М.Д. Конуэя; *“The Lovers and the Photographer”* (1872) Д. Фентона; *“Phases in the Life of John Pollexfen”* (1876) В.Г. Поудса (псевдоним Saxton); *“Tale of a Dry Plate”* (1885) В.С. Гилберта; *“A Spoilt Negative”* (1888) Е.В. Хорнунга; *“Spirit Photograph”* (1888) С. Беннетта и др.

крайне затруднительно и связано со значительной финансовой ответственностью. Олив Эдис (1876—1955), британский фотограф и владелица нескольких фотостудий, в статье 1914 г., посвященной фотографии как средству профессиональной независимости женщин, пишет о сложностях этого предприятия: «Если в дополнение к расходам на меблировку не могут быть перечислены годовые расходы, включая арендную плату, тарифы и налоги, помощь и расходы на фотографирование, это означает немалое беспокойство» [Edis: 120]. Осваивая новую для себя профессию, сестры Лоример разрушают традиционное представление о месте и роли женщин в эпоху позднего викторианства: не желая быть ангелами в доме, они тем самым стремятся к независимости и самореализации. Гертруда, главная героиня, уверенно заявляет: «Только подумайте обо всех безрадостных способах, с помощью которых женщин и девушек наделили лишь возможностью банального зарабатывания на жизнь! Но собственное дело — это совсем другое. Это прогрессивно; такое создание способно росту, тому, чего так катастрофически не хватает женскому труду» [Levy 1888: 10].

Однако уже на этапе планирования своей будущей деятельности они встречают критику со стороны родственников и друзей, а затем и мужчин. Так, например, тетя Кэролайн Пратт оценила их замысел как «опасный и неженский» [Там же: 47]. Арендовав верхнюю часть дома на Бейкер-стрит под фотостудией, сестры обдуманно и рационально подходят к новому для себя предприятию: тщательно изучают *British Journal of Photography*, посещают читальный зал Британского музея, осваивают курсы фотографии под руководством мистера Расселла, который «вел крупный и всемирно известный фотографический бизнес на севере Англии» [Там же: 5].

Первым их заказом стала фотография в жанре «пост-мортем». Этот вызов Гертруда приняла стойко, отнесясь к нему как к должному. Результатом стали фотографии женщины — жены лорда Уотергейта, известного в научном и литературном мире: «Они изображали женщину, лежащую с раскинутыми по подушке волосами, мертвую или спящую» [Там же: 76]. Фотографирование мертвых было одной из самых распространенных практик второй половины XIX века, причем, как справедливо отмечает С. Кук, «посмертную фотографию можно было принять за фотографию спящего субъекта» [Cook: 103]. Услуги фотографов в этом жанре пользовались спросом, обусловленным, помимо стремления сохранить память о человеке, особым отношением викторианцев к смерти: не как к чему-то потустороннему, а находящемуся рядом и тем самым связанному с жизнью.

Если в начале сюжета сестры показаны на этапе становления, то в дальнейшем предстают успешными лондонскими профессионалами с принадлежащей им фотостудией на Бейкер-стрит и новообретенными клиентами. Фотостудия является центральным образом этого романа, концентрируя на себе его смысловую доминанту. В частности, она представляет собой пороговое пространство, стирающее границу между общественным и частным [Evans: 28]. Одним из подтверждений этого служит эпизод, в котором тетя Кэролайн возмущена их отношениями с художником-иллюстратором Фрэнком Джермином, которому разрешено приходить в фотостудию в любое время, как и сестрам — в его мастерскую, а также их совместным посещением общественных мест. На что Гертруда, защищая их репутацию, уверенно ей парирует: «...у нас нет обычных социальных возможностей, но должны ли мы из-за этого жертвовать всеми социальными удовольствиями? ... нам нужно зарабатывать на жизнь, не меньше, чем самим жить, и ни в том, ни в другом случае мы не можем позволить себе быть рабами обычаев. ... Если отбросить условности, разве не на суждения

и самоуважение полагается большинство из нас в наших отношениях с людьми, при любых обстоятельствах?» [Levy 1888: 105].

Сестры выполняют заказы на фотографии в разных жанрах: портреты, фотографирование работ художников, как в студии, так и в их мастерских. У них появляется возможность представлять свои работы общественности. Общение с художниками способствует их становлению как профессионалов: «Жизнь действительно открылась для них в разных проявлениях. Дело, которым они занимались, дало им возможность общения с людьми всех мастей и состояний, среди которых были люди во всех отношениях более близкие им, чем масса прежних знакомых; общение с последними было обусловлено скорее обычным “соседством”, нежели “духовном родством”» [Там же: 175]. Взгляд сестер уподобляется объективу фотоаппарата, фиксирующего общественные устои позднего викторианства — устои, которым они осмелились бросить вызов, в первую очередь мужскому превосходству. В центре внимания Э. Леви — профессиональный рост героинь, что позволяет отнести их, как было отмечено выше, к такому социокультурному явлению, как «новая женщина» (New Woman), отстаивающая гендерное равенство. Среди представительниц этого типа женщин, оформившегося в начале 1880-х гг., были суфражистки, женщины, добившиеся профессионального успеха в той или иной сфере, и др. К типу новых женщин-писательниц конца XIX в. Принадлежала и Э. Леви, создавшая во многом автобиографический образ Гертруды. Леви училась в Ньюнхэм-колледже, в Кембриджском университете. Жизнь в престижном Блумсбери позволила ей вести независимый образ жизни, посещение читального зала Британского музея дало возможность общения с «новыми женщинами» эпохи, среди которых были: Констанс и Клементина Блэк, Оливия Шрейнер, Элеонора Маркс, Беатрис Поттер и др. Всё это, включая и путешествия по Италии, Германии и Швейцарии, во многом позволило Э. Леви встать в ряды британских эмансипированных женщин *fin de siècle*. Изменение предписанных им обществом гендерных ролей не могло не отразиться на мировоззрении сестер Лоример, границы которого стали постепенно расширяться: мир становился разнообразным и увлекательным. Особенно эти изменения оценила и почувствовала Гертруда, которая «оценила новое положение вещей. Она впервые начала находить свой собственный уровень, вкушать сладости настоящей работы и подлинного общения. <...> она таила в себе огромный запас наслаждения жизнью; того безличного, объективного наслаждения, в котором так часто отказывают представительницам ее пола. Избавленная от давящих тревог, сопровождавших начало их предприятия, она вновь обрела природную бодрость духа» [Там же: 175]. В попытках утвердиться в новом для них социально-правовом статусе сестры завоевывают полноправное место в обществе и уважение к себе как к профессионалам своего дела, не уступающим в своем потенциале мужчинам (например, «великому физиологу» лорду Уотергейту, художнику Сидни Дарреллу и др.) и обладающим новым *взглядом* не только на современную действительность, но и способностью безошибочно (правда, за исключением Филлис) определять сущность окружающих их мужчин. Так, например, когда Гертруда пришла в дом Даррелла, члена Королевской Академии, чтобы сфотографировать его работы, она испытала тягостное ощущение от его взгляда, в котором читалось мужское презрение. Она не ошибется: этот же взгляд она встретит, когда будет буквально вызволять Филлис из рук женатого мужчины, позирующую в роли Крессиды для его картины.

На связь проблематики романа с визуальной эстетикой второй половины XIX в. указывает Майкл Крамп: «Роман о магазине воссоздает распространенный взгляд на женщину в поздневикторианском Лондоне: целеустремленные женщины могут преуспевать в качестве профессиональных фотографов, людей, для которых фотография стала ежедневной практикой, людей, осознающих непрерывность общественного наблюдения» [Kramp: 136].

Финал романа Э. Леви оставляет открытым, «закрепляя» при этом социальный статус сестер. Так, в эпилоге мы узнаем о появлении в семье Уотергейтов «полного человечка с румяными щеками и в жестких белых нижних юбках, получающего много внимания от своих родителей» [Levy 1888: 299]. Более всех рада такому положению вещей тетя Кэролайн, отзывающаяся уважительно о своей племяннице.

Люси, ставшая миссис Джермин и занимающаяся домашними обязанностями и воспитанием двух маленьких детей, параллельно добивается успехов на фотографическом поприще, подтверждением чего является недавно полученная ею медаль на промышленной выставке за фотографии с детьми и повышенный спрос на ее услуги. Ее муж Фрэнк успешно продвигается по карьере литографа.

Фанни в качестве жизненной стратегии выбрала замужество с мистером Маршем, вернувшимся из Африки состоятельным джентльменом.

В финале романа не упоминается Филлис: ее увлечение женатым художником Сидни Дарреллом стоило ей жизни (гл. XIX и XX). Во время их побега в Италию морозный воздух и метель усугубили состояние Филлис — чахотка, осложненная сердечным заболеванием, спровоцировала бронхиальный приступ и дальнейшую смерть. Анализируя этот эпизод, Э. Эванс рассматривает его с точки зрения опасностей, которые подстерегают молодую женщину не столько на городских улицах, сколько в высших кругах общества, имея в виду моральное падение Филлис, соблазненной Дарреллом: «падение символично представлено в визуальном плане ее переходом из студии сестер, в которой она помогает создавать образы, в мастерскую художника, где она является объектом его пристального взгляда» [Evans: 38].

Ивета Юсова справедливо полагает, что проницательный читатель заметит определенную долю иронии Э. Леви в отношении жизненных вариаций в судьбах своих героинь, что позволило ей «воспроизвести как формулы викторианской литературной традиции, так и проблемы английской нации, убедившись, что ее тексты дойдут до целевой аудитории, и выразить (более или менее закодированным способом) определенный уровень презрения к этим условностям и проблемам» [Jusova: 147].

Таким образом, освоение фотографии, постижение ее эстетического потенциала было для женщин викторианской Англии одной из немногочисленных возможностей — едва ли не исключительной — самовыражения и самоутверждения. Вооруженные научными знаниями и технологиями фотографического дела, они демонстрировали высокий уровень профессионализма и индивидуализма, что не мешало им успешно развиваться в двух сферах: частной и публичной. В лице одной из сестер, Люси, Э. Леви создает образ женщины, «редкий портрет женщины» [Evans: 26], которая, освоив новую для себя профессию, остается в ней и после замужества, продолжая дальнейшее совершенствование.

Женщина-фотограф XIX в. как социокультурный феномен отразился и в современном англоязычном романе, в таких его репрезентативных образцах, как «Путешествие безумцев» (“Afterimage”, 2000) Хелен Хамфриз [Полуэктова], “Sixty Lights” (2004) Гейл Джонс и др. Убедительный образ профессионального фотографа 1920—1930-х гг. представлен главной героиней романа

«Когда начнутся дожди» (“Before the Rains”, 2017) Дайаны Джеффрис — англичанкой Элизой Фрейзер, отличавшейся независимостью взглядов, контрастирующих с устоями и традициями Индии, в которой она находится.

Таким образом, обращение современных авторов к теме, обозначенной в заглавии этой статьи, свидетельствует об уникальности и актуальности феномена, связанного с проблемами визуальности в рамках интермедийности как междисциплинарного подхода.

Список источников

Levy A. The Romance of a Shop, 1888. URL: <https://goo.su/MRMs> (accessed: 20.05.2024).
Levy A. The Romance of a Shop, ed. by S. Bernstein, Peterborough: Broadview Press, 2006, 278 p.

Список литературы / References

- Полуэктова Т.А. «Afterimage» Х. Хамфриз как роман-фотореконструкция: особенности жанра // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 69—81.
- (Poluektova T.A. “Afterimage” by H. Humphreys as a Photoreconstruction Novel: Genre Peculiarities, *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta, Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, 2022, vol. 24 no. 2, pp. 69—81. — In Russ.)
- Edis O. Photography [1914], *Illuminations: Women Writing on Photography from the 1850s to the Present*, ed. by L. Heron, V. Williams, London: Routledge, 1996, pp. 119—121.
- Bernstein S.D. Introduction to The Romance of a Shop by Amy Levy, Peterborough: Broadview Press, 2006, pp. 11—41.
- Browning E.B. On the Daguerreotype [Letter from Elizabeth Barrett Browning to Mary Russell Mitford. December 7th, 1843], *Illuminations: Women Writing on Photography from the 1850s to the Present*, ed. by L. Heron, V. Williams, London; New York: I.B. Tauris Publishers, 1996, p. 2.
- Cameron J.M. Annals of My Glass House, *Illuminations: Women Writing on Photography from the 1850s to the Present*, ed. by L. Heron, V. Williams. London, New York: I. B. Tauris Publishers, 1996, pp. 8—13.
- Cook S.E. Victorian Negatives. Literary Culture and the Dark Side of Photography in the Nineteenth Century, New York: Suny Press, 2019, 218 p.
- Di Bello P. Women's Albums and Photography in Victorian England: Ladies, Mothers and Flirts, Burlington, VT, and Aldershot: Ashgate, 2007, pp. IX + 183.
- Eastlake E. Photography, *The London Quarterly Review*, 1857, no. 101. URL: <https://goo.su/MhYrh> (accessed: 20.06.2024).
- Evans E.F. “We Are Photographers, Not Mountebanks”: Spectacle, Commercial Space, and the New Public Woman. *Amy Levy: Critical Essay*, ed. by N. Hetherington & N. Valman, Athens, OH: Ohio University Press, 2010, pp. 25—46.
- Green-Lewis J. Photography and / as nineteenth-century context(s), *Nineteenth-Century Contexts*, 2020, no. 42:2, pp. 131—135.
- Hughes A. A Lady Photographer Who Never Photographs Men; A Talk with Miss Alice Hughes [The Harmsworth Magazine, London, vol. 11, 1899], *Illuminations: Women Writing on Photography from the 1850s to the Present*, London; New York: I.B. Tauris Publishers, 1996, pp. 3—7.
- Jusova I. The New Woman and the Empire, Columbus: Ohio State University, 2005, pp. VII + 221 pp.
- Kramp M. Exposing Visual Discipline: Amy Levy’s Romance of a Shop, the Decay of Paternalistic Masculinity, and the Powers of Female Sight, *Victorians Institute Journal*, 2012, no. 40, pp. 111—143. URL: <https://goo.su/mCN1T8> (accessed: 02.07.2024).

Parker S. Reframing Amy Levy: Photography, Celebrity, and Posthumous Representation, *Victiriographies*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 52—77. URL: <https://goo.su/waOim9m> (accessed: 07.06.2024).

Robinson H.P. Pictorial Effect in Photography: Being Hints on Composition and Chiaroscuro for Photographers, London: Piper & Carter, 1869, 199 p.

Wilde O. Amy Levy, *The Woman's World*, 1890, no. 3. URL: <https://goo.su/PtOyU> (accessed: 10.06.2024).

WOMEN AND PHOTOGRAPHY IN THE VICTORIAN ERA (based on the novel “The Romance of a Shop” by Amy Levy)

Tatiana A. Poluektova

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russian Federation, poluektova.06@mail.ru

Abstract. The article analyzes the sociocultural reality of Victorian England associated with the phenomenon of photography as a new medium and the type of a “new woman”. Both publicistic and fiction style sources are used as research material. Anna Atkins, Julia Cameron, Clementina Hawarden and others contributed to cultural history not only as the first English women photographers, but also as the first critics and theorists of photography. Such a sociocultural phenomenon as “a woman and photography” is touched upon in the novel by the English writer Amy Levy “The Romance of a Shop” (1888), which hasn't been translated into Russian. Describing the experience of four sisters who opened their own photo studio, E. Levy presents, first of all, the social status of women in the Victorian era. The Lorimer sisters' desire to take up photography is a kind of challenge to Victorian foundations and traditions, that patriarchal model in which power belonged to no one but men. Standing on the other side of the photographic lens, they had the opportunity to observe the outside world, basically for the sake of closely observing and studying men. The image of the “new woman” finds its expression in each of them to a different degree: most of all it was embodied in Gertrude, the most active supporter of gender equality, as well as in Fanny, who combined marriage and professional development in the field of photography. E. Levy's novel is a paragon of “women's writing” (a novel about a woman written by a woman), a woman's perspective on current issues related to gender issues of the second half of the 19th century and received artistic interpretation in the works of modern English-speaking writers.

Keywords: photography, “new woman”, photographic ekphrasis, Amy Levy, “The Romance of a Shop”

For citation: Poluektova T.A. Women and photography in the Victorian Era (based on the novel “The Romance of a Shop” by Amy Levy), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 22—29.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Полуэктова Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, poluektova.06@mail.ru

Poluektova Tatiana Anatolievna — Candidate of Sciences (Philology), assistant professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation, poluektova.06@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 30—40.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 30—40.

Научная статья

УДК 821.161.1.09'06

DOI: 10.46726/И.2024.5.4

ФЕНОМЕН ПЛАСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ-ХУДОЖНИКА: «ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ» В СТРУКТУРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА Б. ДЫШЛЕНКО

Елена Михайловна Тюленева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. Статья продолжает ряд исследований автора, связанных с изучением особого типа визуального мышления писателя, выступающего одновременно художником, имеющим непосредственную художественную практику. Подобный тип мышления предлагается определять как пластический, по аналогии с пластическим искусством, акцентируя характерный тип работы с образом через зрительно-пластические средства (пространство, форму, объём, цвет, ритм, фактуру и т. д.). Анализ текстового корпуса Бориса Дышленко позволяет подтвердить гипотезу о транспонировании как принципов видения образа, так и работы с ним из художественной (в данном случае — живописной и графической) оптики и практики в литературную. Речь идет о десемантизации цвета, пондерации как устойчивом способе соединения элементов текста, формировании композиции через ритмизацию, геометризацию и балансировку частей изобразительного поля, акцентировку зрительного центра, уравнивание разномасштабных объектов и т. д. Отдельный интерес в случае Б. Дышленко представляет концепция «изображения изображения», предложенная в живописи его братом — Юрием Дышленко и активно разрабатываемая Борисом применительно к литературе. Суть концепции состоит в расщеплении изображения на продукт и процедуру; торможении образа на его пути к становлению для демонстрации этого пути; создании возможностей для узнавания образа в процессе его производства, что пластическими средствами достигается через неполноту, стертость, мнимость формы или, напротив, ее переполненность, обманную семантизацию, метонимическое замещение другими медиа. В настоящей статье предлагается разбор методов, приемов и средств, позволяющих Б. Дышленко создавать подобные эффекты в литературном тексте. Во многом они строятся вокруг характерного для всего дышленковского сверткества ключевого концепта «силуэт», аккумулирующего вариативность и неустойчивость образа, одновременно стремящегося к овеществлению и опустошению, или, в формулировке Б. Дышленко, чистой метафоры — «выражению чего-то через нечто». Реализация силуэтности на выходе формирует искомую процессуальность, уловление образа в процессе самообразования, но удержание его от финализации, поскольку именно сохранение мерцания образа позволяет ему всегда оставаться «в пути».

Ключевые слова: Борис Дышленко, Юрий Дышленко, писатель-художник, пластическое мышление, живописное мышление, пластический образ, «изображение изображения»

Для цитирования: Тюленева Е.М. Феномен пластического мышления писателя-художника: «изображение изображения» в структуре литературного текста Б. Дышленко // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 30—40.

Нам уже приходилось писать о специфическом живописном мышлении Бориса Дышленко — писателя и художника, автора ленинградского андеграунда, завершившего свои главные произведения в 1990—2000-е годы. Как показывает анализ текстов, характерное пластическое мышление писателя, выступающего одновременно как практикующий художник, и его преломление в литературном высказывании — весьма продуктивное проблемное поле, обращаящее к реализации визуального в литературе не столько со стороны «видимого» (переводимого в статус «видимого») текстовым субъектом или читающим реципиентом, сколько в плане генеративно-методологическом: текстовые формы организуются под влиянием (или становятся следствием) присущего автору визуального типа восприятия, генетически или профессионально обусловленного. Речь идет о специфической рефлексии писателя-художника, которая формирует текст по законам пластического искусства. В этом случае стоит ожидать, что цвет и фактура могут представлять в до(вне)семантизированном состоянии; соединение элементов текста будет основываться на основе пондерации, а не референции; композиция выстраиваться через акцентировку зрительного центра, ритмический повтор элементов, геометрическую гармонизацию и балансировку частей изобразительного поля, поддержку и уравнивание разномасштабных объектов и т. п. [Тюленева 2022].

Возможны здесь и более сложные заходы, связанные как с реакцией на сбой репрезентации, так и с переключением регистров восприятия бытия, о которых говорит, например, М. Ямпольский, фиксируя тенденцию, при которой «непосредственное все чаще и чаще начинает пониматься в пространственных терминах и, соответственно, соотноситься с областью пространственных искусств», «непосредственное становится зримым, и при этом зримым в терминах современной нефигуративной живописи» [Ямпольский: 17, 19]. Он ссылается на последнюю прижизненную публикацию М. Мерло-Понти «Око и дух», где бытие обсуждается «исключительно в терминах живописи», а при описании бытия как топологического пространства возникает сравнение с «пятнами цвета Клее». Дополнительный ракурс вносит эссе К. Гринберга «Абстрактное и репрезентативное», в котором изображение рассматривается как самостоятельный пространственный объект, больше не являющийся средством передачи изобразительного эквивалента реальности: «Оно утратило свое “внутреннее” и почти полностью превратилось во “внешнее”, став целиком поверхностью, плоскостью. Зритель больше не может проникнуть в него из пространства, в котором он находится; напротив, абстрактное или полуабстрактное изображение возвращает его в это пространство во всей его грубой буквальности...» [Там же: 20]. Иначе говоря, существенна и обратная интенция, при которой мышление и язык художника способны проявить (интерпретировать) вербальный текст в его актуальном понимании, поскольку становятся все более явными медиаторами бытия, обладая более адекватными способами его выражения.

Стоит еще уточнить определение этого уникального мышления художника: понятие «живописное» как будто не исчерпывает все возможности изобразительного ряда, поэтому станем называть этот тип мышления *пластическим*, включающим кроме работы с краской/цветом (за что, собственно, отвечает живопись), еще и структуру, форму, объем и проч., понимая вместе с тем неточность и неоднозначность и этого определения.

Очевидно, что как способы реализации подобного типа мышления, так и ракурсы обсуждения этой реализации будут многообразны, здесь остановимся на одном, специфично дышленковском, а потому особенно интересном для исследования. Речь пойдет о концепции «изображения изображения», выдвинутой

старшим братом Б. Дышленко — художником Юрием Дышленко, сделавшим ее, по сути, методологией своего творчества. Длительный творческий союз братьев Дышленко, а также неоднократно артикулированные обоими братьями в работах, интервью и выступлениях эстетические принципы говорят о родственности методологии и явном творческом диалоге. При этом Юрий Дышленко реализует метод в живописи, а Борис, оставаясь художником, еще и в литературе.

Суть концепции состоит в обнаружении и фиксации фазы, в которой присутствует изображение (оно узнается по наличию формальных маркеров: есть, к примеру, горизонт или контуры силуэта, что позволяет фиксировать жанр — пейзаж или портрет), но нет конкретного объекта (изображаемого или портретируемого). По убеждению Ю. Дышленко, именно торможение изображения на этой стадии (остановка на пороге изображаемого) имеет особую ценность, поскольку фундирует *зрительское напряжение*, которое и запускает процесс *синтезирования образа*. Со своей стороны, картина при таком раскладе предстает не миметическим изображением, а системой знаков, которую формируют линии, краски, композиция — т. е. «лингвистической конструкцией», как ее определяет Ю. Дышленко в интервью В. Агафонова [Агафонов]. Максимальное отдаление от первоначального изображения, по Дышленко, — самый действенный путь к обнажению структуры, или пространства, «в котором только ожидается появление предмета». Эта переакцентировка вектора работы художника должна отозваться в трансформации рецептивной оптики зрителя: он должен увидеть не только изображение, но и его конструкцию и, ожидая/желая появления предмета, пережить «настоящую работу синтеза». Технически «изображение изображения» моделируется с помощью привлечения или имитации разнообразных медиа — от фотографии и журнальной вырезки до визуальных эффектов пленки и экрана. При этом объект всегда двухмерен — он своего рода иллюстрация, всегда чье-то изображение, «чья сущность как бы зафиксирована моим изображением», уточняет Ю. Дышленко [Там же]. Л. Гуревич, анализируя его серии, посвященные разным видам изображения: музейному репродуцированию, фотографии, телевидению, рекламным плакатам, открыткам, иллюстрациям в периодической печати, в старинных научных книгах и пр. — обращает внимание на овеществление самой технологии, которая «уподобляется той аналитической процедуре, которую совершает художник-хронотипист, разлагающий цвет на степень контраста, светлоту, насыщенность, цветовое доминирование» [Гуревич]. Как видим, в целом эти рассуждения вполне в духе происходящих в искусстве и гуманитаристике процессов, и могут быть описаны также через родственные формулы дюшановского «промедления» (см.: [Ямпольский: 23, 25]), события линии, которая «линится» у Мерло-Понти [Петровская: 51] или бартовский *punctum* [Барт], дпящий и по сути проявляющий фотографию. Так или иначе, не будучи в полной мере услышанными соотечественниками¹, братья Дышленко создают

¹ К слову, с симпатией интервьюируя уже вполне состоявшегося, получившего признание и престижные залы Ю. Дышленко, В. Агафонов в вопросах и комментариях иронично подтрунивает над непривычностью и непонятностью его теоретических построений и заголовок выставляет соответствующий — «Алгебра гармонии» [Агафонов]. Об этой проблеме несовпадения масштабного структуралистского (или точнее будет — уже постструктуралистского) проекта Дышленко ни с ленинградским, ни с московским андеграундом в свое время говорил В. Кривулин [Кривулин], и его некролог Ю. Дышленко так и называется — «Нерасшифрованное послание питерского художника из Нью-Йорка» (Коммерсантъ. 1995. 4 февраля).

очень современную модель живописного и литературного текста. К литературной составляющей этого проекта и перейдем.

Как представляется, Борис Дышленко, разделяя идеи старшего брата, видит им эквиваленты в собственных попытках выстроить новый подход к слову и образу. В его формулировках это предстает как стремление «расширением синтагмы, бесконечным уточнением слова добиться от него минимального количества значений, но так, чтобы оно все-таки оставалось в пути» [Дышленко 2005: 195]; как способ создать метафору, работающую с тождеством предметов еще не существующих и образов еще не оформившихся, только потенциальных, — чистую метафору, «выражение чего-то через нечто» [Там же: 207]; как достижение порога восприятия «на определенной стадии изображения или воспроизведения, когда некоторые предметы оборачиваются пустотами, и, наоборот, пустоты еще не превратились в предметы» [Дышленко 2002: 6]. И на этом пути работа с собственно литературными средствами весьма удачно подпитывается внутренней художественной оптикой, возможно, тем самым и определяя своеобразие узнаваемого стиля Дышленко.

Так, действенным способом создания мнимо опустошенного образа, ускользающего от уловления, становится обращение к форме и эффекту *силуэта*. Силуэт удачен как тип визуальности, транслирующий неполноту, наличие и отсутствие одновременно: «по движению моего силуэта, хоть и смутного, хоть и размываемого ливнем, но узнают меня, узнают и придадут этому значение» [Дышленко 1991: 108]. Силуэт есть уже в раннем рассказе «Кромка» (1967), на нем построен один из поздних романов — «Контур и силуэты» (1996), лейтмотивен он и в последнем романе «Людмила» (2013). Силуэт — это та чистая метафора, в которой оба компонента стерты: «что-то» выражается через «нечто». Идея мира как сплетения контуров и силуэтов, демонстрирующих потенцию к своему наполнению, но и одновременно самодостаточно наполняющих реальность, реализуется через фактуризацию силуэта и фигуративность его нестабильности. Собственно, силуэт (силуэтность как эффект) и становится тем авторским эквивалентом «изображения изображения» у Б. Дышленко, средства и способы для воплощения которого он разрабатывает на протяжении всей жизни. А изобразительные параметры силуэта: двухмерность, самодостаточность контура, отсутствие деталей внутри контура, однотонность при наличии контраста, возможность инвертирования, при котором контур становится пятном (инвертирование переднего плана и фона), минимализм изобразительных средств при обязательном сохранении узнаваемости — формируют образ в тексте.

Посмотрим, как это реализуется технически. Персонаж Дышленко внешне выглядит типичным героем андеграундной прозы — маленьким человеком, антигероем [Арьев; Берг; Иванов], сегодня его назвали бы еще и социопатом. С. Яковлев в рецензии на первый сборник повестей и рассказов Дышленко фиксирует герметичность его прозы, даже некую холодность и безразличие автора как по отношению к герою, так и читателю, которому не позволено «ворваться в истерзанную душу героя» и «не во что вложить свое Я» [Яковлев: 163]. Однако, как представляется, дело здесь меньше всего в социальной или психологической мотивации образа, равно как и прагматика текста отнюдь не в формировании реакции читателя на героя или обстоятельства, его (не)определяющие. Интерес Дышленко — в фиксации вибрации и неуловимости как этой мотивации, так и самого образа, удерживаемого на пороге проявления. Это доидентификационная стадия существования образа, при которой идентифицирующие компоненты уже явлены, но еще неустойчивы. Поэтому образ предстает

в холодном, вне(до)психологизированном, порой пассивном состоянии. Он — остраненное изображение, которое находится в начале проявления. Отсюда эффективное действие *пластических техник*, представляющих образ как форму и позволяющих совершить искомое остранение. Перечислим наиболее устойчивые, повторяющиеся из текста в текст и определяющие характер поэтики Дышленко:

- отсутствие портретных характеристик, либо замещение их метонимической деталью (усы, борода, уши, цвет волос, шляпа: «*в большую синюю комнату, весь в волосах и бороде, вошел человек*», «*Серая шляпа беспокойно замелькала над оживленной толпой, осаждавшей симферопольский поезд*», «*волосатый читал ... уши пегого обиженно отвернулись*» (*Созвездие близнецов*)²); таким заместителем может выступать и тень — очевидный синоним силуэта («*Мы повернули, и тени теперь упали направо, и за следующим поворотом были уже впереди нас и наконец взбежали головами по ступенькам и выросли над нами на стене*» (*Антрну*)). Персонаж здесь, как правило, визуальный контур или пятно, и в таком формальном виде он располагается на полотне текста, где выстраивается не столько сюжет, сколько композиционный диалог образов-форм. Размышляя о возникновении текста, Дышленко часто объясняет свое видение создающегося произведения именно через художнический опыт: «Так на рисунке, на котором еще неясно, что будет изображено, уже видны какие-то линии, их направления, пересечения, соотношения отрезков, потом постепенно появляется общее изображение, оно уточняется, обрастает дополнительными штрихами» [Дышленко 2002: 5];

- подчеркнутая визуальная размытость облика персонажа, равно как и предметов фона, например, из-за дождя, снега: «*Из водосточных труб били желтые струи, перебежал улицу и исчезал в гастрономе промокший Петров, и под дождем недвижимыми черными тенями размылись деревья*» (*Созвездие близнецов*); стандартной одежды; невыразительности, обыкновенности внешности: «*Странная компания, но все были довольно рельефны, кроме одного, который, казалось, не отбрасывал тени... Седой и какой-то нерезкий...*» (*Контур и силуэты*). Но возможно и более сложное размывание уже изображенного: например, разговор двух соседок — невидящей и неслышащей в «Созвездии близнецов» или соседей по коммунальной квартире, в какой-то момент без видимой причины переходящих в разговор на язык абсурда в «Кромке». Здесь дополнительный размывающий элемент (слепота, глухота, алогизм), с одной стороны, приводит изображенное в острающее состояние и запускает его новое формирование уже в новых границах, а с другой — обеспечивает невозможность любой его итоговой фиксации: глухая и слепая коммуникацию не осуществят никогда, равно как и не возникнет определенность в череде абсурдных высказываний. В понимании Дышленко, это чистая пороговая коммуникация, в которой образ, не имея возможности финализироваться, всегда продолжает изображаться и никогда не перешагнет порог своего изображения. Тот же эффект при фактуризации речи достигается клишированностью и стереотипностью высказывания: «*Я жив и сокрушу все козни... — Я хотел сказать «врагов», но тут опять вспомнил, что у меня врагов нет, и сказал — противников*» либо, что еще нагляднее, обнаженной его десемантизацией: «*И всего-то они знают, что прхшщъ ы дъстхлнхъ мхрь: вхдъ они тхжъ тхгжхъ-а о хмчштк, тхм нхъ мнхъ кнхъ прхъдхъ-уть тхътхъ-о хчхът-йъя, чтхъ ъя*» (*Антрну*);

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданиям: [Дышленко 1977; Дышленко 1991; Дышленко 2002; Дышленко 2009] с указанием в скобках названия произведения.

- образ/тело как геометрический объект — он показан с угла, в профиль, в повороте (в том числе потому, что всегда есть некто, наблюдающий), в фрагментированном движении, в пластическом пересечении с другими объектами и формами: *«Долго всматривался в зеркало, в лицо, так и не увидел. Заметил только тогда, когда лицо уехало вбок, срезалось и пропало — закрыл дверцу»; «Две соседки сидели в кухне за столом, одна напротив другой. Между ними белым экраном была повешенная на веревку простыня» (Созвездие близнецов); «приостановился, вернее, даже не приостановился, а замедлил движение приподнятой и полусогнутой ноги ... я поставил ногу и поднял другую, а подняв, поставил ее и так продолжал идти под слабеющим дождем» (Кромка);*

- геометрическое кросс-движение, перечеркивающее полотно текста, а вместе с ним и четкость объекта (перемещение персонажа на противоположную сторону улицы; вход-выход в подъезд, под арку, здание): «там, где кончалась перспектива, просияла сквозь белые ветки электрическая лампа, и от этого света деревья на углу казались зелеными. Коля и Ляля ушли в перспективу, оставляя следы на снегу» (Созвездие близнецов). Сюда же отнесем и перемещение по условной карте города, довольно частотное в характерно петербургском (ленинградском) тексте Дышленко. Здесь тоже могут быть варианты: от локального района, в котором живет герой и исчерчивает его траекториями своих неостановимых перемещений, — до создания условного топоса с вымышленными (но оставляющими поле для интерпретаций) названиями локаций или буквальной карты Ленинграда/Петербурга, по которой движутся персонажи, визуализируя геометрию текста. Этой абстрактной геометрии приходится взаимодействовать со статичными объектами — архитектурными доминантами города, которые своей фигуративностью по принципу пондерации уравнивают композицию текста: в результате персонажи постоянно натываются на городские объекты, важные для текста не в символическом смысле, а в изобразительном — как дополнительная форма, цвет, фактура;

- помещение персонажа в «раму» (окна, подъезда, дыры в стене; коммунальной квартиры, камеры; компании людей, толпы; рекламного плаката, телевизионного экрана и др.), сам силуэт — это по сути рам(к)а. Так обрамление автоматически формирует эксплицированную образность и одновременно обнажение пространства, в котором ожидается появление объекта/субъекта. Происходит постоянное взаимозамещение фона и объекта, при котором объект становится действительно мерцающим — он проступает через фон, или заштриховывается фоном, или даже возникает в разрывах фона: *«впервые увидел холодное осеннее небо сквозь разорванный глаз»* (речь идет о прорванном лице на рекламном плакате, роман «Контур и силуэт»). Способы весьма разнообразны, их объединяет общий механизм остранения изображения от изображаемого, расщепления образа на изображение как объект и изображение как процесс создания этого объекта;

- умножение оптических точек и углов зрения за счет наслоения пространственных объектов (окно/чердак/подъезд, из которых некто смотрит на улицу и может видеть героя, а тот в свою очередь замечает смотрящего или предполагает/визуализирует его в своем сознании), либо метонимического акцентирования одного объекта и ракурса зрения (*«И у меня было такое впечатление, как будто у меня не голова, и вообще, — я — не я, а существует какая-то челка, такая желтая, соломенного цвета, которая все клонится и клонится к сырой и плотной земле» (Антрну)*). В зрелых текстах это усиливается до полного неразличения, которое устойчиво повторяется: герой смотрит на себя и себя

не идентифицирует: *«Ты смотришь в толпу ... и даже без особенного труда отыскиваешь знакомую фигуру в темном плаще. Вот он поправляет воротник и начинает пробиваться из окружающей трибуну толпы. Правда, он выглядит не совсем таким, какого ты привык встречать в тусклом трюмо в своей прихожей»* (Контур и силуэты);

- намеренное обнажение и овеществление мерцающего переключения внутреннего и внешнего: *«Теперь надо было выбраться на перпендикулярную улицу, и я подумал, что для того, чтобы пробраться туда, мне прежде нужно пройти незамеченным до соседнего двора, но страх и подозрение до такой степени сковывали мой ум, что мне понадобилось выразить мое намерение словами, чтобы понять его»* (Кромка), которое усложняется до демонстрации параллельного видения, создающего эффект остранения: *«Чем удобен параллельный мир? Ты сам становишься частью увиденного изнутри, частью своего “я”»* (Контур и силуэты) или обнажения перехода от 2-го лица к 3-му (*«само твое присутствие выдает тебя, и достаточно всего лишь подавить вздох, чтобы любой из них указал на тебя пальцем и крикнул: это он!»*) (Кромка). Очень часто мерцание образа метонимизируется мерцанием одной детали, маркерно присутствующей в тексте, подобно повторяющемуся мазку/цвету/форме на картине. Так идея торможения становящегося образа на пороге своего становления предстает сразу в нескольких своих эффектах: образ (герой или персонаж) фигуративно рассеивается по полотну текста, бесконечно умножается и при легкости узнавания ускользает от идентификации: *«Темная фигурка (плащ, шляпа), лавируя в пестром потоке, пересекала проспект. Вслед за ней устремились еще три, одетые примерно так же. ... Человек в шляпе перешел рельсы, проскочив перед трамваем, который закрыл его от меня и от тех троих, спешивших за ним. Они нетерпеливо заматались между трамвайными путями, но когда трамвай прошел, того, в шляпе, уже не было на тротуаре, а может быть, не было шляпы. Я вернулся в коридор ... и, проходя мимо вахтерши, вежливо приподнял шляпу»* (Контур и силуэты);

- работа с оппозицией «образ vs представление» («быть представлением — значит как раз не быть тем, что представляется» (Контур и силуэты)). Помимо экзистенциальных и социальных проблем, которые в этом ракурсе неминуемо возникают, Дышленко интересуется механизмы разного рода симулякров, подмен, имитаций, которые могут демонстрировать потенциал пустотного образа. Потому в его текстах множество обманок, в том числе визуальных. Обман строится в большинстве случаев на тождестве, неразличении похожих, но разных объектов — здесь изображение изображения буквализуется в разрыве между копией (формой) и подлинником (содержанием): лежащий на улице объект, покрытый тканью, стереотипно воспринимается как труп и становится триггером априорного страха (Кромка); начерченная на полу мелом линия формирует композицию жизненного пространства героя (Демаркационная линия), как и луч света, образующий сектор в пространстве (один из частотных образов в сверхтексте Дышленко); карта становится игроком — Джокером (Контур и силуэты) и т. п. В этом контексте невозможность самоидентификации героя представляется как невозможность определить, зафиксировать собственные границы, которые расплываются и никак не удерживаются в контуре, или невозможность вписаться, уместиться как форма в пространство (в «Демаркационной линии», где герой буквально торчит, не уместается в выделенный сектор, а в «Кромке» застревает в дыре в стене), или как неузнавание его родными и знакомыми (Антрну). И далее — с более сложным эффектом остранения: возможность видеть

себя со стороны, представлять себя как изображение, встретиться с собой, идентифицировать себя в другом (Контуры и силуэты, Людмила);

- повторы текстовых фрагментов, буквальные и перефразированные — от фраз и словосочетаний до предложений и абзацев. Это могут быть простые эффекты дежавю и обратно — жамявю, более сложные — дежа визите (уже посещенное) и дежа сенти (уже однажды чувствованное), которые одновременно переживают герой и читатель. Такие повторы многофункциональны: они тормозят процесс развертывания образа, постоянно отбрасывая его к силуэтному состоянию; выступают структурными элементами — базовыми силуэтами, формирующими каркас и разметку текста; часто служат маркерами, по которым субъект (вновь — как текстовый, так и внетекстовый) ориентируется в пространстве текста, пытаясь распутать загадку происходящего; вместе с тем эти повторы остраивают сюжет, обнажая его визуальный план и визуальную композицию, создавая ритм, который досемантическим способом формирует эффект проявления и образа, и текста;

- принцип совмещения медиа, наиболее активно использующийся в «Контурах и силуэтах», вероятно, еще и как омаж Ю. Дышленко, который умер как раз в период написания романа, и текст во многом последний разговор с братом. В визуальное пространство романа активно вторгаются реклама и телевидение. Здесь силуэт становится рамкой для бесконечных напластований, овеществляясь в стене/щите, на котором один рекламный плакат сменяет другой, или в телевизионном экране, где изображаемые картины повторяют произошедшее с героем, а реальность становится сценой из кино. Телевизионный кадр конкурирует с жизнью — оба в романе обладают властью сюжета: провоцируют появление персонажа, генерируют его из «совпадений и смутных очертаний» (*«Я положил трубку и некоторое время постоял, глядя никуда и ни о чем не думая. Я не сразу понял, что по телефону вместо меня разговаривал кто-то другой. Когда я снова начал думать, то первой моей мыслью была мысль о том, что и это мое сосредоточенное стояние с рукой, положенной на телефонную трубку, тоже как бы некоторое действие. “Пора бы уже выйти из телевизора”, — подумал я»* (Контуры и силуэты)). Экфрасическими отсылками к картинам брата вводится и другой тип медиа, подобный старым фотографиям на полотнах Ю. Дышленко, которые уже своим присутствием создают первый пласт изображения — он же и фон, и силуэт, с которым начнется работа. Только здесь количество слоев изображения многократно увеличивается: вместо случайно найденной старой фотографии — картина, которая сама построена по тому же принципу мерцающего изображения: *«Картина звала меня в какой-то нереальный, но поразительно достоверный мир, состоящий из несуществующих в природе предметов, форм и пространств, которые, казалось, вот-вот готовы были сложиться во что-то знакомое и осязаемое, в то, что можно будет назвать, и ... не складывались. Картину подарил мне художник, когда это еще был я. Этот художник умер. Внезапно я почувствовал себя сиротой. Почувствовал свое абсолютное одиночество. Как будто я один стою в пустыне, где — ничего, даже горизонта. Подавив в себе это чувство, я вернулся в кресло и попытался сосредоточиться на телеэкране»* (Контуры и силуэты). Вероятно, отсюда следующий шаг — создание мнимого экфрасиса — изображения, воссоздающего узнаваемый и хорошо знакомый образ, но не являющийся им. Так возникает визуальная имитация полотна К. Брюллова «Последний день Помпеи», которая, не исключая, существует только в сознании интерпретатора, но продиктована логикой текстовой

работы Б. Дышленко: «Красный луч лазерного прицела прорезал фиолетовый пар — и всеобщая паника на площади, в завихрении вокруг гранитного столба и воздетые руки пророков над обезумевшей от страха толпой, разинутые в беззвучном крике рты искаженных ужасом лиц и кровь, и мигалки патрульных машин, говорящее что-то лицо комментатора, темные, медленно шевелящиеся клубки рвущихся в улицы, топчущих друг друга людей, и общий план через резкий крест черного ангела на бурлящую площадь, рассеченную бледными молниями трассирующих очередей. И над всем этим число зверя и бледный конь» (*Контуры и силуэты*). В этот мнимый экфрасис, как в контур силуэта, помещен текст: и хотя этих текстовых рамок у текста, ожидаемо, несколько, картина паники на площади возникает с первых абзацев и представляется основным фабульным событием в финале романа. При этом возникающие внутри экфрасического изображения элементы (луч, лазерный прицел, фиолетовый пар, толпа на площади, столб/столп и крест черного ангела, беззвучный крик, искаженное лицо и даже опустошенная речь комментатора) далее обретают самостоятельность и прошивают текст мотивами, а порой и сюжетами, прирастают собственными изображениями-подобиями и изображениями-сериями — так Дышленко удается выйти на тот уровень текстового единства, при котором не частные приемы демонстрируют авторское видение образа, а сам текст предстает актором, совершающим эту процедуру «изображения изображения».

Список источников

- Дышленко Б. Антрну // Часы. 1977. № 7. С. 1—81.
 Дышленко Б. Кромка // Вестник новой литературы. 1991. № 3. С. 103—117.
 Дышленко Б. *Контуры и силуэты*: Роман. СПб.: ДЕАН, 2002. 256 с.
 Дышленко Б. Порог // Звезда. 2005. № 11. С. 195—212.
 Дышленко Б. Созвездие Близнецов. Святочный роман // Звезда. 2009. № 5. С. 5—59; № 6. С. 41—106.

Список литературы / References

- Агафонов В.Ю. Алгебра гармонии // Агафонов В.Ю. Русские художники в Нью-Йорке и окрестностях: интервью: в 2 ч. Ч. 2. URL: http://lit.lib.ru/a/agafonow_w_j/agaf22.shtml (дата обращения: 05.08.2024).
 (Agafonov V.Yu. Algebra of harmony, Agafonov V.Yu. Russian artists in New York and surrounding areas: interviews: in 2 ch., ch. 2. — In Russ.)
 Арьев А. Рид Грачев и «Миф о Сизифе» // Звезда. 2020. № 5. С. 204—220.
 (Ariev A. Reed Grachev and “The Myth of Sisyphus”, Zvezda, 2020, no. 5, pp. 204—220. — In Russ.)
 Барт Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2016. 192 с.
 (Bart R. Camera lucida: Commentary on the photograph, Moscow, 2016. 192 p. — In Russ.)
 Берг М. Воспоминания о будущем // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1970-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 3—20.
 (Berg M. Memories of the future, Collection: St. Petersburg prose (Leningrad period). 1970s, St. Petersburg, 2003, pp. 3—20. — In Russ.)
 Гуревич Л. Художники ленинградского андеграунда. 2-е изд. СПб.: ДЕАН, 2019. 448 с.
 (Gurevich L. Artists of the Leningrad underground, 2nd ed., St. Petersburg, 2019, 448 p. — In Russ.)
 Иванов Б.И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950—1980 годы // Самиздат Ленинграда. 1950—1980. Литературная энциклопедия. М.: НЛО, 2003. С. 535—584.
 (Ivanov B.I. Literary generations in Leningrad unofficial literature: 1950—1980, Samizdat of Leningrad. 1950—1980. Literary encyclopedia, Moscow, 2003, pp. 535—584. — In Russ.)

Кривулин В. Третья природа. О работах Ю. Дышленко // Часы. 1982. № 38. С. 266—272.
(Krivulin V. Third nature. About the works of Yu. Dyshlenko, *CHasy*, 1982, no. 38, pp. 266—272. — In Russ.)

Тюленева Е.М. К вопросу о «живописном» мышлении писателя-художника (роман Бориса Дышленко «Созвездие Близнецов») // Профессия: литератор. Год рождения: 1941. Коллективная монография. Елец, 2022. С. 20—30.

(Tyuleneva E.M. On the “pictorial” thinking of the writer-artist (novel “Constellation of the Twins” by Boris Dyshlenko), *Profession: writer. Year of birth: 1941. Collective monograph*. Yelets, 2022, pp. 20—30. — In Russ.)

Яковлев С. Мясо под каменным небом // Обводный канал. 1986. № 9. С. 159—167.

(Yakovlev S. Meat under a stone sky, *Obvodny Canal*, 1986, no. 9, pp. 159—167. — In Russ.)

Ямпольский М. О близком (Очерки немиметического зрения). М.: Новое литературное обозрение, 2001. 240 с.

(Yampolsky M. About the close (Essays on non-mimetic vision). Moscow, 2001, 240 p. — In Russ.)

THE PHENOMENON OF PLASTIC THINKING OF A WRITER-ARTIST: “IMAGE OF IMAGE” IN THE STRUCTURE OF B. DYSHLENKO’S LITERARY TEXT

Elena M. Tyuleneva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article continues a series of the author's studies related to the research of a special type of visual thinking of a writer who is also an artist with direct artistic practice. It is proposed to define this type of thinking as plastic, by analogy with plastic art, emphasizing the characteristic type of work with the image through visual-plastic means (space, form, volume, color, rhythm, texture, etc.). The analysis of the text corpus of Boris Dyshlenko allows us to confirm the hypothesis about the transposition of both the principles of seeing an image and working with it from artistic (in this case, pictorial and graphic) optics and practice to literary. We are talking about the desemantization of color, ponderation as a stable way of connecting text elements, forming a composition through rhythmization, geometrization and balancing of parts of the visual field, accentuation of the visual center, balancing of objects of different scales, etc. The concept of “image of image” in the case of B. Dyshlenko is of particular interest, it was proposed in painting by his brother — Yuri Dyshlenko and was actively developed by Boris in literature. The essence of the concept consists in splitting the image into a product and a procedure; slowing down the image on its way to becoming in order to demonstrate this way; creating opportunities for recognizing the image in the process of its production, which is achieved by plastic means through incompleteness, erasure, semblance of form or, on the contrary, its overflow, deceptive semantization, metonymic substitution by other media. This article offers an analysis of the methods, techniques and means that allow B. Dyshlenko to create such effects in a literary text. In many ways, they are built around the key concept of “silhouette”, characteristic of all Dyshlenko’s super-text, which accumulates the variability and instability of the image, simultaneously striving for reification and devastation, or, in B. Dyshlenko’s formulation, pure metaphor — “expression of something through (some)thing”. The implementation of silhouette forms the desired processuality, the capture of the image in the process of self-formation, but keeping it from finalization, since it is precisely the preservation of the image flickering that allows it to always remain “on the way”.

Keywords: Boris Dyshlenko, Yuri Dyshlenko, writer-artist, plastic thinking, pictorial thinking, plastic image, “image of image”

For citation: Tyuleneva E.M. The phenomenon of plastic thinking of a writer-artist: “image of image” in the structure of B. Dyshlenko’s literary text, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 30—40.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 41—50.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 41—50.

Научная статья

УДК 769.2

DOI: 10.46726/И.2024.5.5

ОСОБЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАНА ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984» В ГРАФИЧЕСКИХ АДАПТАЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ИЛЛЮСТРАТОРОВ

Евгения Васильевна Кашулина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, ekashulina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются две графические версии романа «1984», предложенные французскими иллюстраторами и опубликованные в 2021 году. Исследуются причины обращения к классическому тексту в рамках массовой культуры и выявляются основные виды трансформации текста в комикс-версиях романа. Проводится сравнительный анализ сюжета романа, художественного мира, системы персонажей и репрезентации в графической форме (через уменьшение текстового объема и визуальную ориентированность). Рассматриваются способы передачи смысла через графический текст в двух комикс-адаптациях и различия в степени и способах трансформации оригинального текста. Сравнительный анализ романа и его комикс-адаптаций показывает, что, несмотря на значительное сокращение авторского текста, в графических версиях сохранены основные сюжетные линии и проблематика. Кроме того, цвет играет ведущую роль в восприятии обеих адаптаций, так как он не только акцентирует внимание читателя на ключевых деталях, но и разделяет текст на смысловые блоки.

Ключевые слова: комикс, комикс-адаптация, антиутопия, Джордж Оруэлл, 1984, массовая культура

Для цитирования: Кашулина Е.В. Особенность трансформации романа Дж. Оруэлла «1984» в графических адаптациях французских иллюстраторов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 41—50.

Клиповость мышления и ориентация на визуальный компонент — основные тренды восприятия информации в современном обществе. Этим объясняется популярность жанра комиксов. Комикс представляет собой креолизованный текст, сочетающий вербальный и визуальный компоненты, которые создают единое смысловое поле и определенным образом воздействуют на адресата. Несмотря на то, что в комиксе вербальный текст воспринимается одновременно с визуальным, он, тем не менее, часто является смысловой доминантой, так как образует нарратив и создает сюжет, детали которого дополняются через изображение: «Формат комикса предполагает монтаж иллюстраций и прозы, что, соответственно, требует от читателя способностей к визуальной и текстуальной интерпретации одновременно» [Айснер: 6]. В комиксах через вербальный компонент передаются преимущественно диалоги героев, образуя вместе с изображением смысловое единство. Для комикса характерно абстрагирование и «упрощенная реальность карикатур», что ведет к домысливанию со стороны читателя — «видению фрагмента, но восприятию целого» [МакКлауд: 62].

© Кашулина Е.В., 2024

На сегодняшний день вопрос принадлежности комикса жанру литературы и методологии его интерпретации является дискуссионным. Так, У. Айснер рассматривает комикс как литературное произведение, а иллюстрации — как отдельный язык: «Комикс использует “язык”, апеллирующий к визуальному опыту, общему для автора и читателя. Современный читатель легко ориентируется в совмещении изображения и слова и традиционном распознавании текста. Само “чтение” комикса может иметь куда более широкий смысл, чем обычно подразумевает это понятие» [Айснер: 5]. Н. Кон утверждает, что комикс представляет собой особый вид языка, состоящего из изображений в определенной последовательности: “Comics are not a language, but they are written in a visual language of sequential images” (Комиксы — это не язык, но они написаны на визуальном языке последовательных изображений) [Cohn: 2]. Х. Миодраг подчеркивает визуальную составляющую комикса, которая может значительно дополнить историю, придавая ей новые смыслы: “Visual parole can create new signs, and while repetition is possible it is not inevitable” (Визуальный пароль может создавать новые знаки, и хотя повторение возможно, оно не является неизбежным) [Miodrag: 132]. А. Мескин, напротив, говорит об однозначности визуального значения комикса, что не позволяет интерпретировать комикс как литературный жанр: “the visual meaning of comics does not seem to be compositional as it is in natural language” (визуальный смысл комиксов, по-видимому, не является композиционным, как это обычно бывает в естественном языке) [Meskin: 227]. Т. Гронстен утверждает, что комикс не имеет ничего общего с традиционной литературой, является автономным видом искусства и не относится к пласту низовой (массовой) литературы: “Comics art is an autonomous and original medium. The only thing it has in common with literature: that it is printed and sold in bookshops, and it contains linguistic statement. But why should it be systematically lowered to the level of para- or sub-literature?” (Искусство комиксов — автономное и оригинальное средство информации. Единственное, что у него общего с литературой: оно печатается и продается в книжных магазинах, а также содержит лингвистические формулировки. Но почему его следует систематически опускать до уровня парали или сублитературы?) [Kuskin: 6]. Тем не менее, анализируя комикс-адаптацию классического литературного произведения, невозможно сравнивать особенности трансформации сюжета и художественных средств вне литературного контекста.

Учитывая интердисциплинарный характер современной науки, комикс-адаптации произведений классической литературы представляют особый интерес. Так, на данный момент существует целый ряд исследований, посвященных особенностям интермедиального текста, трансформации содержания классического текста при переводе в формат комикса. В качестве примера можно привести работы Цветковой М.В. и Кризской Е.В. «Комикс Н. Батлер “Гордость и предубеждение” как вариант прочтения одноименного романа Дж. Остин» (2020), Косанович Б.Р. «“Тихий Дон” М. Шолохова в жанре графического романа (Русско-сербский комикс “Казаки”)» (2018) и пр. В зарубежном литературоведении тема трансформации произведений мировой литературы в формат комикса также широко исследуется. Например, в книге “Classic and comics” (2011) собрано 15 статей, в которых исследуется особенность трансформации классической и античной литературы в комиксах, а в статье “Comicalizations of Crime and Punishment” (2015) Дж. Берндт проводит анализ ряда комикс-адаптаций романа «Преступление и наказание».

В данной статье представлен анализ двух комикс-адаптаций романа Дж. Оруэлла «1984»: графическая адаптация К. Костэ и графический роман

Ж.-К. Деррьер и Р.Р. Торрегросса. Оба произведения опубликованы в 2021 году. Обращение массовой культуры к данному тексту неслучайно: сегодня интерес к жанру антиутопии растет в медийном пространстве. Роман «1984», ставший классикой антиутопии, сегодня играет важную роль в массовой культуре, став прецедентным текстом.

К. Костэ — французский иллюстратор и автор графических романов. В 2022 году ему была присуждена премия Prix de la BD Fnac France Inter за адаптацию романа Дж. Оруэлла 1984 [Guédot]. При анализе адаптации К. Костэ важно обратить внимание на работу с цветом. Роман условно разделен на четыре части, которые идентифицируются с помощью цветовых комбинаций. Так, личная жизнь героя в Лондоне представлена сочетанием черного и красного цветов, а работа в министерстве — черного, желтого и фиолетового. Эти части последовательно сменяют друг друга. Третья часть — сцены в тюрьме — разработана в фиолетово-черно-серой цветовой гамме. Четвертая часть — жизнь после наказания и финальная встреча с Джулией — в красно-бежевых тонах. С помощью таких визуальных средств художник подчеркивает преобладающий эмоциональный колорит каждой из частей, позволяющий читателю легче ориентироваться в тексте. Вместе с тем он идет на упрощение содержания романа, которое не всегда может быть согласовано с такой интерпретацией. Так, например, сфера личной жизни, представленная в черно-красных тонах, включает в себя и сцену посещения публичного дома, и все эпизоды взаимоотношений с Джулией. Тем не менее, эти сцены играют разную роль в жизни героя и в оригинальном тексте провоцируют разные эмоции читателя. Помимо этого, доминирующим цветом комикса является черный, так как он присутствует во всех цветовых сочетаниях. Черный цвет создает атмосферу агрессивного настоящего и беспросветного будущего, хотя в тексте романа встреча с Джулией породила в герое надежду на возможные перемены в жизни и в обществе.

С. Макклауд говорит о важности вербального компонента в комиксах: «Слова могут придать даже нейтральным картинкам насыщенные переживания и ощущения» [МакКлауд: 135]. Так, большой объем текста, который представляет собой внутренний монолог героя, расположен в виде блоков на фоне урбанистических пейзажей. Вместе с тем, так как «слова определены, но не имеют мгновенного эмоционального заряда как изображения» [Там же], в ряде сцен основное содержание передано через иллюстрации (диалоги, резкие сюжетные повороты).

Учитывая карикатурность изображения и ее упрощенность, при интерпретации комикса важно обратить внимание на характер линии и особенности фона. В адаптации К. Костэ фигуры и лица нарисованы штрихами, воссоздающими объемное изображение. В ряде эпизодов герои изображены крупным планом с акцентом на глаза, выражающие страх, ужас, беспокойство. В иллюстрациях предметов (часы, картины, книги, здания) также нет детальной прорисовки. Через контрастное изображение детали и фона читатель способен понять основной конфликт ситуации: например, изображение того, как герои впервые держатся за руки, сопровождается иллюстрацией толпы (рис. 1).

Рис. 1

В романе данный эпизод описан следующим образом: «В последний миг, пока толпа их еще сдавливала, она нашла его руку и незаметно пожала. Длилось это меньше десяти секунд, но ему показалось, что они держат друг друга за руки очень долго. Уинстон успел изучить ее руку во всех подробностях. Он трогал длинные пальцы, продолговатые ногти, затвердевшую от работы ладонь с мозолями, нежную кожу запястья. Он так изучил эту руку на ощупь, что теперь узнал бы ее и по виду» [Оруэлл: 109]. Как видно из приведенного фрагмента, в комиксе опускается значительное количество деталей, описание чувств и ощущений главного героя, которые теряются при переводе текста в графику. Дж. Оруэлл обращает внимание на чувства героя и его восприятие физического контакта, а особая интимность момента подчеркивается через контрастное описание толпы.

Также важны изображения архитектуры, с которых начинается роман: первые страницы представляют собой полосный кадр — картинку на всю страницу комикса, в которой нет действующих лиц и диалогов. Изображение ЖК «Победа» и здания министерства внутри крупных фреймов подчеркивает незначительность людей в мире «1984». Воссоздание тоталитарного режима и атмосферы страха происходит через повторяющееся графическое изображение Большого брата (рис. 2).

Таким образом, текстовые пассажи с описанием мира героев заменяются рядом графических изображений, который позволяют читателю почувствовать атмосферу террора и несвободы.

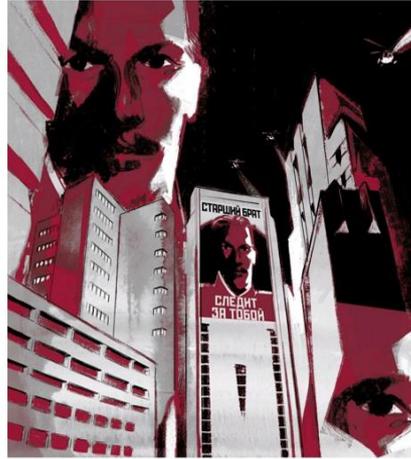

Рис. 2

Начало романа совпадает с текстом оригинала — решением героя вести дневник. Здесь фрагменты оригинального текста переданы полностью и расположены не на панели комикса, а внутри страницы, так как диалог не является доминирующей моделью нарратива. Завязка романа — получение записки от Джулии — провоцирует внутренний конфликт главного героя. В оригинальном тексте это переживания передаются через внутренний монолог, поэтому в комикс-адаптации изображения типичного дня героя сопровождаются вербальным компонентом, содержащим описание его переживаний (рис. 3).

Несмотря на сохранение основных сюжетных линий и героев, сам текст значительно сокращен: например, сцена измены жене почти полностью лишена диалогов и описаний, так же, как и сцена взрыва на улице. Сюжет и действие передается с помощью изображений и смены кадров. Тем не менее, в адаптации К. Костэ важно отметить сохранение определенных фрагментов оригинала: например, текст книги Голдстейна.

Рис. 3

В данной адаптации следует выделить способ перехода между смысловыми частями, в котором ключевую роль играет визуальный компонент. Так, переход к изображению сцен наказания маркирован черным квадратом, занимающим всю страницу (рис. 4).

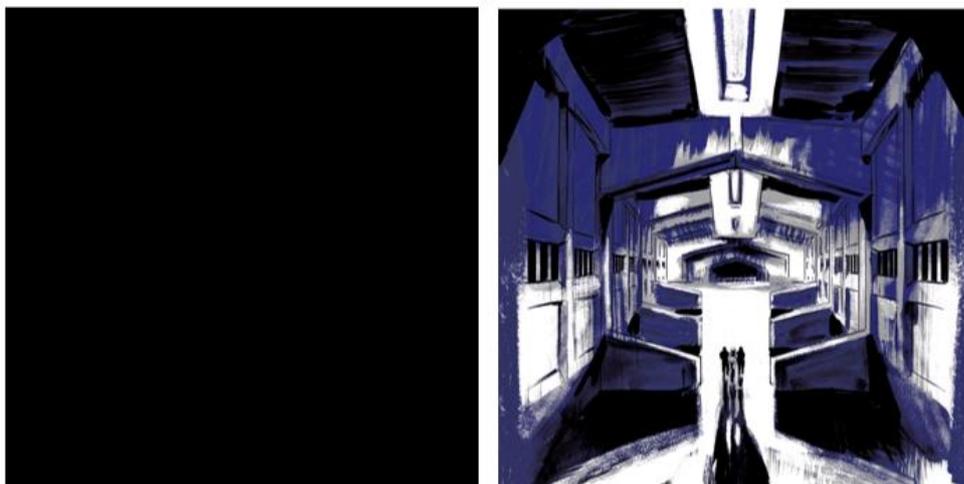

Рис. 4

Здесь у читателя может возникнуть прямая ассоциация с картиной К. Малевича, которая порождает новые смыслы внутри произведения. Учитывая доминирующую роль изображения в комиксе, необходимо отметить многозначность черного квадрата в мировом искусстве, который символизирует силу изображения над словом. В тексте этот момент описывается: «Он не помнил, был ли конец допросу. Наступила чернота, а из нее постепенно материализовалась камера или комната, где он лежал» [Там же: 228]. Учитывая различные интерпретации, библейскую и цифровую символику картины, видно, как визуальный компонент трансформирует оригинальный текст произведения и придает дополнительный смысл эпизоду: переход от хаоса к порядку, возвращение к началу и пр.

В сцене допроса за счет диалогов и постоянной смены кадров (а также их различного размера и положения на странице) достигается динамика описания происходящего (рис. 5).

Рис. 5

Финальная сцена наказания — это изображение падения Уинстона Смита, привязанного к стулу. Постепенно его фигура трансформируется в черное пятно, которое превращается в изображение марширующих ног на красном фоне, что является переходом к финальной части романа (рис. 6).

Рис. 6

В тексте данный эпизод представлен следующим образом: «Он падал спиной в бездонную глубь, прочь от крыс. Он все еще был пристегнут к креслу, но проваливался сквозь пол, сквозь стены здания, сквозь землю, сквозь океаны, сквозь атмосферу, в космос, в межзвездные бездны — все дальше, прочь, прочь, прочь от крыс» [Там же: 269]. Авторский текст здесь сведен к минимуму, а графическое изображение не передает метафорического описания многообразия чувств главного героя.

Адаптация романа издательства Soleil была создана в соавторстве: Ж.-К. Деррьер сократил и обработал текст романа, а художник Р.Р. Торрегросса создал иллюстрации. В данном случае также следует обратить внимание на цветовое решение: основная часть комикса черно-белая, исключение составляют сцены встреч героя и Джулии, которые представлены в цвете. Кроме того, в некоторых черно-белых иллюстрациях есть цветные элементы: например, плакат с изображением Большого брата, книга Голдстейна. Цветные акценты на черно-белом фоне фокусируют внимание читателя, также провоцируя домысливание. Обратимся к началу романа, когда главный герой начинает вести дневник: «Книга была удивительно красива. Гладкая кремовая бумага чуть пожелтела от старости — такой бумаги не выпускали уже лет сорок, а то и больше. Уинстон подзревал, что книга еще древнее. Он приметил ее на витрине старьевщика в трущобном районе (где именно, он уже забыл) и загорелся желанием купить. <...> Уинстон быстро оглянулся по сторонам, нырнул в лавку и купил книгу за два доллара пятьдесят. Зачем — он сам еще не знал. Он воровато принес ее домой в портфеле» [Там же: 11]. Автор романа подробно описывает не только саму книгу, но и процесс покупки, что позволяет детально воссоздать художественный мир произведения, в то время как в комикс-адаптации этот пласт информации упущен, есть попытка передачи особой роли книги в жизни героя через цвет, но этого недостаточно (рис. 7).

Кроме того, в этой адаптации автор уделяет особое внимание размещению текста, создавая трехмерное пространство. Так, например, слова песни, играющей в городе, на странице комикса размещены поверх иллюстрации (рис. 8).

В это же время герой думает о необходимости снять комнату. В оригинальном тексте Дж. Оруэлл приводит подробное описание ситуации, размышлений героя и песни как музыкального сопровождения ситуации. «Безрассудство,

Рис. 7

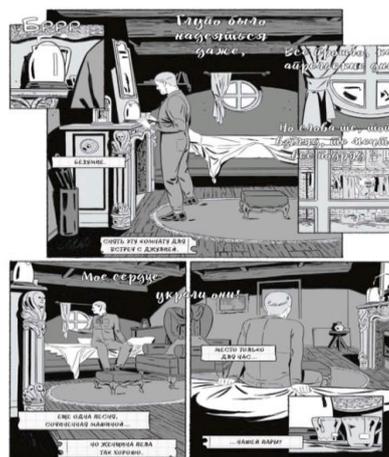

Рис. 8

безрассудство! — твердило ему сердце <...> Как он и ожидал, мистер Чаррингтон охотно согласился сдать комнату. Он был явно рад этим нескольким лишним долларам. <...> Под окном кто-то пел. <...> Июньское солнце еще стояло высоко, а на освещенном дворе топала взад-вперед между корытом и бельевой веревкой громадная, мощная, как норманнский столб, женщина с красными мускулистыми руками и развешивала квадратные тряпочки, в которых Уинстон угадал детские пеленки. Когда ее рот освобождался от прищепок, она запевала сильным контральто» [Там же: 128].

В данной адаптации оригинальный текст сокращен гораздо больше, чем в версии К. Костэ. Для сравнения наиболее показательной будет сцена написания дневника: если у К. Костэ приводятся выдержки из дневника, которые занимают основную часть страницы, то в адаптации Ж-К Деррьена текст разбит на короткие, обрывистые фразы. Подобный прием используется и с текстом книги Голдстейна: в версии К. Костэ текст приведен с минимальными сокращениями, а в варианте Ж-К Деррьена есть только ключевые утверждения и идеи, которые вписаны в иллюстрации на панели. Таким образом, данная адаптация теряет в объеме, но приобретает черты, характерные для комикса: диалогичность и динамизм.

С. Макклауд вводит такое понятие, как «плотность повествования» — объем информации, содержащийся на одной странице и в одном кадре. В адаптации К. Костэ плотность повествования ниже, так как многие изображения не содержат действий, являясь описательными (здания в городе, толпы, люди как винтики системы). Вместе с тем, благодаря объему вербального компонента, в адаптации К. Костэ сохранены детали повествования. В версии Ж.-К. Деррьена основа комикса сосредоточена на сюжете романа, что ведет к редукции тех деталей, которые препятствовали бы быстрой динамике нарратива. Весь вербальный компонент состоит из диалогов или коротких авторских ремарок. Именно поэтому в данной адаптации плотность повествования выше (рис. 9).

К. Костэ

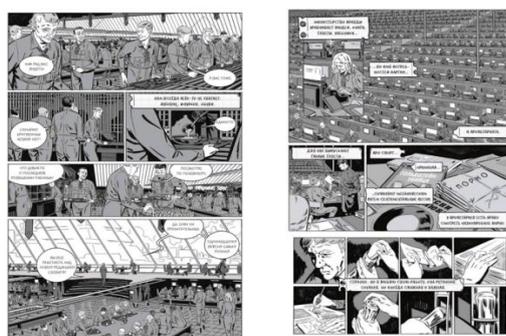
Ж-К Деррьен и
Р. Торрегросса

Рис. 9

В обеих адаптациях опущено приложение о новоязе, который упоминается в диалогах героев для создания художественного мира, но сама идея не раскрывается, как это было сделано в оригинальном тексте. Авторы адаптаций стремятся сделать классический текст увлекательным и интересным для массового читателя.

Несмотря на то, что в классическом тексте история любви является ведущей и сюжетобразующей, наиболее важный содержательный компонент

произведения — описание государства, подчеркивание атмосферы страха, ограничения прав граждан. В графических романах авторы смещают фокус внимания читателя на историю взаимоотношений и любви, пропуская остальные фрагменты романа. Замена текста картинкой в данном случае ведет к упрощению смысла оригинального произведения, которое из тоталитарной антиутопии, основанной на истории попытки мятежа главного героя, трансформируется в историю любви в эпоху тоталитарного правления.

Авторы, интерпретируя оригинальный текст, переводят роман на язык комикса, где визуальный компонент играет ведущую роль и частично заменяет вербальный: «Рассуждая о понимании текстов с позиции философской герменевтики, мы принимаем во внимание «эффект перевода» с языка автора на наш собственный. Такой перевод всегда является истолкованием, так как потенциально позволяет обнаружить то, что скрыто» [Синицина, Бижева: 86]. Рассматривая процесс интерпретации текста, в данном случае необходимо учитывать горизонт восприятия авторов графических интерпретаций, определяемый и формируемый стилем, эпохой, художественной школой. Тем не менее, оба графических романа похожи в целом ряде аспектов, что логически объясняется целью данных работ. Обе адаптации разделены на смысловые части с помощью цветовых решений, что позволяет читателям легко ориентироваться внутри текста. Помимо этого, оригинальный текст подвергается значительному сокращению, текстовые описания в комиксе трансформируются в графические изображения, в которых наиболее важные детали выделены с помощью цвета. Безусловно, стиль рисовки отличается в адаптациях, тем не менее авторы адаптаций следуют жанровой традиции европейского комикса. Версия Ж.-К. Деррьена и Р.Р. Торрегросса представляется более романтизированной, так как с помощью цвета иллюстратор передает особое восприятие любви героем и, как следствие, читателем.

Итак, в графических адаптациях сокращены описательные части, которые заменены иллюстрациями, создающими атмосферу страха и тревожности. Для обеих адаптаций характерны такие черты, как уменьшение объема, снижение информативности, сегментированность, диалогичность, динамизм. Тем не менее, в адаптации Ж.-К. Деррьена и Р. Торрегросса авторский текст сокращен значительно больше, чем в версии К. Костэ: приводятся в основном диалоги с авторскими ремарками. В обеих адаптациях важную роль играет цвет, так как в первом случае он делит текст на смысловые части, а во втором разделяет общественную и личную жизнь героя, а также акцентирует внимание на ключевых деталях. Несмотря на то, что формат комикса предполагает сокращение текста оригинального произведения, в данном случае авторам удалось сохранить основные сюжетные линии. Тем не менее, если в адаптации К. Костэ сохраняются фрагменты текста романа с описаниями и рассуждениями героев, то для адаптации Ж.-К. Деррьена характерны такие черты, как динамичность сюжета, короткие фразы, диалоги и почти полное отсутствие описательного элемента. Таким образом, адаптация К. Костэ сохраняет в себе черты авторского стиля Оруэлла (так как текстовый объем выше), в то время как Ж.-К. Деррьен и Р. Торрегросса полностью трансформируют оригинальный текст, превращая его в новую художественную форму и подчиняя законам динамики рисованной истории. В обеих интерпретациях герои изображены в характерном для комиксов стиле, отличающемся гротескностью и карикатурностью.

Список источников

- Деррьен Ж.-К., Торрегросса Р. 1984. М.: Эксмо, 2021. 128 с.
Костэ К. 1984. М.: Fanzon, 2021. 224 с.
Оруэлл Дж. 1984; Скотный двор. СПб., 2022. 416 с.

Список литературы / References

- Айснер У. Комикс и последовательное искусство / пер. с англ. М. Заславского. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2022. 192 с.
(Eisner W. Comics and sequential art, transl. from English by M. Zaslavskiy, Moscow, 2022, 192 p. — In Russ.)
- Макклауд С. Понимание комикса: невидимое искусство / пер. с англ. В. Шевченко. М.: Белое Яблоко, 2016. 216 с.
(MacClaud, S. Understanding comics: the invisible art, transl. from English by V. Shevchenko, Moscow, 2016, 216 p. — In Russ.)
- Синицына Ю.Н., Бижева Л.Х. Герменевтический подход к проблеме понимания // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 2 (7). С. 85—88.
(Sinutsyna Y.N., Bidzeva L.H. Hermeneutic approach to the problem of interpretation, *National Association of Scientists*, 2015, no. 2 (7), pp. 85—88 — In Russ.)
- Cohn N. The visual language of comics: Introduction to the structure and cognition of sequential images, London: Bloomsbury, 2013, 224 p.
- Guédot V. “1984” de Xavier Coste, lauréat du Prix BD Fnac France Inter 2022. URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/1984-de-xavier-coste-laureat-du-prix-bd-fnac-france-inter-2022-9444900> (accessed: 31.03.2024).
- Kuskin W. Introduction: Continuity in literary form and history, *English Language Notes*, 2008, no. 46.2, pp. 5—13
- Meskin A. Comics as Literature?, *British Journal of Aesthetic*, 2009, vol. 49, no. 3, pp. 219—239.
- Miodrag H. Comics and Language, Jackson, MI: UP of Mississippi, 2013, 280 p.

**THE PECULIARITIES OF TRANSFORMATION
OF “1984” BY G. ORWELL IN THE GRAPHIC NOVELS
BY FRENCH GRAPHIC NOVEL ARTISTS**

Evgeniia V. Kashulina

Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation,
ekashulina@gmail.com

Abstract. The article discusses two graphic adaptations of the novel “1984”, proposed by the French illustrators and published in 2021. The reasons for the appeal to the classical text in the context of mass culture are investigated and the main types of text transformation in the comic versions of the novel are revealed. A comparative analysis of the plot of the novel, the artistic world, the system of characters and representation in a graphic form (through a reduction in text volume and visual orientation) is carried out. The ways of conveying meaning through graphic text in two adaptations and the differences in the degree and ways of transformation of the original text are considered. The result of the research shows that, despite the significant truncation of the author's text, the main plot lines and issues are preserved in the graphic versions. In addition, color plays a leading role in the perception of both adaptations, since it not only focuses the reader's attention on key details, but also divides the text into semantic blocks.

Keywords: comic books, comic book adaptation, dystopia, George Orwell, 1984

For citation: Kashulina E.V. The peculiarities of transformation of “1984” by G. Orwell in the graphic novels by French graphic novel artists, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 41—50.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Кашулина Евгения Васильевна — аспирант кафедры зарубежной литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, ekashulina@gmail.com

Kashulina Evgenia Vasilievna — postgraduate student, Department of foreign literature, Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ekashulina@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 51—64.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 51—64.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1

DOI: 10.46726/И.2024.5.6

ПОЭТИКА БЕРДВОТЧИНГА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается социокультурный феномен любительского наблюдения за птицами (бердвотчинг) в качестве поэтикопорождающей структуры нового типа художественного письма и практики чтения. Определение общих особенностей литературной (в первую очередь, поэтической) бердвотчинг-оптики строится на сопоставлении с прочими смежными оптиками и типами поэтов, по-разному учитывающими птиц в качестве значимого элемента. Это такие типы, как поэт-натурфилософ и поэт-натуралист (Лукреций, И. Гете, М.В. Ломоносов, Новалис, Ф. Шеллинг, Ф.И. Тютчев, Н. Заболоцкий), поэт-орнитолог (В. Хлебников, В. Павский), поэт-птицелов (Г.Р. Державин, А.А. Фет, Э. Багрицкий, Б. Агрис) и собственно поэт-бердвотчер/бердер (М. Файнерман, Д. Чернышев, Т. Скарынкина, К. Вяли и др.). Наблюдение птиц в естественной для них среде, на дистанции, отказ от метафоризации птицы, признание ее инаковости, ведение записей, фиксирующих длительный процесс наблюдения и частную рефлексивность по горячим следам, — не только составляющие реальной практики бердвотчеров, но и потенциальные художественные жесты поэтов-бердвотчеров. Многосущностью и полифункциональностью наблюдения за птицами — это и субкультура, и спортивно-развлекательное соревнование, и хобби, и автотерапия, и медитация, и форма социализации, и способ исследования себя и мира — объясняется существенное разнообразие реализаций поэтики бердвотчинга.

Ключевые слова: новейшая современная поэзия, птицы, бердвотчинг, художественная оптика, поэтический субъект, деметафоризация

Для цитирования: Горелов О.С. Поэтика бердвотчинга (предварительные замечания) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 51—64.

В 2020 году американские и европейские орнитологические издания отмечали пик любительского увлечения птицами (бердвотчинг), все больше людей, иногда неожиданно для самих себя, становились наблюдателями за птицами (бердвотчерами), рекорды наблюдений фиксировались на специальной платформе eBird, где за один день было отмечено 6479 видов [Fortin]. Этот новейший виток интереса к птицам не только в США и Европе, но и России был связан с пандемией: наблюдение за птицами стало для многих оказавшихся в изоляции формой свободы, отдохновения, возможностью подняться над собой и посмотреть на свои и общественные проблемы с позиции более высокого, вечного ритма. Карантинные меры к тому же совпали тогда с весенней миграцией — идеальным временем для начинающих любителей птиц: видов много

© Горелов О.С., 2024

и их довольно легко можно обнаружить. В каком-то смысле в дальнейшем годы локдаунов, социального дистанцирования и военно-политических конфликтов стали годами чтения плохих новостей в попытке контролировать ситуацию (думскроллинг) и наблюдения за птицами в попытке создать ситуацию, в которой не нужно всё контролировать и отвечать за происходящее — думбердинг [McNeill]. На этом противоречивом сочетании эскапизма и перезагрузки, позволяющей острее воспринимать действительность, отвлечения от себя и автотерапии, постижения жизни птиц и остранения своей, поиска гармонии на классических и (пост)неклассических основаниях и на преодолении этих противоречий может быть выдержана целая художественная поэтика — поэтика бердвотчинга.

Отмеченную диалектику в феноменологии наблюдателя птиц, отраженную в художественном опыте, попробуем объяснить с помощью древнеримского концепта *otium*'а, обозначающего идею личного досуга, противоположного занятиям общественными делами (*negotium*). Бессмысленному, праздному отдыху (*otium otiosum*) Цицерон, Гораций, Овидий, Сенека противопоставляют отдых с достоинством (*otium cum dignitate*), напряженный, благородный досуг, который остается общественно если не полезным, то значимым (*otium negotiosum*), и таковой предполагает занятия, связанные с письмом и мыслью: медитация, научные изыскания, дружеская переписка, а также созерцание и исследование окружающей природы. Ф. Петрарка в книге «Об уединённой жизни» связывает отиум с христианским принципом медитации *vacate et videte* — *быть спокойным и видеть*¹, причем важна задача именно замедлить, успокоить, но не ослабить ум, не довести его до праздного состояния, от чего будет предостерегать уже М. Монтень в главе «О праздности» в своих «Опытах». По аналогии, и поэтический бердвотчинг видится увлечением, но не отвлечением. Показательно стихотворение Тани Скарынкиной «После новостей» (март 2022 года):

я пошла в магазин
долго стояла перед товаром
неизвестного природе назначения
то ли еда то ли посуда
чуть не уснула ничего не купила
я вернулась ни с чем домой
что-то включила отвлечённое посмотреть
то ли кино то ли спектакль
то ли документальный фильм
не поняла о чём они там
на каком языке
тогда я отправилась в лес
синее небо высокие сосны
дятел стучит по стволу туки-туки
я обошла вокруг дерева чтобы его разглядеть
из-за яркого солнца не получилось
но что-то внутри шевельнулось живое
завтра опять пойду [Скарынкина].

Наблюдение за птицей, которую даже рассмотреть не получилось, могло вывести лирическую героиню из оцепенения, в отличие от того «отвлеченного», которое можно просто «включить и посмотреть» по телевизору.

¹ В русском синодальном переводе «Остановитесь и познайте» (Псалом 45:11).

Такой досуг успокаивает, не отвлекая от мира, очищает от эгоцентризма, но не от «я», потому что цель (в этом случае произвольная) такого досуга — изначальная и объективная красота, жизнь, проявленная птицей², но и сама птица уже не как средство, но как цель (слово «досуг» первоначально значит ‘то, что достигнуто’, цель, а «досужий» — ‘успешный’, ‘проворный’, ‘заботливый’). Встреча птицы и интенсивный рецептивный контакт, меняющий состояние наблюдателя, — это и есть досужая поэтика бердвотчера.

Сам термин «бердвотчинг» появляется в XVIII веке, в период позднего Просвещения и раннего романтизма. Реагируя на первую волну индустриализации в Европе XVIII—XIX веков, ценность наблюдения за птицами родного края вместо орнитологического изучения посредством активного вмешательства в жизнь птиц и охоты за тушками, яйцами ради музейного коллекционирования и научной систематизации подчеркивают британские орнитологи — Г. Уайт, автор книги «Естественная история и древности Селборна», и Э. Селус, назвавший свою книгу 1901 года “Bird Watching”, тем самым вводя это сочетание как термин в научный оборот. В XX веке этот альтернативный вид контакта с птицами распространяется в США, где подлаживается под контекст уже массового общества. Именно здесь формируются первые сообщества любителей птиц, проводятся первые соревнования, а в 1934 году издается первый полевой определитель птиц Р.Т. Питерсона (вот они просвещенческие корни бердвотчинга, но действительно, определитель птиц — это настольная книга начинающего наблюдателя, и это знаково вроде бы не совпадает с поэтической точкой зрения, озвученной Олегом Юрьевым, по которой «любое стихотворение — неопределимая изнутри птица»³. Впрочем, об этом якобы несовпадении

² Уместно вспомнить здесь это размышление-наблюдение Айрис Мердок: «Красота — это удобное и традиционное название для того, что объединяет природу и искусство, что придает довольно ясный смысл идее качества опыта и изменения состояния сознания (change of consciousness). Я смотрю в окно, поглощенная тревогой и обидой, не обращая внимания на то, что меня окружает; допустим, я размышляю о пережитом унижении. И вдруг я замечаю парящую пустельгу. В один миг все меняется. Погруженное в раздумья “я” с его уязвленным самолюбием исчезает. Больше нет ничего, кроме пустельги. И когда я возвращаюсь к размышлениям о других вещах, они кажутся мне уже не столь важными. И, конечно, мы можем поступить таким же образом произвольно: сосредоточить внимание на природе, чтобы очистить свой ум от эгоистичной заботы <...> Более естественным, а также более правильным, мы считаем самозабвенное наслаждение абсолютно чуждым, бесцельным (pointless) и независимым существованием животных, птиц, камней и деревьев. <...> Это настолько очевидно хорошо — наслаждаться цветами и животными, что люди, которые приносят домой растения в горшках или любят пустельгу, могут быть даже удивлены, что это имеет какое-то отношение к добродетели. Причина удивления в том, что, как заметил Платон, красота — это единственная духовная вещь, которую мы любим инстинктивно» [Мердок: 122—123].

³ «Попробую воспользоваться образом из моей первой книги прозы, из “Прогулок при лунной луне”. Там в одном рассказе рассказчик “подумал-подумал, раскинул руками, оборотился в неопределимую изнутри птицу и, тяжело махая крыльями, перелетел через скрипуче охнувшую перед светофором желтобокую гармонику тридцатого автобуса”. Птица в том смысле “неопределима изнутри”, что тебе изнутри не видно, когда ты в неё превращаешься — галка ты, неясить или какой-нибудь ультрамариновый овсянковый кардинал. Просто летишь. Любое стихотворение — неопределимая изнутри птица. Для счастья достаточно того, что оно летающая птица, а не курица или “жирный пингвин”. Каждое стихотворение — неопределимая изнутри птица, а ты внутри. Таким образом, ты и сам — неопределимая изнутри птица» [Юрьев].

скажем ниже). Постепенно любительские наблюдения за птицами становятся культурным феноменом других стран, в том числе России. Социально-культурные новшества XX века оформляют бердвотчинг в его современном понимании: бердвотчинг как субкультура и спортивно-развлекательное соревнование невозможен без фактора массового общества; бердвотчинг как хобби, связанное с виртуальным коллекционированием видов, как тема рекламной сувенирной продукции — без (пост)индустриального капитализма; бердвотчинг как самотерапия, как медитация, как форма социализации и исследования себя и мира — без влияния психоанализа и, возможно, постсекулярных концепций. Массовое распространение техники, появление специальных биноклей для бердвотчеров, доступных фотоаппаратов довершило процесс популяризации этой практики, а средства аудиозаписи подчеркнули значимость не только визуального наблюдения, но и слушания птиц (тем более что некоторые виды проще услышать, а не увидеть, и проще опознать их по голосу), поэтому более точным термином все чаще называется *бердинг* (птичничество), и даже сами наблюдатели распределяются на два подвида — бердвотчеров и бердеров (птичеров), впрочем, об этих нюансах в наших предварительных заметках умолчим.

Птицы, опосредованные техническими и медиа-протезами, увиденные через стекло, услышанные через аудиосредства, уже относительно давно в поэзии: «Я записывал птиц голоса / На карманный магнитофон. / В микрофон залетела оса, / Создавая ненужный фон» [Григорьев: 49]; «Петр! Беленок! — не слышит оклика / сам виден ястребом в бинокль — ныряющий и повторяющийся / страдающий и наслаждающийся / лучисто озаренный с краешка...» [Сапгир: 542]. Технопоэтическая оптика определяет феноменологию и онтологию поэта, как в программных произведениях Александра Еременко (знаменитый метаболический филин, в которого «вмонтирован бинокль полевой») или Иосифа Бродского (отстраненный несобственный взгляд в «Осеннем крике ястреба»: «И в кружеве этом, сродни звезде, / сверкая, скованная морозом, / инеем, в серебре, // опушившем перья, птица плывет в зенит, / в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда / перл, сверкающую деталь» [Бродский: 105]). Однако в большинстве этих примеров используется скорее «бинокль поэтического обобщения» (Николай Глазков), а не «бинокль» орнитолога или хотя бы бердвотчера, это метафорическое острое зрение, превзошедшее птичье, но и зависящее от дополнительных механизмов, которые, в свою очередь, воплощают в реальности фантастическое зрение поэта. Именно так еще Эмануэле Тезауро в эпоху научных открытий XVII века определяет метафору, называя ее подзорной трубой Аристотеля, которого, к слову, можно считать одним из первых орнитологов в истории человечества: «Не знаю я, человеческим или сверхчеловеческим мышлением движим был тот Голландский мастер, который недавно двумя зеркальными стеклами, как двумя волшебными крылами, вознес человеческое зрение в пределы далей, коих не достигнет даже и птица в своем полете <...> все, что Господь почел от нас скрыть, открывается взору благодаря ничтожному стеклышку. Теперь можешь ты сам убедиться, что мир изрядно состарился, раз уж ему потребовались такие сильные очки. Теперь что под Луною может укрыться и спастись от беспощадного любопытства Человеческого?» [Тезауро: 72]. Это барочное переживание появления на свет просвещенческого всевидящего человека оказывается актуальным для поэта-бердвотчера, чья позиция привносит конфликт воли в отношения между птицей, техникой и человеком. Даже фиксация птицы на фотографии может трактоваться как насилие,

нарушение той досузей, платоновской красоты, наконец, как возмущение экосистемных связей, видимых чутким глазом поэта:

могу ли я вылечить лес, сожалея о нём?
или я принесу только окаменелость,
только птичий испуг, намёк на будущее уродство?
я просто смотрю — и этим насилую каждую птицу,
скрупулёзно разглядывая оперение и засветы на фото;
от этого хамства хвойная жизнь рассыпается,
птица, споткнувшись, слетает с картинки обнаруженным криком:
отныне замкнутый лес травмирован, — а затем обезличен [Дубровская].

Впрочем, обостренная экологическая тревожность проявляется лишь в региональных версиях поэтики бердвотчинга (например, английской) и в некоторых отражающих чужой свет, рефлексивных опытах русскоязычной поэзии. Генерализовать эту тональность на рассматриваемую поэтику в целом не получается, обычно искомое чувство экодуховного единства не рассыпается в практиках фото-, видео- или аудиофиксации, ставших неотъемлемой частью опыта птичеров. Однако справедливости ради скажем, что именно в экокритических исследованиях впервые появляется представление о *поэтике* бердвотчинга [Quine; Mason].

Определение общих особенностей бердвотчинг-оптики (в первую очередь в поэзии) построим на сопоставлении с прочими смежными оптиками, по-своему включающими птиц в качестве значимого элемента. Для этого выделим с известной долей условности такие типы — *поэт-натурфилософ*, *поэт-натуралист*, *поэт-орнитолог*, *поэт-птицелов* и собственно *поэт-бердвотчер/бердер*.

Первые два типа, представленные, в частности, Лукрецием, И. Гёте, М.В. Ломоносовым, Новалисом, Ф. Шеллингом, Ф.И. Тютчевым, Н. Заболоцким, очень близки и могут дополнять друг друга в рамках одного высказывания. Например, у Лукреция в поэме «О природе вещей» конкретное естественнонаучное наблюдение регулярно переходит в философское обобщение: «Так что и птицы всегда в своем оперении пестром / Пятна на теле хранят, присущие каждой породе, / То и материя вся должна пребывать неизменной / В теле отдельных пород. / Ведь, если б могли изменяться / Первоначала вещей, подчиняясь какому-то причинам, / Было б неясно для нас и то совершенно, что может / Происходить, что не может, какая конечная сила / Каждой вещи дана и какой ей предел установлен» [Лукреций: 42]. Отличают натуралиста/натурфилософа от бердвотчера осознанный исследовательский подход и интерес⁴, а также широта и системность взгляда. У бердвотчера птицы не просто часть общей картины, они получают особый статус, человек уже не может не обращать внимания на них, он видит их в словах и вещах (как герой романа «Пенсия» А. Ильянена,

⁴ Характерный пример натурфилософского, научного взгляда — размышление А. Битова в первой части романа «Оглашенные», озаглавленной «Птицы, или Новые сведения о человеке», о том, что птицы «живут на пределе (цена полета...). Их обмен протекает на пределе интенсивности, возможной для теплокровного. Они все в горячке и лихорадке. Наше легкое 37,5 это их 43, то есть смерть. Вот в каком смысле не болеют птицы» — и что так должен жить и человеческий мозг, постигая мир в постоянном усилии: «Мне представилась действительная теснота жизни, на которую каждый из нас жалуется с такой интенсивностью именно, чтобы не представлять себе полную меру (наши трудности все — временные, нам не хочется представлять себе, что они и есть норма, что бывает, например, война, когда люди не болеют, почти как птицы)» [Битов: 46]. Это, конечно, не бердвотчерский стиль мышления.

размышляющий о птичьих названиях российских поездов [Ильянен: 632]), наблюдение за птицами будто вменяется ему помимо воли: в одних случаях это партиципаторное фанатское влечение, в других — постгуманистический отказ от лидерства. Так или иначе, бердвотчинг признается всегда уместным (укажем и такой иронический пример: «Если тебя за окном будут бить и немало убьют, / посмотри на птиц, что летят на юг» [Сдобнов: 115])⁵.

Если же птицы все-таки становятся главным предметом интереса, но профессиональная, исследовательская интенция остается ведущей, можно говорить о типе поэта-орнитолога. Очевидный пример — Велимир Хлебников, сын орнитолога, сам еще до поэтических опытов принимающий участие в научных экспедициях, опубликовавший вместе с братом Александром отчет «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе» (1911). Исследования птиц, в частности попытки транскрибировать пение некоторых видов, могли повлиять на дальнейшие поэтические эксперименты Хлебникова [Велимир Хлебников...; Харджиев]. Обратный пример — профессионального ученого-орнитолога, обращающегося к поэзии, выпускающего свои книги стихов и литературоведческие статьи о птицах в творчестве других, — это В.А. Паевский.

Проблема соотношения науки и поэзии, позитивистского, аналитического и интуитивного, целостного понимания птицы обговаривается также и внутри орнитологического, бердвотчерского сообщества⁶. Идею объединения аналитического и холистического, орнитологического и бердвотчерского способов наблюдения передает концепция jizz орнитолога Т.А. Коварда, согласно которой птица (а на самом деле и человек, и другие животные тоже) зачастую опознается мгновенно — по общему облику, форме, характеру человек может уловить суть, очертания, гештальт (основные версии происхождения слова jizz или giss — это как раз искаженное gestalt, или gist (суть), или сокращенное just is (просто есть)). Jizz означает интуитивное (а в случае специалистов — опытное) понимание цельности живого существа и может заключать в скобки логический анализ, предполагающий медленное описание множества частных параметров оперения, окраса, формы, пропорций, полета и т. д. Ковард даже отмечает: «Возможно, натуралист, работающий на открытом воздухе, и в особенности полевой орнитолог лучше других понимают всю ценность jizz. На расстоянии слишком большом, чтобы разглядеть детали формы, цвета или оперения, столь ценные для ученого-классификатора, он просто видит птицу и узнает ее. Он говорит, что это зяблик, жаворонок или воробей, но откуда он знает это? Форма, размер, манера полета, а может быть, голос — таков ответ. Да, но есть нечто большее; нечто *определенное, но неопределимое*⁷, нечто, по чему мгновенно регистрируется идентичность в сознании, хотя как и что было увидено, остается неясным. Это ее jizz»⁸ [Coward: 141]. Порой такое озарение и симультанное определение птицы по уникальному интегративному качеству вернее систематического, а погружение в нюансы научного описания уводит

⁵ Поскольку Сергей Сдобнов продолжает, как и Александра Цибуля или Екатерина Соколова, линию Геннадия Айги и Леонида Шваба, то элементы поэтики бердвотчинга стоит искать в текстах и этих авторов тоже.

⁶ См. подробнее о борьбе «традиционной» орнитологии с эстетическим подходом, происходящей в межвоенные 1920—30-е годы: [Тоогоод; Вуд: 10—11].

⁷ Так и «неопределимая изнутри птица» Юрьева определена, но неопределима, как джизз — общий характер конкретного живого существа.

⁸ Здесь и далее перевод мой. — О. Г.

в сторону и приводит к неверной идентификации. Новичка ориентация на конкретные сложные индикаторы и вовсе напрягает и тревожит, хотя он мог бы расслабиться и начать свободно воспринимать общие характеристики. Неслучайно, *jizz* как образное, поэтическое описание вида стали использовать даже авторы определителей птиц для начинающих: «Вспышка сапфира — это все, что нужно запомнить, чтобы опознать зимородка, когда он мчится вниз по течению» [Fitter: 178], к тому же в таких справочниках поэтические, «романтические» описания не просто дополняют, но уточняют научные: так, плосконосые плавунчики благодаря лопастным пальцам «уверенно держатся на воде», но на деле — используя *jizz* — плавают «так же легко, как сухой, смятый лист» [Massingham: 89], и художественное сравнение действительно помогает отличить манеру плосконосых плавунчиков от большинства водоплавающих, столь же «уверенно держащихся на воде».

От поэтической практики орнитологов следует отличать любительскую поэзию, написанную самими бердвотчерами и размещаемую на специализированных сайтах. Некоторые самостоятельные издания этого рода помимо самих поэтических текстов включают абзацы полезной информации о культурном значении, внешнем виде и среде обитания тех видов птиц, которые встречаются в стихотворениях [Wehri]. Это прямая ориентация на читателя-бердвотчера, который в потенции может предложить читательскую стратегию, альтернативную как филологическому профессиональному чтению, так и ассоциативному бартовскому текстовому анализу. Кстати, реальный полевой опыт (например, наблюдения за птицами на территории университетского кампуса) уже успешно встраивается в академическую систему семинарских занятий в рамках изучения литературы в высшей школе⁹.

Последний тип для сравнения — поэт-птицелов. Здесь предполагается непосредственный контакт с птицей (то, чего так боялся субъект Софьи Дубровской): он может содержать и разводить птиц дома (Богдан Агрис), в птичниках (Гавриил Державин, Афанасий Фет), может непосредственно ловить для продажи или иных целей (Эдуард Багрицкий, Максим Горький), что способствует уже не любительскому изучению птиц и несколько сближает птицелова с орнитологом: «Любовь к соловьям — специальность моя, / В различных коленах я толк понимаю» [Багрицкий: 92], — пишет Багрицкий в «Стихах о соловье и поэте», используя при этом традиционную метафору поэт-птица. И как раз *метафоризация птицы* является еще одним верным признаком поэта-птицелова, открывающего охоту не только на живых, конкретных, но и мифологических, символических (формула Владимира Высоцкого «Птицы вещи поют, да все из сказок»), текстовых, искусственных птиц: «Птицы, вылетевшей из ржи, / с вечером согласованье. / Добрый вечер, милая, свяжи / что с чем хочешь, // покажи / что не жалко: твоего названья / я не знаю. Пусть оно — “сиянье”, / пусть — “бинокли” или “витражи”. / Воздух, мелких стеклышек прибой. / В легоньких и юрких чечевицах / или на картинке световой, / где выходят помолиться / птица, роза и святой, / свет нам вырисовывает лица, как звукоснимающей иглой» [Седакова: 568]¹⁰.

⁹ Об одном таком опыте междисциплинарного курса под названием «Литературная орнитология» в Университете Маршалла (Западная Виргиния, США) см.: [Schray].

¹⁰ О работе метафоры птицы в этом стихотворении точно пишет А.В. Марков: «В этом стихотворении происходит утверждение собственной воли света, который и может нарисовать и начертить всё, что нужно. Взгляд птицы, которая выступает как

Иногда аллегоризм напрямую отражается в жанре, как в басне «Охотник до птиц» Павла Катенина, которую он тоже писал в изоляции, правда, литературной. Собственно охотник до птиц, оборудовавший зал для разных певчих видов, символизирует издателя литературного журнала, куратора, как бы мы сейчас сказали, поэтического процесса, определяющего достоинства отдельных «исполнителей» и формирующего ансамбль разных голосов. Сатиричность образа оценщика талантов, которому поэзия на самом деле «любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад» (Державин), подчеркивается тем, что из всех птиц под его критерии прекрасного не попадает лишь соловей, поющий «нескладно, грубо, дико. / Всем голосом в лесу привык он петь, / И не умеет им владеть. / Вот, пеночка, другое дело: / В их песнях сходство есть; / Но надобно отдать малютке честь: / Все в горлышке у ней похорошело, / Все нежно, мило; нет растянутых колен, / Оглушной дроби, переходов / Скачками: ничего что тешит сумасбродов, / Которым труд священ. / Мне что легко, то и приятно; / Или такой я труд хвалю, / Где цель видна, намеренье понятно» [Катенин: 317—318]. Через образ птицелова может описываться и другое литературное амплуа — переводчик: «Будь жаворонок нив и пажитей — Вергилий, / Иль альбатрос Бодлер, иль соловей Верлен / Твоей ловитвою, — всё в чужеземный плен / Не заманить тебе птиц вольных без усилий, // Мой милый птицелов» [Иванов: 788].

Таким образом, птицелов — это про содержание, контроль, систематизацию, одомашнивание, метафоризацию, аллегоричность, в то время как бердвотчер — наблюдение птицы в естественной среде¹¹, на дистанции, отказ от метафоризации, подчеркивание ее инаковости. Именно дистанция и деме­тафоризация сохраняют дружость птицы, а значит, неизбежно возвращают поэта-бердвотчера к себе, вот только будет это постчеловек¹² или прежний человек, но лишенный избыточной озабоченности и тревоги о себе, зависит от конкретного авторского решения. Так или иначе, поэтику бердвотчинга можно опознать по обостренному поиску новой оптики, переживанию феноменологических переносов, связанных с реальным опытом длительного наблюдения за Другими. Этот сюжет находится в центре стихотворного цикла «С точки зрения птиц» эстонской поэтессы-бердвотчера Катрин Вяли: «рано утром иду по городу / совершенно пустой город / видно только птиц / ни кошки ни собаки ни человека / только птицы / и пара машин которые / почти те же люди / да и сама я / снаружи та же машина / пока в лесу / я не превращусь снова в человека / с точки зрения птиц видимо / более опасного чем машина» [Вяли: 290]. Несмотря на юность современного бердвотчинга сама тенденция деме­тафоризации

традиционная культурная метафора души, отождествляется с приобретением особой оптики, рассмотрения самого света, сияния, увеличения, как в бинокль, и схватывания цвета и объёма. Как и у петербургских поэтов, объём отождествляется с эффектом витража. Но дальше появляется взгляд как бы изнутри уже инобытия, отхода души от тела, когда воздух переживается как тот самый уже витраж нового типа, чистая улыбка света, световая картинка, вроде проекции» [Марков: 15—16].

¹¹ И это базовое требование появляется с самого начала существования термина «бердвотчинг» еще в ситуации синкретизма типов натуралиста, орнитолога и бердвотчера в XVIII веке. Так, поэт-натуралист Гете одним из первых отдал предпочтение наблюдению за птицами «в живом состоянии на воле», отказавшись в целом от собирания гербариев, коллекций насекомых и птиц [Вернадский: 19].

¹² Большинство философов-постгуманистов и темных онтологов редко пишет непосредственно о птицах, тем не менее о «деме­тафоризации животных» можно прочесть здесь: [Брайдотти: 134].

не нова, еще «древние поэты вводили птиц в свои стихи не только как символы человеческих чувств, но и как подлинные формы инаковости» [Nathan: 33], вот только поэт-бердвотчер, во-первых, может понимать «инаковость» секулярно, а во-вторых, не «вводит птиц в стихи», а делать заметки прямо в моменте явления птицы. Бердвотчерский текст органично вырастает из импрессионистического пленэра полевого дневника наблюдений, из списка встреченных птиц, пополняемого прямо в процессе, не являющихся изначально ни художественными, ни поэтическими текстами, или даже из процесса чтения специальной литературы, как в этом стихотворении Михаила Файнермана:

Как прилетят,
жворонки держатся на проталинах.
А куда им деваться? — холодно,
на дерево жворонков не садится,
да и что ему на дереве делать? —
еды там для него нет.
Бегает жворонков по земле,
ищет семена прошлогодних трав.
Невелик он,
но и семян немного:
целый день пройдет в поисках еды...

(это пересказ отрывка из книги Николая Николаевича Плавильщикова «Юным любителям природы». 1955 год. Для семилетней и средней школы) [Файнерман: 7].

В некотором смысле поэт-птицелов выстраивает иконические отношения с птицами, а бердвотчер — индексальные, поэтому птица в бердерском тексте может появиться почти случайно, на мгновение, не становясь центральным образом текста, но означивая долгое ожидание и «вынужденное» наблюдение за окружающим пространством. Бердвотчер улавливает общий образ движущейся («всегда в лихорадке») птицы, лишь повторные сессии наблюдения (если птица дает такую возможность и долго держится на одном месте или возвращается на него) могут сократить дистанцию и привнести подробность описания.

Субъект в поэтике бердвотчинга — почти всегда частный, конкретный субъект в конкретный момент времени, для него важен сам процесс созерцания и рефлексия по горячим следам. Напрашивается сопоставление бердвотчинг-поэтики с эстетикой ситуационности, незавершенности, спонтанности, а потому бердерские черты стоит ожидать в миниатюрах, хайку: «Птицы / Хороший народ / Поют / На руке не читают линий» [Маркова: 91], «Полдень ветхого мира. / Птицы на проводах. / Медленная зарядка» [Александров: 214]. Этот тип субъекта отстраивается от прочих: он благодаря опыту наблюдения уже не отчужден от природы, в отличие от современного урбанизированного субъекта; он не выходит в природу, чтобы ее использовать (тип деятеля) или непременно позаботиться о ней (экоактивист)¹³; он не пишет текст в качестве субститута, когда не может выйти в природу, потому что вообще этот выход необязателен — бердвотчинг настолько современное и городское явление, что возможен его домашний, изоляционный вариант — наблюдение за птицами из собственного окна (не так ли на самом деле начинается экопоэтика — «эко» происходит от греческого *oikos*, 'дом'): «Высоко в небе летает стриж — / больше моего дома? / Меньше моего дома?» [Файнерман: 10].

¹³ Бердвотчер, как и субъект сентиментализма и романтизма, потому получает удовольствие от природы, что оказывается в среде, которая может функционировать и без него, она не требует постоянного контроля и заботы, лишь внимание и доверие.

Наконец, в текстах поэта-птицелова, как правило, большое разнообразие видов птиц, он их хорошо определяет, учитывает при построении образа видовые особенности, у него, говоря словами Пабло Неруды, «голова, полная птиц». Бердвотчера как любителя можно опознать по частотности родовых определений (просто птица, просто некая птичка)¹⁴ либо по стандартным, распространенным видовым. Неопределенность и деметафоризация позволяют поэтическому бердвотчингу занять пустующую нишу в истории русской поэзии XX века в контексте обновления традиционных смысловых связей, ведь одним из таких способов в постсимволистской еще поэзии, как пишет Н.А. Кожевникова, было, напротив, «обращение к нетрадиционным видовым обозначениям. В поэзии XIX в. круг видовых обозначений ограничен словами, на которых лежит печать традиционной символики. В тропах используется либо родовое обозначение, либо ограниченный круг видовых: *птица — ласточка, орел, коршун, голубь; цветок — роза, лилия, мак*. У символистов наряду с традиционными видовыми обозначениями появляются и новые. Поэзия более позднего времени опирается на гораздо более широкий круг видовых обозначений, в том числе и обозначений, свободных от символических смысловых напластований» [Кожевникова: 104]. Об этом будет писать и Варлам Шаламов в эссе «Пейзажная лирика»: «От грубого антропоморфизма поэты идут к точности, к подробности наблюдения. Дороги природы бесконечны. Точность наблюдения, точность называния, синхронность пейзажа и чувства — вот космос поэта. Сейчас мало писать о птице и дереве. Надо писать о ласточке и лиственнице, может быть, даурской. В поисках точности лирика ищет встречи с наукой» [Шаламов: 75]. Так вот бердвотчинг-оптика вроде бы исключает этот зум (пусть поэт-орнитолог, натуралист или птицелов уходят в детали, дают научную точность), опять позволяет сказать «маленькая серая птичка» или дятел, или соловей, вот только соловей этот тоже уже не связан с привычным символическим значением; нет научной точности наблюдения, но нет и традиционной метафоричности птицы. Характерные слова Виктора Сосноры — «метафоричность этих птиц смешна (белые чайки, черные вороны. Для контраста и красного словца)» — припомнит и персонаж А. Ильенена [Ильенен: 47], и петербургский поэт Дмитрий Чернышёв в «Сочинении на тему “Птицы в моей жизни”» [Чернышёв], кстати, это тоже бердвотчерский термин — *птицей жизни* (лайфером) называют ту птицу, тот вид птицы, который человек увидел вживую в первый раз; так же, «Птицы жизни», называется и недавний роман Александра Стесина, точно описывающий будни бердвотчера.

В одном стихотворении Жака Превера «Как нарисовать птицу» (“Pour faire le portrait d'un oiseau”) есть черты всех рассмотренных типов — широкая семиотическая проблематика от натурфилософа, попытка мыслить как птица от натуралиста, практический знаточеский и аллегорический взгляд птицелова и нежность, трепет, терпение и открытость внешнему миру бердвотчера (впрочем, в представленном ниже переводе М. Кудинова птица больше средство, чем цель — не так в оригинале). Этим текстом и завершим наши наблюдения и замечания:

Peindre d'abord une cage
avec une porte ouverte
peindre ensuite
quelque chose de joli

Сперва нарисуйте клетку
с настежь открытой дверцей,
затем нарисуйте что-нибудь
красивое и простое,

¹⁴ В среде русскоязычных бердвотчеров распространено ироничное обозначение МСП — «маленькая серая птичка», надо сказать, самый часто встречаемый вид.

quelque chose de simple
 quelque chose de beau
 quelque chose d'utile
 pour l'oiseau
 placer ensuite la toile contre un arbre
 dans un jardin
 dans un bois
 ou dans une forêt
 se cacher derrière l'arbre
 sans rien dire
 sans bouger...
 Parfois l'oiseau arrive vite
 mais il peut aussi mettre de longues années
 avant de se décider
 Ne pas se décourager
 attendre
 attendre s'il le faut pendant des années
 la vitesse ou la lenteur de l'arrivée de l'oiseau
 n'ayant aucun rapport
 avec la réussite du tableau
 Quand l'oiseau arrive
 s'il arrive
 observer le plus profond silence
 attendre que l'oiseau entre dans la cage
 et quand il est entré
 fermer doucement la porte avec le pinceau
 puis
 effacer un à un tous les barreaux
 en ayant soin de ne toucher aucune des plumes
 de l'oiseau
 Faire ensuite le portrait de l'arbre
 en choisissant la plus belle de ses branches
 pour l'oiseau
 peindre aussi le vert feuillage et la fraîcheur du vent
 la poussière du soleil
 et le bruit des bêtes de l'herbe dans la chaleur
 de l'été
 et puis attendre que l'oiseau se décide à chanter
 Si l'oiseau ne chante pas
 C'est mauvais signe
 signe que le tableau est mauvais
 mais s'il chante c'est bon signe
 signe que vous pouvez signer
 Alors vous arrachez tout doucement
 une des plumes de l'oiseau
 et vous écrivez votre nom dans un coin du tableau.
 [Prévert: 154]

что-нибудь очень приятное
 и нужное очень
 для птицы;
 затем в саду или в роще
 к дереву плотно прислоните,
 за деревом спрячьтесь,
 не двигайтесь
 и молчите.
 Иногда она прилетает быстро
 и на жердочку в клетке садится,
 иногда же проходят годы —
 и нет
 птицы.
 Не падайте духом,
 ждите,
 ждите, если надо, годы,
 потому что срок ожидания,
 короткий он или длинный,
 не имеет никакого значения
 для успеха вашей картины.
 Когда же прилетит к вам птица
 (если только она прилетит),
 храните молчание,
 ждите,
 чтобы птица в клетку влетела,
 и, когда она в клетку влетит,
 тихо кистью дверцу закройте
 и, не коснувшись ни перышка,
 осторожно клетку сотрите.
 Затем нарисуйте дерево,
 выбрав лучшую ветку для птицы,
 нарисуйте листву зеленую,
 свежесть ветра и ласку солнца,
 нарисуйте звон мошкары,
 что в горячих лучах резвится,
 и ждите,
 ждите затем,
 чтобы запела птица.
 Если она не поет —
 это плохая примета,
 это значит, что ваша картина
 совсем никуда не годится;
 но если птица поет —
 это хороший признак,
 признак, что вашей картиной
 можете вы гордиться
 и можете вашу подпись
 поставить в углу картины,
 вырвав для этой цели
 перо у поющей птицы.
 [Западноевропейская: 631—632]

Список источников

Александров А. Осень в книжном // Воздух. 2021. № 42. С. 214—215.
 Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 571 с.

- Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. IV. Оглашенные. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. 319 с.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. 312 с.
- Вяли К. С точки зрения птиц // Воздух. 2020. № 40. С. 288—291.
- Григорьев О.Е. Птица в клетке. Стихи и проза. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. 272 с.
- Дубровская С. Я не могу об этом говорить // Флаги. 2022. URL: <https://flagi.media/riese/408> (дата обращения: 06.08.2024).
- Западноевропейская поэзия XX века. М.: Художественная литература, 1977. 860 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 892 с.
- Ильянен А. Пенсия. Тверь: Kolonna Publications, 2015. 666 с.
- Катенин П. Охотник до птиц // Москвитянин. 1841. Ч. 2, № 4. С. 315—319.
- Лукреций. О природе вещей / пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1958. 260 с.
- Маркова В. Пока стоит земля: избранные стихотворения и переводы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. 616 с.
- Сапгир Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 4: Проверка реальности. 1048 с.
- Сдобнов С. Сведения о себе // Воздух. 2019. № 38. С. 115—117.
- Седакова О. Стихи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 573 с.
- Скарынкина Т. После новостей // Telegram-канал «Метажурнал». 2022. 8 марта. URL: <https://t.me/metajournal/2180> (дата обращения: 06.08.2024).
- Файнерман М. В два часа ночи в созвездии Андромеды. Стихи. М.: В. Прякин / ТЦ «СредА», 2023. 174 с.
- Чернышёв Д. Сочинение на тему «Птицы в моей жизни» (конспект эссе) // В моей жизни. 2005. 6 авг. URL: <https://www.vavilon.ru/inmylife/1chernyshev.html> (дата обращения: 06.08.2024).
- Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954—1979. 384 с.
- Prévert J. Paroles. Paris: Gallimard, 1972. 251 p.
- Wehri K. Swallow's Nest: Birdwatching Poems. Grand Forks, ND: Greenway Press, 2021. 42 p.

Список литературы / References

- Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
- (Braidotti R. The Posthuman, transl. D. Khamis, Moscow, 2021, 408 p. — In Russ.)
- Велимир Хлебников. Орнитологические наблюдения. Казань: Смена, 2020. 46 с.
- (Velimir Khlebnikov. Ornithological observations, Kazan, 2020. 46 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Гете как натуралист (Мысли и замечания) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. 1946. Т. 21, № 1. С. 5—52.
- (Vernadskii V.I. Goethe as a Naturalist (Thoughts and Remarks), *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otd. Geol.*, 1946, vol. 21, no. 1, pp. 5—52. — In Russ.)
- Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 250 с.
- (Kozhevnikova N.A. Word usage in Russian poetry of the early 20th century, Moscow, 1986. 250 p. — In Russ.)
- Марков А.В. Витраж в новейшей русской поэзии: режимы ностальгии и памяти // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2021. № 3 (95). С. 12—16.
- (Markov A.V. Stained glass in the latest Russian poetry: modes of nostalgia and memory, *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2021, no. 3 (95), pp. 12—16. — In Russ.)
- Мердок А. Суверенность блага // Логос. 2008. № 1 (64). С. 117—137.
- (Murdoch I. The Sovereignty of Good, *Logos*, 2008, no. 1 (64), pp. 117—137. — In Russ.)

- Погарский М.В. Орнитолог и птицелов: к 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова и 120-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого. М.: Погарский М.В., сор., 2015. 199 с.
(Pogarskii M.V. Ornithologist and bird catcher: on the 130th anniversary of the birth of Velimir Khlebnikov and the 120th anniversary of the birth of Eduard Bagritsky, Moscow, 2015. 199 p. — In Russ.)
- Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
(Tezauro E. The aristotelian telescope, transl. E. Kostiukovich, Saint Petersburg, 2002. 384 p.— In Russ.)
- Харджиев Н.И. Хлебников-орнитолог // Харджиев Н.И. От Маяковского до Кручёных: Избранные работы о русском футуризме. М.: Гилея, 2006. С. 306—310.
(Khardzhiev N.I. Khlebnikov the ornithologist, *Khardzhiev N.I. From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism*, Moscow, 2006, pp. 306—310. — In Russ.)
- Юрьев О. Интервью // Воздух. 2010. № 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-1/interview/view_print/ (дата обращения: 06.08.2024).
(Iur'ev O. Interview, *Air*, 2010, no. 1. — In Russ.)
- Coward T.A. Bird Haunts and Nature Memories, London: Warne, 1922. 276 p.
- Fitter R.S.R. Collins Pocket Guide to British Birds, London: Collins, 1966. 287 p.
- Fortin J. The Birds Are Not on Lockdown, and More People Are Watching Them, *The New York Times*, 2020, May 29. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/science/bird-watching-coronavirus.html> (дата обращения: 06.08.2024).
- Mason T.V. Ornithologies of Desire: Ecocritical Essays, Avian Poetics, and Don McKay, Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2013, 306 p.
- Massingham H.J. Birds of the Sea Shore, London: Laurie, 1931, 338 p.
- McNeill E. The Avian Hourglass — Lindsey Drager [Review], *Full Stop*. 2024, July 19. URL: <https://www.full-stop.net/2024/07/19/reviews/elizabeth-mcneill/the-avian-hourglass-lindsey-drager/> (дата обращения: 06.08.2024).
- Nathan L. Paths of the Snow Bunting: Towards a Poetics of Bird-Watching, *Mānoa*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 33—45.
- Schray K. Literary Ornithology: Bird-watching across Academic Disciplines with Honors Students, *Honors in Practice*, 2008, vol. 4, pp. 61—78.
- Toogood M. Modern Observations: New Ornithology and the Science of Ourselves, 1920—1940, *Journal of Historical Geography*, 2011, vol. 37, no. 3, pp. 348—357.
- Quine J.A. Finding Where the Cuckoos Sing: R.S. Thomas and the Poiesis of Birdwatching, The School of Culture and Communication The University of Melbourne, 2019, 342 p.
- Wood S. Jizz: Science or Poetry?, *Environmental & Architectural Phenomenology*, 2023, vol. 34, no. 2, pp. 71—12.

THE POETICS OF BIRDWATCHING (PRELIMINARY REMARKS)

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. The article examines the socio-cultural phenomenon of amateur birdwatching as a poetic-generating structure of a new type of artistic writing and reading practice. The definition of the general features of the literary (primarily poetic) birdwatching optics is based on a comparison with other related optics and types of poets, who take birds into

account as a significant element in different ways. These are such types as the poet-natural philosopher and the poet-naturalist (Lucretius, J. Goethe, M.V. Lomonosov, Novalis, F. Schelling, F.I. Tyutchev, N. Zabolotsky), the poet-ornithologist (V. Khlebnikov, V. Paevsky), the poet-bird catcher (G.R. Derzhavin, A.A. Fet, E. Bagritsky, B. Agris) and the poet-birdwatcher/birder (M. Fainerman, D. Chernyshev, T. Skarynkina, K. Väli, etc.). Observation of birds in their natural environment, at a distance, refusal to metaphorize the bird, recognition of its otherness, keeping records describing the long process of observation and private reflection, are not only components of the actual practice of birdwatchers, but also potential artistic gestures of birdwatching poets. The polysemantic nature and polyfunctionality of birdwatching — it is a subculture, a sport and entertainment competition, a hobby, autotherapy, meditation, a form of socialization, and a way of exploring oneself and the world — leads to quite diverse realizations of the poetics of birdwatching.

Keywords: the latest contemporary poetry, birds, birdwatching, artistic optics, poetic subject, demetaphorization

For citation: Gorelov O.S. The poetics of birdwatching (preliminary remarks), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 51—64.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Gorelov Oleg Sergeevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 65—74.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 65—74.

Научная статья

УДК 81'24'25

DOI: 10.46726/И.2024.5.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА РИТОРИЧЕСКИХ СТРУКТУР И МЕТОДА ЭКСПЛИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА

Владимир Николаевич Бабаян, Марианна Владимировна Мальцева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru, bori22@yandex.ru

Аннотация. Интерпретация дискурса ставит перед собой цель создать такой механизм, который охватывал бы все значимые позиции текста в единую объяснительную структуру. В данном исследовании дискурс рассматривается как совокупность логико-семантических отношений, которые можно описать при помощи метаязыка. Целью исследования является попытка доказать, что алгоритмизация дискурса при помощи теории риторических структур оказывает действенную помощь в осуществлении перевода текста с/на иностранный язык. В предпринятом исследовании созданы алгоритмические модели для оригинальных текстов песенного дискурса и их переводов на основе двух методов: метода риторических структур и метода экспликации посредством формализованной парафразы. С помощью созданных моделей проведён дискурс-анализ когерентности и интерпретационной адекватности переводов и сопоставительный семантико-логический анализ оригинальных текстов и их переводов. Материалом для анализа послужили две песни: “Kentucky rain” (Дождь в Кентукки) Э. Рэббита и Д. Хёрда, написанная в 1970 г. для Элвиса Пресли, и «Песня Рощина» Н. Доризо и Н. Богословского из кинофильма 1956 г. «Разные судьбы». Актуальность данной работы заключается в том, что в ней впервые представлена алгоритмическая модель риторических связей для произведений песенного дискурса, необходимая для сравнительного анализа оригинала и эквивалента при осуществлении перевода.

Ключевые слова: песенный дискурс, теория риторических структур, дискурс-анализ, экспликация, сегментация текста

Для цитирования: Бабаян В.Н., Мальцева М.В. Использование метода риторических структур и метода экспликации при переводе песенного дискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 65—74.

Введение

Структурализм в лингвистике сформировал видение языка как структуры, крупнейшей единицей которого является дискурс. В структурализме дискурс — это сущность высшего яруса, состоящая из иерархически выстроенных элементов [Мальцева]. В настоящем исследовании рассматривается система взаимосвязи и графического отображения этих элементов.

Идея рассмотреть текст с точки зрения структуры формальных отношений не нова, исследований алгоритмизации описания дискурса, начиная с дискурс-анализа Зеллига Харриса и заканчивая современными разработками в области обучения искусственного интеллекта, существует достаточно много. Формальные дискурсивные структуры, изначально создаваемые в целях автоматизации дискурса, кажутся достаточно привлекательными для прагматики перевода.

Согласно теории риторических структур (ТРС) У. Манна и С. Томпсон, текст можно разложить на составляющие дискурса — элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), между которыми осуществляются определённые риторические отношения, которые удерживают ЭДЕ вместе, подобно молекулярным связям, и в итоге образуют суммарный смысл текста [Mann, Thompson]. Данные ЭДЕ или *сегменты* могут играть роли либо ядер, либо сателлитов. Последние присоединяются к ядру и служат ограничителями для более общего понятия путём прибавления к ядру новых признаков — риторических отношений. Практически, риторические отношения соединяют собой два сегмента, чтобы создать ещё один новый сегмент. Элементарными дискурсивными единицами могут служить клаузы или фразы, входящие в макросегмент — абзац или другое сверхфразовое единство, либо — в отношении поэтического или песенного дискурса — строфа.

По сравнению с синтаксическим анализом, ТРС объясняет дискурс не только с точки зрения формальных отношений, но и с точки зрения их содержания. Кроме того, в отличие от синтаксического, дающего представление о структуре текста определённого языка, анализ методом ТРС больше подходит для логико-семантической интерпретации, которая универсальна для нескольких языков.

Метод дискурс-анализа при помощи выявления дискурсивных маркеров не всегда бывает эффективным для описания поэтического или песенного дискурса. В силу присутствия большого количества специальных средств художественной выразительности, опора на маркеры может оказаться неэффективной для объяснения смыслов, скрытых под фразами с высоким уровнем символичности.

За рубежом на основе ТРС было выполнено большое количество исследовательских работ, в первую очередь, по автоматизации представления когерентных связей дискурса для аннотирования текстов. В нашей стране работа с использованием ТРС была проведена А.А. Кибриком в корпусном исследовании русского устного дискурса «Рассказы о сновидениях» [Кибрик, Подлеская]. Целью исследования был сравнительный анализ языковой структуры двух типов рассказов: принадлежащих детям с невротическими расстройствами и нормотипичным детям, с тем чтобы обнаружить ключевые различия между этими группами. Но в процессе работы формат исследования изменился, поскольку учёные в итоге нацелились на описание устного дискурса в целом.

Метод ТРС был также исследован на предмет применимости для автоматической обработки научно-технических текстов в исследовании А.М. Баккиевой и Т.В. Батура. Согласно их выводам, данный метод можно использовать для составления краткой аннотации текстов. Было подчёркнуто, что основной

трудностью при анализе текста было: определить, какое именно риторическое отношение связывает ЭДЕ [Бакиева, Батура].

Кроме того, исследованием метода ТРС занимались Н.В. Ковальчук и М.С. Володина, целью которых было описание метода ТРС для анализа дискурса [Ковальчук, Володина].

А.А. Сусов занимается проблемой моделирования дискурса на основе ТРС [Сусов]. Наибольший интерес представляет исследование М.К. Тимофеевой, которая адаптировала ТРС для анализа стихотворных текстов русской классической поэзии конца XIX — начала XX в. По мнению М.К. Тимофеевой, расстановка риторических отношений не только не разрушает эмоционально-когнитивный эффект от стихотворения, но вынуждает по-новому взглянуть на текст произведения, заставляя глубже понимать скрытые замыслы автора [Тимофеева].

Существуют корпуса текстов, проанализированных средствами ТРС, один из крупнейших создан на базе Джорджтаунского университета, США. В российском интернет-сегменте есть корпус текстов на русском и английском языках, в которых выполнена разметка в рамках ТРС, RSTreebank*, создатели которого осуществляют дискурс-анализ научных и медиа-текстов.

В своём исследовании У. Манн и М. Табоада предложили 23 типа риторических отношений, которые также называют дискурсивными отношениями или отношениями когерентности [Mann, Taboada]. Среди них выделяют симметричные (межъядерные), это: последовательность (Sequence), конъюнкция (Joint), контраст (Contrast); и несимметричные (между ядром и сателлитами), это: свидетельство (Evidence), доказательство (Justify), антитезис (Antithesis), решение проблемы (Solutionhood), обстоятельство (Circumstance), уступка (Concession), обеспечение возможности (Enablement), детализация (Elaboration), фон (Background), волевая/неволевая причина (Volitional/Non-volitional Cause), мотивация (Motivation), намеренный/неволевающий результат (Volitional/Non-volitional Result), цель (Purpose), интерпретация (Interpretation), альтернатива (Otherwise), условие (Condition), переформулировка (Restatement), оценка (Evaluation), резюме (Summary).

Кроме того, существуют отношения, не вошедшие в основной список в силу их аксиоматичности, это средство (Mean), сравнение (Comparison) дизъюнкция (Disjunction). Симметричные отношения возникают между ядерными сегментами, ассиметричные — между ядром и сателлитами. Структура отношений составляет иерархию, подобно семантическому дереву.

Для терминов Volitional/Non-volitional в русскоязычном сегменте существуют калькированные эквиваленты волитивный/неволитивный, которые мало понятны пользователю и требуют дополнительного объяснения. В работе А.А. Сусова даются экспликации большинства риторических отношений, в частности, неволитивность связана с внешними обстоятельствами, волитивность выражает внутреннее устремление актора, что вполне интерпретируется русскими словами: волевой/намеренный и неволевающий/ненамеренный.

Список риторических отношений, по замыслу авторов, остаётся открытым с тем, чтобы любой исследователь мог внести в него дополнения и изменения. В связи с этим представляется возможным использовать некоторые отношения, относимые авторами теории к межъядерным, для объяснения внутриядерных связей между сателлитами.

* RSTreeBank. Русскоязычный дискурсивный корпус. URL: <https://goo.su/F2Degv> (дата обращения: 05.07.2024).

Целью анализа при помощи ТРС создателями метода называлось автоматическое реферирование или аннотирование (собственный термин авторов метода) текста. В данном исследовании методы ТРС были применены для определения имплицитных иллокуций в поэтическом тексте, обнаружение и правильная интерпретация которых необходимы для точного и полного понимания имплицатуры дискурса.

Анализ песенного дискурса методом ТРС

Первым шагом в работе с применением метода ТРС является сегментация текста. Для удобства и в силу флективности русского языка, вместо ЭДЕ был использован термин «сегмент», для состоящих из ЭДЕ глобальных сегментов был использован термин «макросегмент». Макросегментами могут быть абзацы, части текста или даже интонационно-смысловые сочетания фраз. В песенном дискурсе процесс сегментации облегчён благодаря тому, что песня уже поделена на составные части: куплет — основную часть, тело песенного дискурса, припев — акцентную, результирующую часть песни, и мост — переход между куплетом и припевом. Соответственно, в качестве макросегментов были взяты куплеты.

Таким образом, выделяется первый макросегмент песни *Kentucky rain*, а именно слова: *Seven lonely days // And a dozen towns ago // I reached out one night and you were gone. // Don't know why you'd run // What you're running to or from, // All I know is I want to bring you home!*

В макросегменте определяются клаузы, в данном случае большинство клауз уже распределено построчно и отделено знаком //. На рис. 1 представлена структура риторических связей данного макросегмента, составленная при помощи интернет-ресурса для создания схем и диаграмм *Aspose.app*. Вертикальными линиями обозначены ядерные сегменты, стрелками — риторические отношения. Стрелка всегда направлена к ядру, обозначая отношение к нему сателлита.

Риторические структуры первого макросегмента “Kentucky rain”

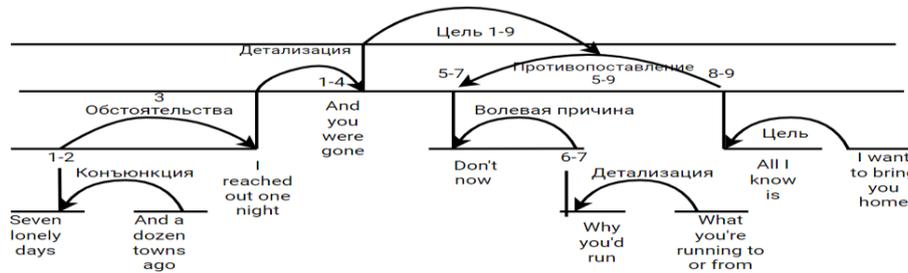

Рис. 1

Исходя из структуры, показанной на рис. 1, *Seven lonely days* (семь дней одиночества) и *And a dozen towns ago* (и двенадцать городов назад) являются конъюнктами. Оба этих сегмента, в свою очередь, являются обстоятельствами к *I reached out one night* (я как-то позвонил), и все три сегмента в целом являются детализацией к ядру *And you were gone* (а ты исчезла). Последний сегмент является ядерным по отношению ко всей описанной части и резюмирующим к следующей части.

Сегмент *What you're running to or from* (куда бежишь ты, от чего) является детализацией мысли *why you'd run* (почему ты ушла), и оба сегмента являются волевыми причинами к *Don't know* (не знаю). Сегмент *I want to bring you home* (хочу вернуть тебя домой) является целью к ядерному сегменту *All I*

know is (всё, что я знаю, т. е. «хочу»), который является противопоставлением к *Don't know*. Совокупность сегментов слева является резюмирующим к совокупности сегментов справа.

Одновременно с методом ТРС имеет смысл применить способ экспликации дискурса посредством *формализованной парафразы*, поскольку анализ средствами ТРС фактически обозначает определение логико-семантических связей внутри дискурса. Таким образом, экспликацией или парафразой данного макросегмента является: «семь дней назад автор позвонил, понял, что N ушла, и прошёл через двенадцать городов в поисках N, чтобы вернуть N домой».

На рис. 2 показана схема риторических отношений, выстроенная для перевода данного макросегмента. Как видно из рис. 1 и 2, структуры оригинала и перевода в целом совпадают. Незначительные несовпадения объясняются применением переводческих техник, в данном случае это трансформационная генерализация. Экспликацией перевода является: «семь дней назад автор пришёл домой и обнаружил, что N ушла, и прошёл через двенадцать городов в поисках N, чтобы вернуть N домой».

Риторические структуры перевода на русский язык первого макросегмента “Kentucky rain”

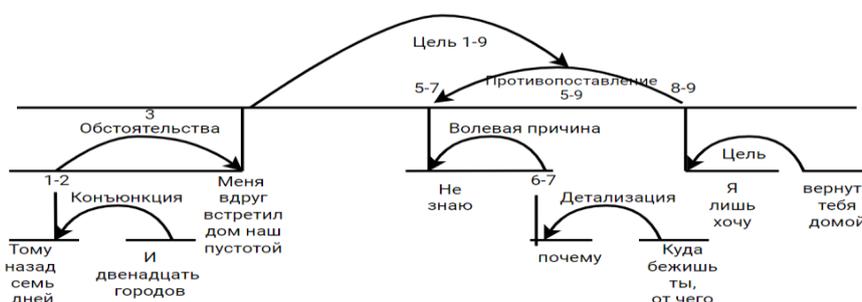

Рис. 2

В схемах первого макросегмента риторическая структура была графически изображена без избыточной ядерности: каждое сочетание «ядро-сателлиты» не выделяется в отдельное ядро. Такое построение не является оригинальным, поскольку нацелено не на автоматизацию, а на текстовый анализ, позволяющий с максимальной точностью определить построение дискурса. На рис. 3 схема второго макросегмента была выполнена уже по оригинальной методике с выделением вторичных ядер: ядра 1-3 и 1-7 выстраиваются отдельно на более высоком уровне иерархии.

Риторические структуры второго макросегмента “Kentucky rain”

Рис. 3

Экспликацией второго сегмента является: «автор движется по шоссе не смотря на дождь, потому что должен понять причины ухода N». На рис. 4 выполнена схема риторических структур перевода второго макросегмента. Очевидно, что обе структуры идентичны и указывают на важный компонент данного макросегмента — автор дважды изъявляет волю узнать у N причины ухода, в ядре 4-7 эксплицитно, в ядре 1-7 имплицитно (несмотря на дождь). Соответственно, в переводе необходимо отразить решительные устремления автора: вместо нейтрального «я слишком..., чтобы отпустить тебя» (let you go), следует употребить более выразительное «я слишком..., чтобы сдаться» (перевод авторский. — В. Б., М. М.).

Риторические структуры перевода на русский язык второго макросегмента “Kentucky rain”

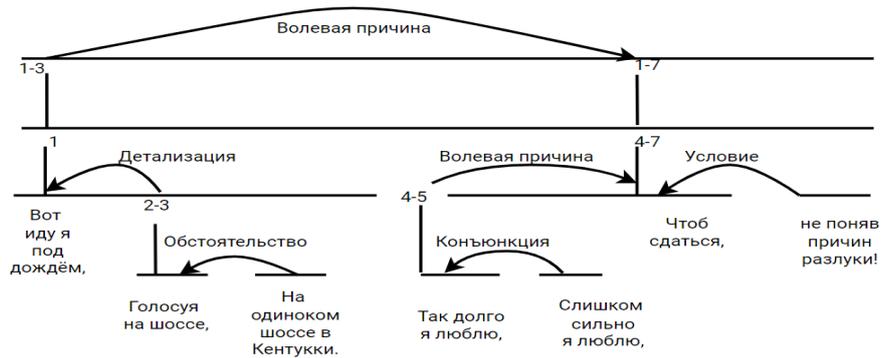

Рис. 4

Переводческие ошибки могут нивелироваться, если осуществлять анализ текста, выстраивая его структуру при переводе с родного языка на иностранный. Этот метод был использован и при переводе с русского на английский. На рис. 5 представлена структура первого макросегмента «Песни Рощина» из кинофильма «Разные судьбы», СССР, 1956 г. В данной структуре риторический вопрос: «Почему ты мне не встретишься?» выступает в качестве интенсификатора всего речевого акта и может быть перефразирован следующим образом: «Как бы я хотел встретить тебя в своей молодости!»

Риторические структуры первого макросегмента «Песни Рощина»

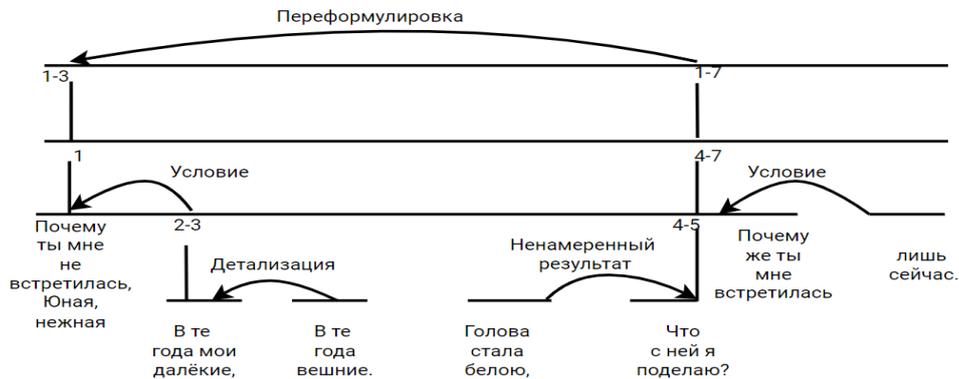

Рис. 5

Риторическое отношение «Переформулировка» указывает на то, что левая и правая части макросегмента имеют практически идентичный смысл, различающийся лишь стилистически. Это даёт возможность переводчику вместо анафорического повтора риторического вопроса использовать условное предложение третьего типа, которое, во-первых, более ясно выражает мысль автора, во-вторых, соответствует просодической структуре первой фразы: фразовые ударения и сильные доли в данном случае совпадут, падая на слова *wish*, *earlier* (см. рис. 6).

В целом, построение риторической структуры расширяет возможности переводчика для интерпретации смысла оригинала на языке цели. Если в прозе данная опция не имеет особого значения, то в поэзии она чрезвычайно важна, поскольку перевод поэтического текста сопряжён с необходимостью учитывать такие дополнительные аспекты, как ритм, стих и рифму.

Риторические структуры перевода на английский язык первого макросегмента «Песни Рощина»

Рис. 6

Способ *экспликации посредством формализованной парафразы* также позволяет понять смысл выражения в тех случаях, когда сложно определить взаимообусловленность отдельных элементов высказываний, выраженных метафорически. Помимо экспликации, в данном методе осуществляется стилистический анализ с выделением тропов с тем, чтобы максимально использовать подобные тропы в тексте перевода.

Формальное перефразирование позволяет создать основу для точного понимания замысла автора. К примеру, во втором куплете «Песни Рощина» слова: *Я забыл в кругу ровесников, // Сколько лет пройдено* эксплицируются до «раньше будучи в окружении только своих пожилых ровесников, я не чувствовал себя старым». *Ты об этом мне напомнила, // Юная, стройная* — «я вдруг увидел, насколько я стар по сравнению с юной тобой». *Об одном только думаю: // Мне жаль ту весну мою, // Что прошла, неповторимая, // Без тебя* — «я всё время сожалею, что не встретил тебя раньше, когда был молод, но молодость ушла безвозвратно». В данном макросегменте обнаружен троп — олицетворение (весна — молодость).

Перевод осуществляется, исходя из смысла парафразы, с добавлением инверсии (*I never had you met*). Двойное отрицание (*not come back, nevermore*) делает слог более высокопарным. *I forgot how many years have passed, // I felt young peers amongst. // You've reminded me how old I am, // You, so slim like a stem. // There's*

the only that I regret // For I never had you met // In my springtime which will not come back // Nevermore.

В третьем куплете олицетворение (седина-старость) встречается в словах: *как боится седина моя // Твоего локона*. Эта фраза эксплицируется до «я сразу кажусь старым, когда нахожусь рядом с тобой, из-за этого я испытываю робость». *Ты еще моложе кажешься, // Если я около* — объясняется смысл предыдущей фразы. *Видно, нам встреч не праздновать, // У нас судьбы разные, // Ты — любовь моя последняя, // Боль моя* — «мы не можем быть вместе, слишком большая разница между нами, из-за этого я испытываю боль, ведь, возможно, это моя последняя любовь». Тропы — эпитифора (моя — моя).

В переводе третьего куплета использован прием добавления, в котором подразумеваемый смысл выведен на поверхность: автор может испытывать чувство робости, только если видит со стороны разницу в возрасте между ним и его возлюбленной, а значит, в зеркале (*in the glass*), подчёркивая, что эта разница сразу бросается в глаза (*at a glance*). Кроме того, использована эпитифора, как и в оригинале (*love — love*). *How my gray's afraid of your long lock, // When I watch in the glass. // You look younger if I stand beside. // It is seen at a glance. // Oh, I know, we won't ever date, // We both have the separate fates // You're my pain and you my only love, // My last love* (перевод авторский. — В. Б., М. М.).

Формализованная парафраза детально показывает все скрытые смыслы текста, воспринимаемого носителями интуитивно, иногда достаточно обще, без тонкостей. Переводчик не имеет права позволить себе перевести текст лишь на основе интуитивного восприятия, необходима процедура интегрального описания дискурса.

Выводы

Дискурс — это семантически связанная последовательность предложений-высказываний [Бабаян, Круглова], понимание концепции взаимосвязи между фразами — это одно из важнейших умений переводчика. Описание дискурсивных связей посредством ТРС позволяет переводчику понять, как выстраиваются логико-семантические связи дискурса, что особенно актуально для текстов с высоким уровнем метафоричности.

Тропы не снижают уровень воспринимаемости текста читателем, напротив, они обогащают текст образами, создавая более объёмную картину впечатлений, однако для переводчика символичность создаёт дополнительные трудности для интерпретации замысла автора. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы переводчик мог раскрывать имплицитные смыслы произведения. Переводчик может углубиться в интертекстуальные взаимосвязи, разнообразные отсылки, фоновые знания, но без умения разложить текст на составные части и увидеть структуру, т. е. то, из чего складывается дискурс, интерпретация будет неточной и неполной. Поэтому для переводческой деятельности необходимо обладать средством аннотации и экспликации текста. Метод ТРС и метод формализованной парафразы может стать одним из инструментов для анализа дискурса и при переводе, и при сравнении результатов перевода с оригиналом с точки зрения формальной правильности и адекватности интерпретации.

Список литературы / References

- Бабаян В.Н., Круглова С.Л. Теория дискурса в системе наук о языке // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3 (32). С. 55—57.
(Babayan V.N. Discourse theory in the system of Language Science, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2002, no. 3 (32), pp. 55—57. — In Russ.)

- Бакиева А.М., Батура Т.В. Исследование применимости теории риторических структур для автоматической обработки научно-технических текстов // *Cloud of science*. 2017. № 3. С. 450—464.
- (Bakieva A.M., Batura T.V. The study of the applicability of the theory of rhetorical structures for the automatic processing of scientific and technical texts, *Cloud of science*, 2017, no, 3, pp. 450—464. — In Russ.)
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование русского устного дискурса: монография. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- (Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse: monograph, Moscow, 2009, 736 p. — In Russ.)
- Ковальчук Н.В., Володина М.С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 107—113.
- (Koval'chuk N.V., Volodina M.S. The theory of rhetorical structures as a pragmatic concept of text analysis, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2016, no. 3, pp. 107—113. — In Russ.)
- Мальцева М.В. Теория дискурса в философии структурализма и постструктурализма // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Ярославль: ЯГТУ, 2024. С. 372—378.
- (Maltseva M.V. Discourse theory in structuralism and poststructuralism philosophy, *Linguodidactics and linguistics in higher education: traditional and innovative approaches: collection of scientific papers on the materials of VI International Scientific and Practical Conference*, Yaroslavl, 2024, pp. 372—378. — In Russ.)
- Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 133—138.
- (Susov A.A. Modeling of discourse using the terms of the theory of rhetorical structure, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2006, no. 2, pp. 133—138. — In Russ.)
- Тимофеева М.К. Теория риторической структуры как инструмент анализа стихотворных текстов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 110—137.
- (Timofeeva M.K. The theory of rhetorical structure as a tool for analyzing poetic texts, *Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 68, pp. 110—137. — In Russ.)
- Mann W., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization, *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1988, January, pp. 243—281. URL: <https://goo.su/2U2iu> (accessed: 04.07.2024).
- Mann W., Taboada M. RST Analyses from the RST web site. URL: <https://goo.su/FGKJkQ> (accessed: 04.07.2024).

THE USE OF THE RHETORICAL STRUCTURE THEORY METHOD AND THE METHOD OF EXPLICATION IN SONG DISCOURSE TRANSLATION

Vladimir N. Babayan, Marianna V. Maltseva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru, bori22@yandex.ru

Abstract. The interpretation of discourse aims at creating a mechanism that combines all significant elements of the text into a single explanatory structure. In this study, discourse is considered as a set of logical-semantic relations that can be described using a metalanguage. The purpose of the study is an attempt to prove that the automatization of discourse using the Theory of Rhetorical Structure provides effective assistance in translating a text

from/into a foreign language. In this study, algorithmic models for the original texts of song discourse and their translations based on two methods are presented: the rhetorical structures method and the formal paraphrase explication method. With the help of the created models, a discourse analysis of the translations in terms of checking their coherence and interpretative adequacy is completed, and a comparative rhetorical and logical analysis of the original texts and their translations are carried out. Two songs are selected for the analysis: “Kentucky rain” by E. Rabbit and D. Heard, written in 1970 for Elvis Presley, and “The Roschin’s Song” by N. Dorizo and N. Bogoslovsky, the soundtrack for the Soviet movie “Different destinies”, 1956. The relevance of this work lies in the fact that it presents for the first time an algorithmic rhetorical connections of song discourse model, necessary for a comparative analysis of both the original texts and their equivalents made in the process of translation.

Keywords: song discourse, theory of rhetorical structures, discourse analysis, explication, text segmentation

For citation: Babayan V.N., Maltseva M.V. The use of the rhetorical structure theory method and the method of explication in song discourse translation, *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 65—74.

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 06.07.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Бабаян Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru

Babayán Vladimir Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru

Мальцева Марианна Владимировна — ассистент кафедры иностранных языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, bori22@yandex.ru

Maltseva Marianna Vladimirovna — Assistant lecturer of the Department of Foreign Languages, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, bori22@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 75—81.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 75—81.

Научная статья

УДК 811.111 '373.46

DOI: 10.46726/И.2024.5.8

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале произведений Дж. Гришема)

Мария Владимировна Лутцева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей употребления юридических терминов в несвойственных им типах дискурса. Научная новизна работы заключается в определении функций, которые выполняют единицы специальной номинации при использовании в художественном тексте. Основным источником материала послужили произведения современного американского писателя, автора «юридических триллеров» Дж. Гришема. В результате анализа делается вывод, что фрагменты юридического дискурса в художественном тексте служат иным целям, чем непосредственно в контексте юриспруденции. Они помогают автору в характеристике персонажей и обстановки действия, выступают в качестве фона, на котором разворачиваются описываемые события, способствуют образованию сюжета, помогают читателю яснее представить атмосферу судебных заседаний и погрузиться в мир художественного произведения. Терминологические единицы получают символический смысл, возрастает контекстуальная зависимость их значений, изменяется их лексическая сочетаемость, а сами значения становятся в той или иной мере размытыми, однако все это происходит на фоне их исходного терминологического значения.

Ключевые слова: юридический термин, художественный текст, отрасли права, язык для специальных целей, общелитературный язык, юридический дискурс

Для цитирования: Лутцева М.В. Особенности английской юридической терминологии в художественном тексте (на материале произведений Дж. Гришема) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 75—81.

Практически нет такой сферы, которой бы прямо или косвенно не касалось право. «Оно выполняет в социальной жизни специальную функцию: предоставляет субъектам права юридические права, налагает на них обязанности, устанавливает за них меры правовой ответственности, то есть представляет собой средство активного регулирования поведения людей, властного воздействия на их сознание и волю, и эти его качества непосредственно отражаются на языковом воплощении норм права» [Язык закона: 15].

Как всем языкам для специальных целей (LSP) языку юриспруденции свойственны следующие черты: 1) базой для создания специальных юридических терминов является общелитературный язык; 2) понятия имеют более определенное и узкое значение, чем схожие в общелитературном языке; 3) присутствуют как специальные (юридические) термины, так и нетермины, выполняющие связующую роль при коммуникации; 4) свойственно наличие специальных

© Лутцева М.В., 2024

понятий, обозначаемых терминами; 5) характерна эмоциональная нейтральность и определенные стиливые особенности; 6) при изучении терминов юридического языка на первый план выходит их системность [Милославская]. Соответственно, терминология права представляет собой специфическую систему, которая предопределяется использованием слова для обозначения ключевых элементов нормы права и развитием родовидовых отношений с другими терминами. Необходимо также отметить, что данная система характеризуется стремлением к однозначному употреблению, отсутствием эмоционально-экспрессивных и стилистических синонимов, проявлением оценочного фактора и не обязательным наличием у терминов дефиниций.

Существует множество исследований, посвященных употреблению юридических терминов в области законодательства: нормативных актах, законах, юридических документах, заседаниях суда и т. д. Вместе с тем написано не так уж много работ на тему использования юридического термина в не свойственных ему типах дискурса. Фрагменты юридического дискурса в художественном тексте служат иным целям, чем непосредственно в контексте юриспруденции. Они помогают автору в характеристике персонажей и обстановки действия, выступают в качестве фона, на котором разворачиваются описываемые события, способствуют образованию сюжета, помогают читателю яснее представить атмосферу судебных заседаний и погрузиться в мир художественного произведения.

Говоря о терминах, представленных в художественном тексте, мы вправе говорить не о терминологии, а о терминологии, так как при включении в художественное произведение термины утрачивают некоторые черты системности и в какой-то степени детерминируются [Авербух]. Данная тенденция объясняется, во-первых, вовлечением терминов в несвойственный им контекст, во-вторых, стремлением автора отобразить не специальную сферу научного знания, а поступки и качества людей в определенных жизненных ситуациях, в-третьих, особенностями восприятия художественного произведения читателем, который, в силу специфики языкового сознания, не может отличить юридический термин от общеупотребительного слова.

На наш взгляд, сфера юриспруденции играет большую роль и занимает особое место в жизни современного общества во всех развитых странах. Данный факт подтверждается обращением многих писателей к проблемам взаимодействия закона и общества. К теме суда и правосудия в своих произведениях обращались такие мастера слова, как Т. Драйзер («Американская трагедия»), Х. Ли («Убить пересмешника») и другие. Эта черта американской действительности отразилась и в произведениях современного американского писателя Дж. Гришема, тематика большей части которых сосредоточена в сфере правоведения.

Дж. Гришем считается признанным специалистом в области юриспруденции. Американские газеты («The Times», «The New York Times», «Publishers Weekly») называют писателя мастером детективного жанра, опубликовавшим 49 книг, из которых девять наиболее популярных экранизированы. В университете будущий автор детективных романов специализировался по налоговому и уголовному законодательству, а затем занимался уголовной адвокатурой и делами о нарушении личной неприкосновенности, чем и объясняется профессиональное использование юридических терминов в художественном тексте.

Книги писателя популярны во многом именно благодаря их профессиональной информационной насыщенности, чему способствует уместное использование специальной терминологии, поскольку «термины являются наиболее

информативными единицами текста, сжатой заменой соответствующего разговорного описания или определения понятий» [Гринев: 212]. В произведениях Дж. Гришема фигурируют как общеправовая терминология (название отраслей права, юридические профессии, реалии, касающиеся сдачи экзаменов на право получения лицензии для работы юристом), так и термины уголовного, деликтного, семейного, наследственного, вещного и других отраслей американского права. Терминологическая насыщенность помогает создать иллюзию, что читатель находится внутри профессиональной сферы, и увеличивает эффект присутствия в атмосфере судебного заседания, где строго и четко передаются все процессуальные тонкости американского правосудия: от отбора присяжных до вынесения вердикта. Например:

... Slattery made his entrance and everyone stood for a moment. “Be seated”, he said into his microphone. “Let’s go on the record”, he said to the court reporter. He gave a succinct review of the petition and the applicable law, and outlined the parameters of the hearing. He was not in the mood for lengthy arguments and pointless questions, so move it along, he told the lawyers.

“Is the petitioner ready?” he asked in Adam’s direction. Adam stood nervously, and said, “Yes sir. The petitioner calls Dr. Anson Swinn”.

Swinn stood from the first row and walked to the witness stand where he was sworn in. Adam walked to the podium in the center of the courtroom, holding his notes and pushing himself to be strong...

... The preliminary questions were short and to the point, but only because Slattery had already reviewed Swinn’s qualifications and ruled that he could in fact testify as an expert. The state could attack his credentials on cross-examination, but his testimony would go into the record [Grisham 1994: 310].

В данном отрывке Дж. Гришем не просто описывает основные тонкости начала заседания суда и вызова свидетеля, он передает состояние, в котором находятся все участники процесса: нервозность и сомнения адвоката истца, неуверенность эксперта и желание судьи скорее закончить процесс. Безусловно, термины (выделены жирным шрифтом), используемые автором при описании этой сцены, позволяют передать атмосферу судебного заседания.

Еще одним примером использования Дж. Гришемом большого количества юридических терминов для придания очевидности описываемым событиям является сцена отбора присяжных:

...Lonnie had a painful flashback to the courtroom in Biloxi where the lawyers always had “just a few more questions”.

“Sure”, Lonnie said, glancing at his watch. He couldn’t help it.

“No criminal record of any sort?”

“No. Just a few speeding tickets.”

“No lawsuits pending against you personally?”

“No.”

“Any against your wife?”

“No.”

“Have you ever filed for bankruptcy?”

“No.”

“Ever been arrested?”

“No.”

“Indicted?”

“No.”

Taunton flipped a page. “Have you in your capacity as a store manager, ever been involved in litigation?” — “Yeah, lemme see. About four years ago, an old man slipped and fell on a wet floor. He sued. I gave a deposition [Grisham 2003: 167—168].

Из изложенного выше следует, что использование автором юридической терминологии позволяет ему добиться эффекта вовлеченности читателя в мир описываемых в произведении событий.

Поскольку произведения Дж. Гришема отличаются наличием большого числа юридических терминов, представляется важным сопоставить термины, фигурирующие в романах писателя, так как один и тот же термин, в зависимости от подотрасли права, описываемой в произведении, может выражать разные понятия. Например, значение термина “*to vote*” в произведении “The Runaway Jury” отличается от значения того же термина в романе “The Brethren”:

“Tarry then asked why Lake had voted for fifty-four new taxes during his fourteen years in Congress” [Grisham 2001: 265].

“They knew he was doing a terrible job. That’s why only thirty-eight percent of them voted for him when he asked for four more years” [Там же: 268].

“I don’t like voting for the tobacco company, but, at the same time, I just can’t understand giving Celeste Wood all this money” [Grisham 2003: 525].

В первом случае термин “*to vote*” — «голосовать» обозначает действия членов Конгресса при принятии решения. Во втором примере данный термин употреблен в значении «избирать кандидата на пост президента». Значение термина “*to vote*” в последнем отрывке текста заключается в «принятии решения по делу членами жюри путем голосования».

Таким образом, значение использованного писателем термина зависит от подотрасли права, о которой идет речь в произведении.

Подобная ситуация наблюдается и в случае с термином “*Chairman*”.

“He was a Chairman of the House Committee on Armed Services, and it was in that capacity that he had come to know Teddy Maynard” [Grisham 2001: 17].

“A plaintiff’s trial council was organized, not surprisingly with Wendall Rohr as the Chairman and designated point man in the courtroom” [Grisham 2003: 21].

Поскольку в первом случае термин “*Chairman*” обозначает председателя комитета вооруженных сил, а во втором — судью, мы вправе говорить о зависимости значения термина от контекста, а точнее, от подотраслей права (конституционного или процессуального), описываемых в романах.

С другой стороны, для обозначения одних и тех же понятий Дж. Гришем использует термины-синонимы, что свидетельствует о юридической компетентности писателя и его стремлении придать очевидность описываемым событиям. Так, в значении «письменные показания под присягой» автор романов использует термины: “*affidavit*” и “*deposition*”:

“In light of what happened to Kito Spires, I think we should record his testimony. Now.” Modesai scratched his beard. “Not a bad idea. Let’s do an affidavit”

“I need to borrow the video camera. I’m in a hurry.”...

“A deposition. Mind if I use it?” [Grisham 1999: 397].

“The video deposition of Jacob Wood had taken two and a half days to complete while he was alive” [Grisham 2003: 83].

Для обозначения понятия «доказательства» писателем применяются термины “*evidence*” и “*proof*”:

“The proof would be clear: premeditated, carefully planned, cold-blooded murder [Grisham 1992: 401].

“Now at this time we are ready to start the trial. The first order of business is to allow the attorney to make opening statement. I want to caution you that nothing the attorney say is testimony and is not to be taken as evidence” [Там же: 399].

Поскольку основной подотраслью юриспруденции, описываемой в произведениях Дж. Гришема, является процессуальное право, термины, фигурирующие в его романах, обозначают одно и то же понятие, независимо от тематики произведения. Рассмотрим в качестве примера основные понятия судопроизводства, такие как: “mistrial”, “motion”, “cross-examination” и “verdict”. Независимо от подотрасли юриспруденции, описанной в романе, они будут соответственно означать «судебный процесс, в котором присяжные не вынесли единогласного решения», «ходатайство», «перекрестный допрос» и «вердикт».

A mistrial would mean that in a year or two another jury would be picked to hear the same case [Grisham 2003: 484].

“You move for a mistrial, Governor. You don’t demand,” Jake said through glassy eyes [Grisham 1992: 498].

“Thank you, Your Honor, I appreciate that. As I was saying, the defendant renews his motion for a change of venue” [Там же: 380].

The defense filed a motion to prohibit the testimony of Dr. Hilo Kilvan, an alleged expert from Montreal in the field of statistical summaries of lung cancer, and a small battle erupted over the motion [Grisham 2003: 133].

“If you do not reach a verdict today, you will be taken to your rooms until tomorrow” [Grisham 1992: 479].

“We’ve been chosen to decide this case and it’s our responsibility to reach a verdict” [Grisham 2003: 485].

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что юридические термины, фигурирующие в произведениях Дж. Гришема, не затрудняют понимания событий, описываемых в романах, а делают их более реалистичными и приближенными к жизни, поскольку основной задачей писателя является не отражение системных свойств судопроизводства, а раскрытие характеров героев произведения в сложных жизненных ситуациях.

Наряду с этим, чтобы речь героев произведения была приближена к общелитературному языку, автор использует не юридические термины, а слова и обороты из обиходного, общеупотребительного литературного и литературно-разговорного пласта английского лексико-фразеологического фонда, связанные с юридической тематикой. Они отличаются от терминов тем, что обозначают не логические понятия, а концепты, коллективные представления, то есть средства житейского мышления, поскольку во фразеологических единицах закреплены представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали и поведении [Маслова: 43].

Так, в произведениях Дж. Гришема нередко функционируют такие выражения, как *to take (put) to prison* вместо термина *to imprison, to commit to custody; prison/ jail* вместо *penitentiary или penal institution; The Defender* вместо *Counsel for the Defence; to be in prison* вместо *to serve one’s sentence; to fine (smb.)* вместо *to subject (smb.) to a fine* и т. д.: “Because it’s illegal as the hell, okay? If the Judge somehow found out that I was talking to you, offering you money to talk to Angel, then both of us would go to jail. Understand?” [Grisham 2003: 83].

Несмотря на то, что термины являются наиболее информативными единицами текста, сжатой заменой соответствующего разговорного описания или определения понятий, автор использует разговорные слова и выражения. Это

вызвано стремлением писателя сделать свои произведения доступными более широкому кругу читателей.

Следует отметить факт применения общеупотребительных слов не только авторами детективных романов, но и самими юристами. Привнесение подобных единиц в юридический дискурс снижает точность и строгость формулировок, однако способствует повышению доходчивости излагаемого содержания для непрофессиональной аудитории и потому используется юристами в речах, обращенных к присяжным и публике на судебных заседаниях.

Единицы общеупотребительного языка, относящиеся к тематической области права, отличаются от юридических терминов не только в коннотативном, но и в денотативно-сигнификативном аспекте. Так, термин *prison* обозначает определенный вид учреждений, в которых осуществляется лишение свободы, и является гипонимом по отношению к термину *penitentiary*, в то время как слово *prison* литературного языка обозначает любое такое учреждение и является не гипонимом, а синонимом термина *penitentiary*. Аналогичным образом, термин *criminal* обозначает того, кто нарушил уголовное (но не гражданское) законодательство, а литературное слово *criminal* зачастую обозначает всякого, кто преступил закон.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в результате вкрапления юридических терминов в художественное произведение происходит некоторое упрощение терминов. Это связано, во-первых, с функционированием терминов в несвойственных им типах дискурса, во-вторых, со стремлением автора отразить реалии современного американского общества в характерных ему словах и выражениях, в-третьих, со спецификой человеческого сознания. Таким образом, использование Дж. Гришмом юридической терминологии объясняется, с одной стороны, его стремлением отразить атмосферу судебных заседаний в присущих ей словах и выражениях, с другой стороны, передать эмоциональное состояние всех участников процесса в условиях непростых жизненных ситуаций.

Из изложенного выше следует, что, функционируя в художественном тексте, термины обретают свойства не присущие им в юридическом дискурсе. Они получают символический смысл, возрастает контекстуальная зависимость их значений, изменяется их лексическая сочетаемость, а сами значения становятся в той или иной мере размытыми, однако все это происходит на фоне их исходного терминологического значения. Следовательно, в художественном тексте термины не переходят из сферы терминологии в иную сферу и перестают быть терминами, скорее, они в этих случаях являются терминами, употребленными в нетерминологической (в частности, художественной) функции.

Список источников

- Grisham J. A Time to Kill. N.Y.: Bantam Dell, 1992, 738 p.
Grisham J. The Brethren. N.Y.: Bantam Dell, 2001, 442 p.
Grisham J. The Chamber. N.Y.: Bantam Dell, 1994, 648 p.
Grisham J. The Runaway Jury. N.Y.: Bantam Dell, 2003, 401 p.
Grisham J. The Street Lawyer. N.Y.: Bantam Dell, 1999, 360 p.

Список литературы / References

- Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006. 252 с.
(Averboukh K. General Theory of the Term, Moscow, 2006, 252 p. — In Russ.)

- Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
(Grinev S.V. Introduction to Terminology Science, Moscow, 1993, 309 p. — In Russ.)
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
(Maslova V.A. Lingvoculturology: A textbook for the students of higher educational establishments, Moscow, 2001, 208p. — In Russ.)
- Милославская Д.И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 164 с.
Miloslavskaya D.I. A systematic description of legal terminology in modern Russian: diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2000, 164 p. — In Russ.)
- Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юридическая литература, 1990. 189 с.
(The Language of the Law, ed. by A.S. Pigolkin, Moscow, 1990, 189 p. — In Russ.)

FEATURES OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY IN A LITERARY TEXT (based on the works of J. Grisham)

Maria V. Luttseva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of usage of legal terms in unusual types of discourse. The scientific novelty of the research is seen in the specification of the functions that perform the units of special nomination used in a literary text. The research is based on the books of modern American writer and so-called author of "legal thrillers" J. Grisham. As a result of the analysis, it is concluded that the units of legal discourse in a literary text serve different purposes than in law context. They help the author to describe characters and actions. Legal terms also help the reader to imagine the atmosphere of court sessions and immerse himself in the world of fiction. Terminological units get symbolic meaning, the contextual dependence of their meanings increases, their lexical compatibility changes, but all this happens on the basis of their original terminological meaning.

Keywords: legal term, literary text, branches of law, language for special purposes, language for general purposes, legal discourse

For citation: Luttseva M.V. Features of English legal terminology in a literary text (based on the works of J. Grisham), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 75—81.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Лутцева Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru

Luttseva Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 82—89.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 82—89.

Научная статья

УДК 364.2:94(71)“1914/18”

DOI: 10.46726/И.2024.5.9

АДАПТАЦИЯ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ К ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ В КАНАДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам канадской прессы)

Екатерина Сергеевна Симоненко

Приморский государственный аграрно-технологический университет

г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению правительственной политики в области адаптации военных инвалидов к условиям гражданской жизни в Канаде в годы Первой мировой войны. Установлен перечень федеральных и провинциальных организаций, созданных для разработки и осуществления комплексной программы реабилитации военных инвалидов; раскрыт механизм их функционирования. Выявлены виды реабилитации, в том числе медицинская (комплексное медицинское лечение увечий, травм и болезней), социальная (выплата пособий на содержание и военных пенсий инвалидам и членам их семей), трудовая (профессиональное обучение или переподготовка с последующим трудоустройством). Автор приходит к выводу, что в годы Первой мировой войны канадское правительство разработало комплексную программу реабилитации военных инвалидов, нацеленную на высокую степень адаптации солдат, получивших увечья на фронте, к мирной гражданской жизни. Программа включала в себя медицинскую (в том числе физическую и психологическую), социальную (бытовую) и трудовую (профессиональную) реабилитацию. В реализации программы был задействован широкий круг специально созданных федеральных и провинциальных комиссий, главной задачей которых стала защита прав и интересов военных инвалидов.

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, канадский экспедиционный корпус, канадские военные инвалиды, адаптация к гражданской жизни

Для цитирования: Симоненко Е.С. Адаптация военных инвалидов к гражданской жизни в Канаде в годы Первой мировой войны (по материалам канадской прессы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 82—89.

Уже к середине 1915 г. в Канаду стали возвращаться первые добровольцы канадского экспедиционного корпуса, получившие ранения и увечья на Западном фронте и не способные вернуться в строй. В связи с этим канадское правительство приступило к разработке комплексной системы мер, направленной на создание механизма социальной адаптации канадских добровольцев к новым

условиям жизни после увольнения с воинской службы. Объектом такой социальной адаптации должны были стать сами добровольцы, а также члены их семей (т. н. военные иждивенцы).

По распоряжению консервативного правительства Роберта Бордена 30 июня 1915 г. в доминионе была создана Госпитальная военно-врачебная комиссия во главе с министром без портфеля и лидером консерваторов в Сенате Джеймсом Логхидом. Комиссия должна была защищать права и интересы солдат-инвалидов, вернувшихся с фронта. В основном домой возвращались раненные солдаты, которым требовалась квалифицированная медицинская помощь и внимательное обращение, потому что многие из них получили не только физические, но и психологические травмы [Blairmore Enterprise: 24 Nov. 1916]. Многие солдаты, прошедшие процедуру реабилитации, нуждались в трудоустройстве. Кроме того, правительство стало получать от солдат жалобы на небрежное отношение к ним со стороны местных властей. Например, в октябре 1915 г. в провинциальной прессе появились критические комментарии по поводу того, что солдаты, признанные полностью нетрудоспособными, включая тех, кто потерял зрение на оба глаза, вопреки обещаниям властей получали всего по 1 долл. в неделю на содержание [Там же: 1 Oct. 1915]. В ноябре 1915 г. «Торонто Стар» опубликовала истории нескольких солдат, в отношении которых также были выявлены злоупотребления со стороны местных властей. Так, было установлено, что в Квебеке солдатам, вернувшимся с фронта, местные власти выплачивали единовременную сумму на «выздоровление», советовали лечиться дома и после этого благополучно подвергали демобилизации. При этом об этих действиях не сообщалось в департамент милиции, где после получения документов о демобилизации военнотружущим прекращали начислять пособия на содержание [CAR 1915: 223]. Все эти проблемы призвана была решить комиссия под руководством сенатора Дж. Логхида.

В течение нескольких месяцев активной работы комиссии удалось добиться решения нескольких серьезных вопросов. Был организован специальный фонд для нетрудоспособных лиц, которые могли получить дополнительное пособие от правительства, если пенсионных выплат оказывалось недостаточно, чтобы содержать членов семьи. Этот фонд помощи пополнялся не только за счет правительственных субсидий, но в большинстве случаев благодаря значительным пожертвованиям частных лиц. Одним из самых крупных взносов стал чек на сумму 100 тыс. долл. от монреальского бизнесмена Джеймса Карузерса. Многие солдаты, получившие увечья на фронте, не могли возвратиться к своим прежним занятиям и вынуждены были переучиваться на другую профессию. В этом случае комиссия инициировала выплату пособий на содержание добровольцев и членов их семей на период прохождения профессиональной переподготовки. В случае полной потери трудоспособности солдаты могли получить специальные выплаты на строительство дома и его текущее обслуживание. Сенатор Дж. Логхид, подводя промежуточные итоги деятельности комиссии, заявил, что власти и в будущем будут прилагать все необходимые усилия, чтобы выполнить долг перед теми, кто пострадал, защищая страну и ее национальную свободу [Там же: 263].

К осени 1915 г. сенатор Дж. Логхид подготовил план сотрудничества федерального и провинциальных правительств в области защиты прав и интересов солдат, вернувшихся с фронта. Для обсуждения этого плана 18 октября 1915 г. в Оттаве была созвана специальная конференция, на которую официальные приглашения от премьера получили главы и представители всех провинциальных

правительств. В ходе конференции было решено создать в каждой провинции местные отделения Госпитальной военно-врачебной комиссии. В состав таких комиссий должны были войти местные промышленники, представители от рабочих и фермерских групп. По статистике, к 1918 г. местные комиссии управляли уже 50 больницами и санаториями, рассчитанными на 10 754 койко-места. После войны Госпитальная военно-врачебная комиссия фактически превратилась в сеть ветеранских больниц, которые оказывали врачебную помощь солдатам, вернувшимся с фронта, от Галифакса до Ванкувера [The Origins and Evolution...: 4].

Провинциальные отделения комиссии должны были оказывать моральную и материальную поддержку солдатам, вернувшимся с фронта. Для более эффективного выполнения этой задачи на октябрьской конференции 1915 г. была разработана классификация солдат-инвалидов, состоявшая из четырех групп. В первую группу попали лица с увечьями, которые позволяли им в будущем работать по прежней специальности, чьи рабочие места были оставлены за ними работодателями. Во вторую группу записывали солдат, которые после лечения могли полностью восстановить свою трудоспособность, но чьи рабочие места в их отсутствие были заняты другими. К третьей группе относили солдат, которые вследствие полученных увечий были неспособны работать по прежней профессии, но которые после соответствующей переподготовки могли заниматься другой работой. Наконец, в последнюю четвертую группу попадали солдаты, которые вследствие полной потери трудоспособности не могли самостоятельно зарабатывать себе на жизнь [CAR 1915: 264].

На федеральном уровне задача устройства и помощи в адаптации добровольцев, вернувшихся с фронта, к прежней гражданской жизни также была возложена на департамент милиции и обороны. Еще в ноябре 1915 г. министр обороны Сэм Хьюз ходатайствовал перед Тайным советом, чтобы все офицеры и солдаты, вернувшиеся с фронта, имели преимущественное право при поступлении на государственную службу. Особое внимание министр призвал обратить на тех, кто вследствие потери трудоспособности не мог работать в прежней профессии [Copies of Proclamations... 1916: 947]. В феврале 1916 г. по поручению премьер-министра с аналогичной инициативой в парламенте выступил представитель консервативной партии Уильям Миддлбро. В своей речи он заявил, что консерваторы в своем проекте трудоустройства инвалидов использовали классификацию добровольцев, принятую на октябрьской конференции 1915 г. В первую группу попадали физически годные лица, которые после прохождения полной медицинской реабилитации сохраняли полную дееспособность. Для них предусматривались вакансии не только на государственной службе, но и в сфере частного капитала, однако получить их они могли только после трудоустройства остальных трех категорий. Ко второй группе относились те, кто во время поступления на службу нигде не работал, либо их рабочие места оказались заняты, пока они воевали; больные и раненые, которые в результате лечения полностью восстановились. В третью группу поместили инвалидов, которые вследствие полученных увечий не могли быть трудоустроены на прежние места, но могли выполнять другую работу. Наконец, в четвертую группу попадали лица, которые в результате ранения или болезни не могли самостоятельно зарабатывать себе «на хлеб». Они должны были получать пенсии от государства, их дальнейшее трудоустройство не планировалось [Official Reports of the Debates: 642—647]. Спустя девять месяцев данный проект получил статус закона. В июне 1917 г. появилась информация, что правительство заполнило 3686 вакансий в 18-ти правительственных департаментах вернувшимися с фронта солдатами [CAR 1918: 316].

В июне 1916 г. генерал-губернатор утвердил положение о профессиональном обучении и переподготовке членов канадского экспедиционного корпуса и резервистов, вернувшихся с фронта. Согласно документу, добровольцы, получившие увечья на военной службе и не имевшие возможности после войны работать по прежней специальности, могли пройти профессиональное обучение новой специальности за счет средств федерального бюджета [The Alderson News: 24 Aug. 1916]. Муниципальные власти заверили правительство в том, что они будут в полной мере содействовать реализации данной политики, а местные технические школы, сельскохозяйственные колледжи и другие учебные заведения, в том числе и частные, согласны брать инвалидов на обучение [Copies of Proclamations... 1917: 1935—1936; The Alderson News: 24 Aug. 1916; Claresholm Review-Advertiser: 28 July 1916].

В период обучения новой профессии военные инвалиды и их домочадцы имели право на получение денежного довольствия, размер которого зависел от состава семьи. Например, холостяки, остававшиеся на полном пансионе по месту службы, включая бесплатное питание и стирку, не получали никакого пособия в период профессиональной переподготовки. Холостяки, жившие дома, получали от государства 60 центов в день. Женатые мужчины, остававшиеся на полном пансионе по месту службы, получали пособие в размере 8 долл. в месяц. Помимо этого, их жены имели право на выплаты для иждивенцев, размер которых увеличивался пропорционально количеству детей в семье. При этом если добровольцу, его жене и детям назначали такие выплаты, они на время профессионального обучения не могли получать пенсию, предусмотренную военным законодательством. Женатые мужчины, жившие дома, получали дополнительно к вышеперечисленным выплатам 60 центов в день. Пособия выплачивались весь срок обучения и в течение одного месяца после его завершения, независимо от того, устраивался ли человек на работу или нет [Copies of Proclamations... 1917: 1937—1939; Blairmore Enterprise: 1 Sept. 1916; Claresholm Review-Advertiser: 25 Aug. 1916].

По статистике, обнародованной департаментом милиции и обороны в октябре 1916 г., общее количество солдат и офицеров, возвратившихся в Канаду по медицинским показаниям, составило 6 208 чел., из них 961 чел. получили ранения различной степени тяжести, контузии или поражения отравляющими газами, 122 чел. имели психические расстройства, 245 — туберкулезную интоксикацию. По прибытии в Канаду каждый такой солдат проходил медицинское освидетельствование. Если он не нуждался в дальнейшем лечении, его увольняли со службы и отправляли домой, назначив военную пенсию, размер которой зависел от его должности и степени увечья. При всех провинциальных правительствах были созданы специальные военные комиссии по трудоустройству, которые помогали военным инвалидам найти надежную и хорошо оплачиваемую работу [Didsbury Pioneer: 3 Jan. 1917]. Лиц, нуждавшихся в искусственных органах, отправляли в Торонто, где в специальной ортопедической клинике с них снимали мерки, которые затем передавали на завод для изготовления индивидуальных протезов [The Bassano Mail: 8 Febr. 1917]. В декабре 1916 г. были увеличены доплаты раненым или больным солдатам, вернувшимся в Канаду с фронта и находившимся на лечении не в госпитале, а дома. До конца января 1917 г. эта категория солдат, имевших на содержании жену или мать, получала к своему обычному жалованию доплату в размере 75 центов в день. С 1 марта 1917 г. доплата была увеличена до 85 центов, а общий размер дневного жалования увеличился до 1,95 долл. [Claresholm Review-Advertiser: 15 Dec. 1916].

В апреле 1917 г. департамент милиции опубликовал меморандум об условиях демобилизации солдат-инвалидов и назначении им военных пенсий. Был установлен запрет увольнять солдат, отнесенных к одной из групп инвалидности, с военной службы до вынесения окончательного решения медицинским советом Госпитальной военно-врачебной комиссии. В решении должно было быть указано, что дальнейшее лечение в госпитале бесперспективно, так как не сможет никоим образом повлиять на степень дальнейшей трудоспособности. Более того солдата могли уволить со службы только после получения от пенсионного комиссара предписания о назначении ему военной пенсии по нетрудоспособности. В предписании должен был быть указан конкретный день начала начисления пенсии с тем, чтобы до этого момента сам солдат и члены его семьи могли получать жалование и пособие на содержание [Blairmore Enterprise: 20 Apr. 1917; Chinook Advance: 19 Apr. 1917; Claresholm Review-Advertiser: 13 Apr. 1917].

Еще одна проблема, которая стояла на повестке дня канадских политиков, заключалась в необходимости регулярной индексации пособий для солдат, проходивших профессиональную переподготовку. В середине апреля 1917 г. стало известно, что департамент милиции и обороны пересмотрел ставки оплаты для добровольцев экспедиционного корпуса, авиации и флота, вернувшихся с фронта и осваивавших новую специальность. Если раньше одинокий солдат, продолжавший проживать и питаться по месту службы, не получал никаких дополнительных выплат на содержание, то впредь он имел право на пособие в размере 8 долл. в месяц. В случае если его суммарный доход не превышал 16 долл. в месяц, он получал дополнительные выплаты, позволявшие достичь этого установленного минимума. Одинокий солдат, проживавший и питавшийся вне места службы, помимо пособия в размере 8 долл. мог рассчитывать на 1 долл. в день «на содержание». Если его общий доход, включая пенсию, пособие и доплаты на содержание не превышал 46 долл., он также получал дополнительные выплаты, позволявшие достичь этого установленного минимума. Женатые мужчины, проживавшие дома и проходившие обучение новой специальности, стали получать по 1 долл. в день «на содержание». Для женатых мужчин, проживавших и питавшихся по месту службы, условия содержания остались неизменными. Они получали по 8 долл. в месяц, а их жены и дети — прежние пособия, выплачиваемые по закону членам семьи [The Edmonton Bulletin: 17 Apr. 1917].

В июле 1917 г. специальный комитет палаты общин, занимавшийся вопросами социального обеспечения солдат, вернувшихся с фронта, подготовил серию рекомендаций. По сути, в них конкретизировалась программа мер государственной поддержки, которую правительство реализовало начиная с осени 1916 г. Все солдаты, вернувшиеся с фронта, были разделены на две категории. В первую категорию попали те, кто по прибытии в Канаду страдал от боевых ранений или прогрессирующих болезней. В свою очередь они были разделены на тех, кого следовало немедленно уволить из армии по причине полной нетрудоспособности с выплатой пенсии, и тех, кто нуждался в дальнейшем лечении. Во второй категории оказались солдаты и офицеры, которые, несмотря на удовлетворительное физическое и психическое состояние, стремились по собственному желанию уволиться из армии [Returned Soldiers: XVIII].

Для первой категории лиц была разработана четырехступенчатая программа государственной поддержки. По прибытии в Канаду они должны были пройти медицинское освидетельствование Госпитальной военно-врачебной комиссией, которая устанавливала степень увечий и определяла период времени для восстановления полной или частичной трудоспособности. Если дальнейшее

лечение признавалось нецелесообразным, возвратившемуся с фронта солдату назначали военную пенсию, а затем увольняли из армии. Тем, у кого прогноз на выздоровление был позитивным, предлагалось пройти лечение в одном из военных или гражданских госпиталей. Срок лечения зависел от степени тяжести повреждений, но не мог превышать 6 месяцев. После выздоровления военнослужащего увольняли из армии и направляли на профессиональное обучение, если он не имел до войны никакой специальности, либо на профессиональную переподготовку, если он не мог работать по прежней специальности. После прохождения курса обучения или переподготовки местные власти должны были его трудоустроить, желательно на высокооплачиваемую работу [Там же: XIX—XX].

По статистике, предоставленной Госпитальной военно-врачебной комиссией на 31 марта 1917 г., в Канаду вернулось 13 тыс. 826 раненных и больных, из них 2 тыс. 981 чел. были сразу уволены из армии без назначения военной пенсии, так как их состояние было признано удовлетворительным: они сохранили трудоспособность и могли вернуться к своим довоенным занятиям. Еще 9 тыс. 124 чел. были направлены на дальнейшее лечение в госпитали и санатории. Остальные 1 тыс. 726 чел. были признаны полностью нетрудоспособными [Там же: XX]. К началу 1917 г. профессиональное обучение или переподготовку прошли 1503 чел. Спектр профессий, которые могли получить солдаты, был достаточно широк. Например, популярностью пользовались такие специальности, как деревообработчик, сапожник, садовник, специалист по разведению домашней птицы, фермер, моторист, почтальон, телеграфный служащий, бухгалтер [Там же: XXV].

К концу войны в составе Госпитальной военно-врачебной комиссии произошла реорганизация. 21 февраля 1918 г. на ее базе был создан Департамент гражданского восстановления солдат, который вновь возглавил сенатор Дж. Логхид. Новая организация в дальнейшем ориентировалась на комплексную реабилитацию солдат-инвалидов: не только на их медицинское восстановление, но и профессиональную подготовку и трудоустройство. Была разработана многоступенчатая программа реабилитации для вернувшихся с фронта канадских солдат, которая вступала в силу после окончания войны (с ноября 1918 г.). После возвращения в Канаду добровольцы получали единовременное пособие «на обустройство хозяйства», размер которого зависел от срока и места службы, но не мог превышать 420 долл. для холостяков и 600 долл. для вступивших в годы войны в брак. К нему прибавлялась выплата в размере 35 долл. «на одежду». Помимо этого, предусматривалась выплата военных пенсий и стационарное лечение для тех, кто получил инвалидность в результате военной службы. Ветераны, не имевшие до войны никакого образования, как и прежде, имели право на прохождение университетского курса по тем специальностям, по которым в дальнейшем они могли трудоустроиться со своей инвалидностью. Ветераны, которым инвалидность мешала работать по довоенной специальности, также имели право на профессиональную переподготовку. Ветераны, пожелавшие стать фермерами и заниматься сельским хозяйством, получали право на правительственный кредит в размере 7,5 тыс. долл. под 5 % на 25 лет. При покупке земли от них требовался депозит в размере 10 % ее стоимости. Ветераны также получали право участвовать в федеральной программе по страхованию жизни. С 1 сентября 1920 г. все ветераны Первой мировой войны, проживавшие в Канаде, могли застраховать свою жизнь по льготным ставкам от 500 до 5 тыс. долл. Выплаты осуществлялись в случае «смерти или полной и постоянной нетрудоспособности застрахованного» лица и были предназначены для содержания

военных иждивенцев после смерти ветерана [Walter: 61—62]. В первые пять лет работы департамент обеспечил профессиональную подготовку 40 тыс. инвалидов по 140 различным профессиям, а также предоставил бесплатную медицинскую помощь почти 100 тыс. ветеранов [The Origins and Evolution...: 4]. Эта программа стала ядром для комплексной программы реабилитации канадских ветеранов, которая после войны получит название “Medicare” и станет основой всей канадской социальной политики.

Таким образом, в годы Первой мировой войны канадское правительство разработало комплексную программу реабилитации военных инвалидов, нацеленную на высокую степень адаптации солдат, получивших увечья на фронте, к мирной гражданской жизни. Программа включала в себя медицинскую (в том числе физическую и психологическую), социальную (бытовую) и трудовую (профессиональную) реабилитацию. В реализации программы был задействован широкий круг специально созданных федеральных и провинциальных комиссий, главной задачей которых стала защита прав и интересов военных инвалидов.

Список источников

- Army of War Worn Heroes Are Return to Canada as Unfit, *The Bassano Mail*, 8 February, 1917, p. 3.
- Caring for War’s Victims, *Blairmore Enterprise*, 1 October, 1915, p. 5.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War, comp. by the Department of the Secretary of State of Canada, 2nd supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1916, pp. 527—1050.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War, comp. by the Department of the Secretary of State of Canada, 3rd supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1917, pp. 1051—1951.
- Disable Canadian Soldiers, *Didsbury Pioneer*, 3 January, 1917, p. 4.
- Discharge and Pension Rules, *Blairmore Enterprise*, 20 April, 1917, p. 7.
- Discharge and Pension Rules, *Chinook Advance*, 19 April, 1917, p. 3.
- Discharge and Pension Rules, *Claresholm Review-Advertiser*, 13 April, 1917, p. 3.
- For National Registration, *Claresholm Review-Advertiser*, 28 July, 1916, p. 3.
- Government New Scheme, *Blairmore Enterprise*, 1 September, 1916, p. 1.
- Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916. 12th Parliament. 6th Session, Ottawa: J. de L. Tache, 1916, vol. 1 (CXXII), 943 p.
- Plans Being Worked Out for Assisting Wounded Soldiers, *Claresholm Review-Advertiser*, 25 August, 1916, p. 3.
- Plans Being Worked Out for Assisting Wounded Soldiers, *The Alderson News*, 24 August, 1916, p. 3.
- Problem of Disabled Soldier is Receiving Much Attention, *Blairmore Enterprise*, 24 November, 1916, p. 7.
- Returned Men to Be Paid Alike, *Claresholm Review-Advertiser*, 15 December, 1916, p. 9.
- Returned Soldiers. Proceedings of the Special Committee appointed to consider, inquire into and report upon the Reception, Treatment, Care, Training and Re-Education of the Wounded, Disabled and Convalescent who have served in the Canadian Expeditionary Forces, Ottawa: J. de L. Tache, 1917, 1262 p.
- Subsistence Allowance for Disable Soldiers Increased, *The Edmonton Bulletin*, 17 April, 1917, p. 1.
- The Canadian Annual Review. War Series 1915 (CAR 1915), ed. by J.C. Hopkins, vol. 15, Toronto: Canadian Annual Review Limited, 1918, 880 p.
- The Canadian Annual Review, War Series 1918 (CAR 1018), ed. by J. Castell Hopkins, vol. 18, Toronto: Canadian Annual Review Limited, 1919, 869 p.

Список литературы / References

- The Origins and Evolution of Veteran's Benefits in Canada 1914—2004. Reference Paper of Veteran's Affairs Canada, Ottawa: Canadian Forces Advisory Council, 2004, 159 p.
- Walter S.W. The Men Who Came Back: A Book of Memories, Toronto: Ryerson Press, 1956, 175 p.

**ADAPTATION OF DISABLED SOLDIERS TO CIVIL LIFE
IN CANADA DURING THE FIRST WORLD WAR
(based on materials of the canadian press)**

Ekaterina S. Simonenko

Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriysk, Russian Federation,
eka-1982.82@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of government policy in the field of adaptation of disabled military personnel to the conditions of civilian life in Canada during the First World War. The article establishes a list of federal and provincial organizations created to develop and implement a comprehensive program for the rehabilitation of military invalids; it also reveals the mechanism of their functioning. Besides, the author identifies the types of rehabilitation, including medical (comprehensive medical treatment of injuries, injuries and diseases), social (payment of maintenance benefits and military pensions to disabled people and members of their families), labor (vocational training or retraining with subsequent employment). The author concludes that during the First World War, the Canadian government developed a comprehensive program for the rehabilitation of military invalids, aimed at a high degree of adaptation of soldiers injured at the front to peaceful civilian life. The program included medical (including physical and psychological), social (domestic) and labor (professional) rehabilitation. A wide range of specially created federal and provincial commissions were involved in the implementation of the program, the main task of which was to protect the rights and interests of military disabled people.

Keywords: Canadian history, World War I, Canadian Expeditionary Force, Canadian disabled soldiers, adaptation to civilian life

For citation: Simonenko E.S. Adaptation of military invalids to civilian life in Canada during the First World War (based on materials of the canadian press), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 82—89.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Симошенко Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин, Приморский государственный аграрно-технологический университет, г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Simonenko Ekaterina Sergeevna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 90—97.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 90—97.

Научная статья

УДК 930(358)

DOI: 10.46726/И.2024.5.10

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАРТ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX—XXI ВЕКОВ

Андрей Алексеевич Лидов

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия,

lidov.ivran@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории изучения карт Древней Месопотамии в работах зарубежных исследователей XX—XXI вв. Ее основу составляет анализ публикаций, наиболее важных с историографической точки зрения, что позволяет получить адекватное представление об изучении топографических и космогонических карт, обнаруженных в результате археологических раскопок разного времени на территории древней Месопотамии и датируемых в широких пределах от шумерского и староаккадского периодов (2340—2200 гг. до н. э.) вплоть до нововавилонского времени (626—539 гг. до н. э.). Исследование обладает аналитическим характером, т. е. предполагает не столько общую характеристику и изложение содержания рассматриваемых работ, сколько выявление их актуальности, новизны и содержательной значимости. Помимо воссоздания истории изучения древнемесопотамских карт, статья преследует еще одну важную цель, а именно, характеристику исторической картографии как науки, которая выделилась в отдельную дисциплину лишь во второй половине XX века. Таким образом, в статье реализуется довольно сложный многоуровневый подход, в рамках которого историческая картография характеризуется на основе осуществленных в ее рамках научных публикаций, а сами эти публикации анализируются с точки зрения теоретических принципов и методологии данной науки.

Ключевые слова: Месопотамия, карта, история картографии, Вавилонская карта мира, историография

Для цитирования: Лидов А.А. История изучения карт древней Месопотамии в работах зарубежных исследователей XX—XXI веков // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 90—97.

Хорошо известно, что историческая картография выделилась в отдельную дисциплину лишь во второй половине XX века. Несмотря на короткий период существования, в рамках этой дисциплины успело появиться значительное число публикаций, в которых были систематизированы и описаны карты как важные культурно-исторические артефакты, создававшиеся с периода архаики вплоть до настоящего времени. Особенно ярко это проявилось в отношении древнейших карт, дошедших до нас от эпохи древнего мира и античности. Чрезвычайно важно, что в этом случае обобщение картографических данных сопровождалось расширением исследовательской базы за счет нового, ранее неизвестного или остававшегося маргинальным и использовавшимся по преимуществу узкими специалистами, восточного материала.

Введение в науку и актуализация древних восточных, в том числе месо-потамских первоисточников, представляющих собой древнейшие карты мира, оказалось настолько важным, что вызвало переоценку масштаба рассматриваемого явления, во многом приведя к переосмыслению того, что традиционно было принято считать «картой». Благодаря этому новому взгляду были если не полностью пересмотрены, то довольно сильно уточнены и расширены те представления, которые до этого базировались в основном на материалах более поздней западной картографии.

Одним из наиболее масштабных начинаний последних десятилетий стала подготовка шеститомной «Истории картографии», вышедшей под редакцией разных авторов с 1987 по 2015 год [The History of Cartography]. Инициаторы этого проекта — Дж.Б. Харли и Дэвид Вудворд, поставили перед собой задачу свести вместе и опубликовать карты разных культур с целью представить общую картину и облегчить исследователям доступ к значительному числу редких или труднодоступных изображений.

Другой важнейшей задачей проекта «Истории картографии» являлось осмысление ценности карты как документа, создававшегося уже на самых ранних этапах развития человеческой культуры. Данная задача включала в себя обсуждение множества культурных, социальных и мировоззренческих вопросов, формировавших контекст создания и использования карт. Речь при этом шла не только об изучении карт как физических объектов, но и о рассмотрении гораздо более широкого круга сведений об их создателях и потребителях, что, наряду с техническими, определяет важнейшие культурные и социальные аспекты изучения карт.

Еще одной задачей проекта являлась разработка двух основных методологических подходов, уточнение которых было необходимо для развития истории картографии как науки. Первый из них, теоретический, задавал общую стратегию изучения карты как культурно-цивилизационного посредника, кодифицирующего представления человечества о пространстве, второй, более частный и практический — формулировал приемы и способы анализа карт как физического артефакта.

Важным теоретическим положением создателей «Истории картографии» являлась идея об универсальности картографического языка и архетипичности выражаемой с его помощью образности, что позволило сформулировать и проверить ряд гипотез, в том числе, гипотезу о существовании единого хранилища памяти пространственных данных, общего даже для не соприкасавшихся напрямую и не взаимодействовавших друг с другом культур.

Первый том данной серии, опубликованный под названием «Картография в доисторической, древней и средневековой Европе и Средиземноморье», был посвящен картам и географическим представлениям древнего мира и античности. В соответствии с выработанными методологическими подходами в том вошли как более конкретные исследования по отдельным регионам и избранным временным периодам, так и эссе общетеоретического и обобщающего плана, в которых авторы анализировали проблематику зарождения и бытования ранних карт в более широком историческом контексте.

Открывает том раздел под названием «Карта и развитие истории картографии», единственной статьей в котором является эссе Дж.Б. Харли «Историческое значение карты» [Там же 1, ч. 6: 21—27]. Отмечая, что несмотря на то, что карты не получили повсеместного распространения вплоть до эпохи европейского Возрождения, в мире практически не было обществ, в которых бы

не создавались карты, являвшиеся древнейшим способом отражения мира и, подобно живописи, предшествовавшие письменному языку и другим видам специализированного знания, подобным геометрии, счету и т. д.

По мнению Харли, когнитивная способность к отображению пространства присутствовала в человеческом сознании изначально, задолго до появления тех физических артефактов, которые сегодня мы называем картами. Важно, что последние имели, по его мнению, прикладной характер и являлись одной из древнейших форм человеческой коммуникации, служа своего рода посредниками между внутренним ментальным сознанием и попытками отражения внешнего физического мира. Как показывает Харли, карты использовались как инструменты, которые помогали человечеству осмыслить окружающее его мироздание, оценив его качественно и количественно и представив в сопоставимых с человеком масштабах. Таким образом, указывая на то, что карты были не только широко распространенным, но и чрезвычайно древним явлением, Харли настаивает на том, что практика составления карт была неотъемлемой частью жизни большинства цивилизаций, включая те, о которых мы знаем сравнительно немного благодаря археологическим или лишь частично дошедшим до нас изобразительным и письменным источникам.

Намеченные Харли подходы к изучению исторической картографии конкретизировались в других подразделах тома, сформированных по историко-географическому признаку. Первый из них под названием «Картография в доисторической Европе и Средиземноморье» включал три главы, а именно, «Доисторические карты и история картографии: введение» Кэтрин Делано Смит [Там же: 45—49], написанный ею же обширный раздел «Картография в доисторический период Старого Света: Европа, Ближний Восток и Северная Африка» [Там же: 54—101], а также небольшое эссе Дж. Малкольма Льюиса «Истоки картографии» [Там же: 50—53].

Все эти три статьи, написанные ведущими специалистами в своих областях, как бы продолжали введение Харли и носили не столько описательно-прикладной, сколько обзорный и теоретико-проблемный характер. Особенно показательной в этом смысле является статья «Истоки картографии», в которой Льюис связывает зарождение практики картографирования с формированием пространственного сознания, опорными точками которого являлись такие парные оппозиции, как левое и правое, внутреннее и внешнее, высокое и низкое, закрытое и открытое, центр и периферия, симметричное и асимметричное и т. д. Именно на их основе, по мнению Льюиса, и формировались некогда навыки картографирования, развивавшиеся параллельно с другими формами коммуникации, как более ранними пластическими (сюда Льюис включает язык тела и жестов), так и более поздними вербальными, приведшими к формированию полноценного языка.

Следующий раздел «Картография в древней Европе и Средиземноморье» включает 11 статей, охватывающих период с момента зарождения картографии на древнем Ближнем Востоке вплоть до функционирования ее развитых форм в Византийской империи. Древняя и восточная картография, интересующая нас в рамках данного обзора в первую очередь, рассматривается в статьях А.Р. Милларда «Картография на древнем Ближнем Востоке» [Там же: 107—116], А.Ф. Шора «Египетская картография» [Там же: 117—129] и нескольких разделах, подготовленных редакцией на основе материалов, предоставленных Жермен Ожак. Завершает раздел эссе «Картография в Древнем мире: Заключение» А.В. Дилка [Там же: 276—279], в котором он выделяет черты сходства

и различия изобразительной картографии Месопотамии и Египта по отношению к теоретическим картографическим знаниям, получившим распространение в Греции и Риме.

Появление фундаментальной «Истории картографии» было бы невозможным без предшествующих исследований, включающих как работы общетеоретического и обзорного плана [Crone], так и более специальные, посвященные картографии Ближнего Востока. Среди обобщающих исследований следует выделить «Историю картографии» Лео Багроу, вторая глава которой содержит обзор вавилонских карт и попытку определения их места в контексте картографии древнего мира [Bagrow].

Что касается специализированных публикаций, то они появлялись в основном в связи с обобщением результатов археологических исследований и введением в науку нового, ранее недоступного материала. В процессе археологических раскопок, активно проводившихся в «библейских землях» уже в XIX веке [Vollrat], было обнаружено значительное число глиняных клинописных табличек разного времени, лишь небольшая часть из которых содержала изображения, в том числе карты. В основном это были фрагменты карт, не привлекавшие внимание широкой публики и интересные лишь узким специалистам.

Ситуация принципиальным образом изменилась, когда в сезон 1930—1931 гг. в процессе раскопок американской (Гарвардско-Багдадской) экспедиции в районе Йорган-Тепе (совр. Ирак) была обнаружена полная географическая карта, названная картой из Нузи (как данный район именовался в античности) или картой из Га-Сура (как та же местность называлась в древнеаккадский период). Открытие было сделано в процессе раскопок архива, датируемого ок. 2600 г. до н. э. Таким образом, обнаруженная табличка была очень ранней, что позволило говорить о находке древнейшей карты мира.

Этот уникальный артефакт не только вызвал значительный интерес к месопотамским картам, но и определил появление многочисленных исследований, часть которых до сих пор не утратила своего значения. К числу последних принадлежат несколько публикаций Теофила Джеймса Мика*, в которой он не только описал найденную карту, фактически введя ее в науку, но и предложил свою интерпретацию найденного изображения.

Примерно в то же время появилась и статья Эххарда Унгера «Древние вавилонские карты и планы» [Unger: 311—322], в которой был сделан самый первый общий обзор месопотамских карт, что позволило ученым более ясно представить себе данное явление. Однако самой значительной заслугой Унгера являлось изучение вопроса об ориентации ближневосточных карт, благодаря чему его статья до сих пор остается одним из важных исследований проблемы определения вавилонских сторон света.

Несколько специализированных работ были посвящены изучению планов городов, прежде всего карт города Ниппура среднеавилонского времени (ок. 1500 года до н. э.). Среди этих работ следует отметить соответствующий раздел в монографии С.Н. Крамера [Kramer], обобщающий более ранние статьи по публикации и изучению этих карт, а также статью М.Дж. Гибсона [Gibson: 26—38], сопоставившего карту Ниппура с результатами археологических раскопок города. Важной для представления полученного в результате археологических раскопок материала была и статья В. Реллига, в которой был

* См. : [Meek 1931: 1—12; Meek 1932: 2—5]. Данные этих ранних работ были обобщены в более поздних и подробных публикациях [Meek 1935; Meek 1936: 223—226].

дан не только общий обзор, но и типологическое сопоставление наиболее важных месопотамских карт [Röllig].

Обширная литература была посвящена и самой известной из карт этого региона, так называемой Вавилонской карте мира, активно обсуждавшейся не только исследователями Ближнего Востока, но и историками картографии и учеными смежных специальностей. Среди этих публикаций, значительная часть которых остается описательной или даже популярной, выделяются работы израильского исследователя Уэйна Горовица. В результате тщательного изучения Вавилонской карты мира и ее сопоставления с доступным месопотамским материалом, Горовиц предложил последнюю по времени реконструкцию этой карты, во многом основывающуюся на предложенном им варианте прочтения сопровождающего ее текста на табличке.

Глубоко фундированной была уже первая статья Горовица, опубликованная в 1988 году [Horowitz 1988: 147—165], в которой он предпринял попытку проанализировать Вавилонскую карту мира в рамках более широкого контекста месопотамской картографии, обратив особое внимание на ее контекстуальные, филологические и технические аспекты. Горовиц показал, что древние месопотамские представления о Вселенной оставались удивительно постоянными на протяжении примерно 2500 лет, начиная с самых ранних литературных свидетельств середины III тыс. до н. э., национального эпоса «Энума элиш» конца II тыс. до н. э., вплоть до памятников эллинистического Урука и эпохи конца клинописи.

Шумеро-аккадцы представляли вселенную как состоящую из наложенных друг на друга уровней, разделенных открытым пространством и удерживаемых вместе за счет космических связей. Наверху находилась область высшего мира, располагавшаяся над небом, где обитали боги неба, затем следовало звездное небо, поверхность земли, подземные воды Абзу и, наконец, мир мертвых. Как показывает Горовиц, важными, по сути преднаучными, были такие месопотамские космологические представления, как существование невидимой области над зримой частью неба, а также выделение четырех регионов мира, важных для понимания ориентации дошедших до нас месопотамских карт.

Впоследствии эта статья в несколько переработанном и дополненном виде была включена в обобщающую монографию Горовица 1998 года [Horowitz 1998]. В этой публикации Горовиц поставил перед собой цель проанализировать как можно более широкий круг источников, что придало его исследованию статус своеобразной базы данных. Самого Горовица в первую очередь интересовали имеющиеся в шумерских и аккадских текстах свидетельства о физической структуре Вселенной и ее составных частях, проанализированные им с целью проследить эволюцию космологических представлений по мере совершенствования астрономии и расширения объективных знаний о географии земли и неба.

Центральным объектом его исследования продолжала оставаться Вавилонская карта мира. Горовиц не только проанализировал космологическое и филологическое содержание карты, но и, проведя сравнение с другими космологическими текстами, предложил целостную реконструкцию этого памятника. Известные карты и планы городов, такие как карта из Га-Сура, не могли ему в этом помочь, поскольку Карта мира, как было показано Горовицем, является уникальной и не имеет аналогов среди других месопотамских и других ближневосточных карт. При этом несмотря на то, что она представляет мир в очень крупном, всеохватном масштабе, в ней используются стандартные для

месопотамской картографии условные обозначения, в частности, различные геометрические фигуры, закрепленные для изображавшихся на картах топографических объектов. Например, «океан» (*маррату*) показан как область внутри двух концентрических кругов, что сопоставимо с практикой изображения рек и каналов при помощи двух параллельных, обозначающих их берега, линий. Более того, обозначенные на топографических картах круговые сегменты рек по форме близко напоминают космический океан на вавилонской Карте мира. В то же самое время, как отметил Горовиц, Карта мира обладает целым рядом уникальных черт и особенностей. В частности, в отличие от топографических карт и планов, которые почти с самого начала в месопотамской картографии представлялись в правильном масштабе и математически точно соотносились с размерами изображаемого объекта, для карты мира характерна условность масштабирования, определенная невозможностью достоверно в точном масштабе изобразить составные части огромной вселенной.

По мнению Горовица, целью создания этой карты было стремление определить местоположение отдаленных регионов, показав хотя бы примерно, как они могут располагаться по отношению к таким известным местам, как Вавилон, Ассирия и Евфрат. Заинтересованность ее создателей в этих отдаленных полумифических странах отражает общий интерес к географии мира в первой половине I тыс. до н. э., когда Ассирийско-вавилонская империя достигла своего расцвета. Другими проявлениями того же процесса стала организация экспедиций, предоставивших данные для составленной в новоассирийский период «Географии Саргона», а также возведение гигантских «ботанических садов», где соседствовали экзотические растения, привезенные из дальних стран.

Разделы по месопотамской картографии появлялись также в ряде общих исследований, посвященных языкам и культуре Месопотамии, таких как «Повседневная жизнь в Древней Месопотамии» К.Р. Немет-Неджата [Nemet-Nejat: 93—97] и «Вавилоняне. Введение» Дж. Лейка [Leick: 9—18]. Важно, что в этих работах картография нередко рассматривалась в контексте географии, что создавало более объемную картину явления.

Завершая обзор основных исследований по истории месопотамской картографии, следует сказать несколько слов о современных отечественных исследованиях данной темы, к сожалению, достаточно скромно представленных в российской историографии. Общим обзором, рассматривающим не только месопотамские карты, но также древнеегипетскую и израильскую традиции картографии, является статья А.К. Лявданского, содержащая аннотированную библиографию наиболее важных зарубежных исследований [Лявданский]. Нельзя также не отметить и несколько публикаций А.В. Подосинова, прежде всего его работы общетеоретического и концептуально плана, а также ряд исследований, посвященных проблеме ориентации древних карт [Подосинов 1999; Подосинов 1992: 64—74].

Список литературы / References

- Лявданский А.К. Из истории картографии и географии на древнем востоке. URL: <https://paleocentrum.ru/science/iz-istorii-kartografii-i-geografii-na-drevnemvostoke.html> (дата обращения: 01.05.2024).
(Lyavdanskyy A.K. From the History of Cartography and Geography in the Ancient East. — In Russ.)
- Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
(Podosinov A.V. EX ORIENTE LUX! Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia, Moscow, 1999, 720 p. — In Russ.)

- Подосинов А.В. Ориентация древних карт (с древнейших времен до раннего средневековья) // Вестник древней истории, 1992. № 4. С. 64—74.
(Podosinov A.V. Orientation of Ancient Maps (From Ancient times to the Early Middle Ages), *Journal of Ancient History*, 1992, no. 4, pp. 64—74. — In Russ.)
- Bagrow L. *History of Cartography*, ed. and revised by R.A. Skelton, London: C.A. Watts and Co., 1964, 312 p.
- Crone G.R. *Maps and their Makers: An Introduction to the History of Cartography*, Connecticut: Dawson UK., 1978, 152 p.
- Gibson McG. Nippur: New Perspectives, *Archaeology*, 1977, vol. 30, pp. 26—38.
- The *History of Cartography*. 6 vols: in 8 books, ed. by Harley J.B., Woodward D. etc., Chicago: University of Chicago Press, 1987—2015.
- Horowitz W. *Mesopotamian Cosmic Geography*, Indiana: Eisenbrauns, 1998, 410 p.
- Horowitz W. The Babylonian Map of the World, Iraq, 1988, vol. 50, pp. 147—165.
- Kramer S.N. *History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Recorded History*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981, 388 p.
- Leick G. *The Babylonians: An Introduction*, London; New York: Routledge, 2002, pp. 9—18.
- Meek T.J. Some gleanings from the last excavation at Nuzi, *The Annual of the American Schools of Oriental Research*, 1931, vol. 13, pp. 1—12.
- Meek T.J. The Akkadian and Cappadocian Texts from Nuzi, *Bulletin of the Schools of Oriental Research*, 1932, vol. 48, pp. 2—5.
- Meek T.J. *Excavations at Nuzi*, Oxford: Harvard Semitic Series X, 1935, vol. III, 262 p.
- Meek T.J. The *Orientation of Babylonian Maps*, *Antiquity*, 1936, vol. X, pp. 223—226.
- Nemet-Nejat K.R. *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, Westport, CT and London, 1998, 368 p.
- Röllig W. Landkarten, Reallexicon der Assyriologie et d'Archéologie Orientale, Berlin: De Gruyter, 1983, bd. VI, pp. 321—480.
(Röllig W. Maps, Encyclopedic reference book about Assyriology and Oriental Archeology, Berlin: De Gruyter, 1983, vol. VI, pp. 321—480. — In Germ.)
- Unger E. Ancient Babylonian Maps and Plans, *Antiquity*, 1935, vol. IX, pp. 311—322.
- Vollrat H.H. *Explorations in the Bible Lands*, Philadelphia: A.J. Holman, 1903, 809 p.

THE HISTORY OF RESEARCH OF ANCIENT MESOPOTAMIAN'S MAPS IN THE WESTERN SCHOLARSHIP OF THE 20th—21st CENTURIES

Andrei A. Lidov

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lidov.ivran@gmail.com

Abstract. The paper explores the history of research dedicated to maps of Ancient Mesopotamia based primarily on publications of Western scholars of the 20th—21st centuries. The focus is given to studies that bear particular importance for the historiography and help to obtain an adequate understanding of the development of the field of topographic and cosmogonic maps discovered as a result of archaeological excavations at different times in the territory of Ancient Mesopotamia and dating back widely from the Sumerian and Old Akkadian periods (2340—2200 BC) to the Neo-Babylonian time (626—539 BC). This paper offers an analytical approach, which presupposes not so much a general description and presentation

of the content of the works under consideration, but rather the identification of their relevance, novelty, and line of arguments. In addition to reconstructing the history of research of ancient Mesopotamian maps, the article pursues another important goal, namely, the characterization of historical cartography as a discipline, which emerged and acquired its own methodological framework only in the second half of the 20th century. Thus, the paper implements a rather complex multi-level approach, within which historical cartography is characterized on the basis of scientific publications which contributed to shaping its outlines, while these publications themselves are analyzed from the point of view of the theoretical principles and methodology of the scholarly approach they were meant to promote.

Keywords: Mesopotamia, map, history of cartography, Babylonian map of the world, historiography

For citation: Lidov A.A. The History of Research of Ancient Mesopotamian's Maps in the Western Scholarship of the 20th—21st centuries, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 90—97.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Лидов Андрей Алексеевич — научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия, lidov.ivran@gmail.com

Lidov Andrei Alexeyevich — Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation, lidov.ivran@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 98—106.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 98—106.

Научная статья

УДК 94(612)''2002/2010''

DOI: 10.46726/И.2024.5.11

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЛИВИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД 2002—2010 ГГ.

Алим Маратович Абидулин, Михаил Владимирович Дронов

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru, giraffa@yandex.ru

Аннотация. В статье описана социально-географическая обстановка на 2002 г. Далее представлено описание процесса реформ, которые были призваны дать импульс экономическому росту, интегрировать экономику Ливии в мировое хозяйство. Наглядно показана неоднозначность политической и социально-экономической ситуации в стране в 2002—2010 гг. Продемонстрировано, как на фоне внешней стабильности оставались перманентные факторы деструктивного характера. Подробно представлено, что, с одной стороны, Ливия получала высокие доходы от экспорта энергоресурсов, которые позволяли проводить сильную социальную политику и поддерживать относительно высокий уровень жизни населения. Приведено решение проблем трудоустройства молодежи за счет привлечения на низкооплачиваемые работы трудовых мигрантов из других стран. Также дано описание, как Каддафи удерживал власть, широко используя финансовые и военные преференции, играя на межплеменных противоречиях и не допуская появления оппозиции. С другой стороны, представлены негативные факторы, имеющиеся в стране. Ливия оставалась практически разделенной на три региона: Триполитанию, Феццан и Киренаику, имеющие между собой сильные противоречия, особенно между Триполитанией и Киренаикой. Племена Киренайки были ущемлены в политическом и экономическом аспекте, при том что в восточной части страны располагались крупнейшие нефтяные месторождения страны. В статье разобрано формирование в Киренаике радикальной исламистской организации ЛИБГ, которая объявила своей целью устранить Каддафи и учредить в Ливии исламское государство. Представлены выводы о политической и социально-экономической ситуации в Ливии в предвоенный период.

Ключевые слова: Гибридная война, «Арабская весна», война в Ливии, интервенция НАТО, Муаммар Каддафи

Для цитирования: Абидулин А.М., Дронов М.В. Политическая и социально-экономическая ситуация в Ливии в предвоенный период 2002—2010 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 98—106.

Политическая и социально-экономическая ситуация в Ливии формировалась под влиянием комплекса перманентных факторов, которые определялись ее геополитическим положением, природными ресурсами, регионализацией страны и т. д.

Ливия в ее нынешних границах сформировалась под непосредственным влиянием решений итальянской колониальной администрации. В целях

упрощения и оптимизации колониального управления Италия объединила три различных региона — Триполитанию (западная Ливия), Киренаику (восточная Ливия) и Феццан (Феззан, южная часть Ливии) в одну административную единицу. Исторически эти регионы были разными по своему жизненному укладу, слабо связанными друг с другом, и их объединение было исключительно административным решением Италии.

В частности, Феццан исторически был тесно связан с северными с прилегающими регионами стран Сахеля. Так, после вытеснения итало-германских войск из Северной Африки, Феццан был оккупирован Францией, которая сохраняла контроль над прилегающими африканскими колониями, в то время как Триполитания и Киренаика оставались подконтрольными Великобритании. До 1963 г. в независимой Ливии сохранялось административное деление на три провинции, исходя из исторического разделения. Эти различия сохраняют свое значение и в настоящее время [Видясова].

В этой связи можно отметить неудачу политики М. Каддафи по формированию единой ливийской национальной идентичности. Даже выборы систематически приводили к конфликтам, ввиду того что представители племен голосовали консолидировано. Если на выборах побеждало племя, уступающее племени с более высоким положением в сложной иерархической структуре Ливии, начинался конфликт, который в основном разрешался с использованием государственных силовых ведомств [Вилков: 53].

Сохранявшиеся трайбализм и сильные региональные различия дополнялись влиянием исламского фактора. Большим влиянием обладал суфийский орден сенусийя, основанный в 1837 г. в Мекке Мухаммедом Али ас-Сенусси, объединяющий идеи суфизма и ваххабизма. Глава ордена сенуситов стал первым и единственным королем Ливии под именем Идрис I. Он был выходцем из племени Хараби, одного из наиболее влиятельных племен Киренаики, и в своем правлении опирался на племена восточной части страны. Это проявлялось как в политической сфере, поскольку из племен Киренаики формировалась политическая элита, так и в экономической. При этом племена Триполитании и Феццана были во многом обделены доходами от экспорта нефти.

Напротив, после прихода к власти выходца из племени Каддафа, проживающего в Триполитании, М. Каддафи произошло постепенное перераспределение нефтяных доходов. Если первоначально М. Каддафи стремился соблюдать баланс, расширяя свою социальную базу за счет самых крупных и воинственных племен страны, в том числе посредством вступления в брак, то, столкнувшись с мятежами, прежде всего племен Киренаики, ужесточил свою политику, перераспределяя земли, ослабляя проявлявшие враждебность племена, вынуждая эмигрировать племенных лидеров, сталкивая их друг с другом и выступая при этом в роли арбитра.

Исходя из существующих особенностей, в Ливии выстраивалась специфическая политическая система, в которой безусловным и непререкаемым лидером оставался не занимающий никаких официальных должностей М. Каддафи. Но эта система управления не допускала никакой политической конкуренции, она существовала вокруг политического лидера, отражая авторитарный стиль управления страной. Вероятно, этот стиль представлялся наиболее эффективным в условиях трайбализма и регионализма, и М. Каддафи выстраивал такую политическую систему, которая не угрожала бы его единоличному правлению.

Социально-экономическая политика Ливии основывалась на доходах от экспорта энергоресурсов. Это позволяло снижать потенциал социального

недовольства, однако декларируемый уравнительный характер распределения на практике приводил к периодическому недовольству со стороны племен, которые чувствовали себя ущемленными в подобных процессах распределения доходов [Divided We Stand...: 130].

Доходы от экспорта энергоресурсов позволяли справляться с большими социальными обязательствами. В частности, государство выделяло ежегодные дотации на каждого члена семьи в размере 1000 долл. США, пособие по безработице составляло 730 долл. США. Молодожены получали целевую субсидию на приобретение жилья в размере 64000 долл. США. Государство полностью финансировало обучение и стажировки ливийских студентов за границей.

ВВП Ливии в 2002 г. составил 20,48 млрд долл. США, в 2010 г. — 75,38 млрд долл. США, в целом демонстрируя устойчивый, хотя и нестабильный рост, исключительно сильно зависимый от мирового рынка энергоресурсов [Ливия — ВВП]. В 2010 г. средний годовой доход на душу населения Ливии составил примерно 12380 долл. США, что сопоставимо со средним доходом в некоторых европейских странах [The World Bank...].

В результате в начале XXI в. в Ливии сохранялся самый высокий в Африке уровень жизни, согласно Индексу человеческого развития. Согласно докладу ООН о человеческом развитии за 2010 г., Ливия занимала 53-е место в мире [Human Development Report 2010]. В стране сохранялось бесплатное образование и здравоохранение, была достигнута полная грамотность, продолжительность жизни была одной из самых больших в Африке [Porter, Schwab].

Вместе с тем Ливия сталкивалась с целым комплексом разнообразных проблем. Проводимая социальная политика напрямую зависела от экспортных доходов, которые, со своей стороны, зависели от мировых цен на энергоносители и санкционной политики, проводимой в отношении страны.

Помимо этого, экономика Ливии была жестко регулируемой со стороны государства. Все предприятия, согласно положениям «Зеленой книги», принадлежали народу, и каждый сотрудник был номинальным совладельцем («партнером»). Управление осуществляли специальные комитеты, куда входили сотрудники предприятий [Кадафи].

Об уровне централизации говорит то, что «продуктами первой необходимости» жителей страны обеспечивала единая Национальная снабженческая корпорация. Она контролировала импорт товаров и получала соответствующие субсидии от государства [Записка Председателя...]. Этот фактор имел особенное значение, поскольку большую часть территории страны составляли пустыни, и до 90 % потребностей удовлетворялось за счет импорта продовольствия, в то время как внутри страны отсутствовала пищевая промышленность. Подобная централизация была характерна и для других отраслей экономики, что тормозило ее развитие [Касаев 2009].

В 2002 г. в Ливии начался процесс реформ, которые были призваны дать импульс экономическому росту, интегрировать экономику страны в мировое хозяйство, меняя традиционную изоляционистскую политику, которая исторически основывалась на конфронтации с Западом.

По нашему мнению, данный процесс можно рассматривать как попытки вывода Ливии из международной изоляции, которые коснулись всего спектра политико-экономической жизни.

«Открытие» экономики Ливии и принятие мер по привлечению иностранных инвестиций сопровождалось целым рядом мер, затрагивавших все население страны. Так, произошла унификация курса национальной валюты —

ливийского динара — сопровождавшаяся девальвацией официального обменного курса почти наполовину. Ливия снизила ставку таможенной пошлины на 50 % на большую часть импорта. Началась реализация программы приватизации государственных предприятий, включившая в себя ключевой для Ливии нефтяной сектор [Vandewalle].

Процессы либерализации экономики сопровождались постепенной «нормализацией» отношений со странами Запада, снятием с Ливии ограничительных мер и восстановлением отношений. В результате с 2005 г. Ливия получила возможность инвестировать в экономики других стран. В 2010 г. зарубежные активы страны достигли 170 млрд долл. США [Chami]. Они включали в себя наличные средства и депозиты, которые хранились в HSBC, Goldman Sachs и других банках, ценные бумаги таких компаний, как Eni, Siemens, «Русал», Unicredit, «Норильский никель», BASF, General Electric и др. [Management Information Report].

В целом к 2010 г. Ливия осуществила комплекс экономических реформ, в числе которых открытие доступа для иностранных инвесторов в ключевые отрасли экономики, снижение минимального порога иностранных инвестиций с 50 млн долл. США до 1 млн долл. США, создание фондовой биржи в Триполи, которая отчасти предназначалась для ускорения приватизации государственных компаний, частичная приватизация банковской системы, создание Ливийского инвестиционного управления в качестве суверенного фонда, создание Совета по приватизации и инвестициям, призванного создать единый центр для упрощения подачи заявок на получение лицензии на ведение бизнеса и повышения доверия инвесторов, введение нового подоходного налога с фиксированными ставками 10 % для частных лиц и 20 % для юридических лиц, принятие нормативно-правовых актов для развития международного туризма [From Inherited...], разрешение ливийским хозяйствующим субъектам на создание совместных предприятий с иностранными инвесторами, открытие американского торгового представительства для облегчения доступа американским компаниям на ливийский рынок [Куделев 2008, Касаев 2010, Куделев 2007], отмена таможенных пошлин на более чем 3500 наименований импортируемых товаров и услуг, снятие условия обязательного включения наемного ливийского персонала в качестве совладельцев компаний.

Либерализация экономики сопровождалась ограниченными политическими реформами. В июне 2003 г. М. Каддафи назначил премьер-министром страны имевшего репутацию либерального «прозападного» политика Шукри Ганема, в свое время получившего международную известность в качестве Генерального секретаря Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК).

Сын М. Каддафи Саиф (Сейф) аль-Ислам Каддафи выступил с заявлением о необходимости правовых реформ, в первую очередь принятия ливийской конституции, разъясняющей полномочия различных законодательных, исполнительных и судебных институтов в Ливии. При этом разработка конституции осуществлялась в сотрудничестве с европейскими экспертами [Bertelsmann Stiftung...]. Правовые реформы предлагались в качестве средства «обеспечения свободной среды, подходящей для нормальной политической жизни», включая развитие гражданского общества, независимых СМИ, Верховного суда, Центрального банка и других институтов [Blanchard].

В то же время, политические реформы не затрагивали основ политической системы. Не было и речи о перераспределении властных полномочий, которые по-прежнему концентрировались в руках М. Каддафи. Политическая

либерализация была формальной и, по нашему мнению, Триполи преследовал целью легитимизировать политический режим в глазах остального мира, прежде всего США и ЕС. Основные факторы, определявшие особенности политических процессов, такие как трайбализм и регионализм, по-прежнему оставались в числе ключевых.

Экономическая либерализация позволила несколько скорректировать дисбалансы развития. Так, инвестиции в экономику нескольких десятков развитых и развивающихся стран приносили существенные дивиденды. В то же время основными бенефициарами экономических изменений в Ливии были прежде всего западные компании, инвестировавшие в ее экономику, и это происходило за счет местного крупного бизнеса, что вызывало недовольство части ливийской элиты, особенно на фоне сохранявшегося жесткого централизованного контроля со стороны государства [Егорин: 7].

При этом на углеводородный сектор Ливии по-прежнему приходилось более 70 % ВВП, более 95 % экспорта и примерно 90 % государственных доходов [Libya Financial...]. Хотя в углеводородном секторе страны трудилось всего около 3 % трудоспособного населения, в то время как в органах государственного управления было занято около 70 % формальной рабочей силы [From Inherited...].

По оценкам экспертов, в условиях сохранявшейся централизации государственный сектор оставался неэффективным, избыточно бюрократизированным и коррумпированным. Трайбализм и регионализм сказывались на работе государственного аппарата и армии, где поддержка оказывалась представителям своего племени и региона. В Индексе восприятия коррупции организации «Transparency International» за 2010 г. Ливия получила крайне низкий показатель — 2,2 балла [Corruption Perceptions...].

Несмотря на предоставляемые возможности, актуальными оставались проблемы молодежи Ливии. Молодежь не желала трудиться на непрестижных и низкооплачиваемых работах, и эти рабочие места заполнялись мигрантами из других стран. В результате процент безработицы среди молодежи оставался достаточно высоким, что провоцировало социальное недовольство, рост неудовлетворенности вследствие маргинализации в политических процессах, коррупции, информационной «закрытостью» страны на фоне растущего скепсиса в отношении идеологии, продвигаемой политическим руководством, волюнтаризмом со стороны силовых структур.

На начало 2011 г. уровень безработицы достигал 30 % [Циткилов]. Однако особенностью положения было то, что в Ливии не ощущалась нехватка рабочих мест, но граждане страны, в первую очередь молодые люди, стремились получить «престижную» и высокооплачиваемую работу, на которой было бы востребовано полученное ими высшее образование. «Непрестижные» вакансии заполнялись трудовыми мигрантами, которые были также недовольны своим ущемленным положением, отсутствием прав и социальных гарантий.

Резко выросли темпы инфляции. Если в 2004 г. уровень инфляции составил 2,2 %, то в 2008 г. он вырос до 10,4 %, причем в основном рост цен произошел на импортные товары, особенно продукты питания [Егорин: 7].

Все еще актуальной оставалась проблема радикального ислама. Выходцы из Ливии участвовали в террористической деятельности «Аль-Каида» еще в 1980—1990-е гг. В 1995 г. в Киренаике была создана Ливийская исламская боевая группа (ЛИБГ), которая объявила своей целью устранить М. Каддафи и учредить в Ливии исламское государство. ЛИБГ предпринимала попытки установить контакты с другими региональными экстремистскими группами. В период первого

правления Движения «Талибан» в Афганистане в 1996—2001 гг. около 1000 ливийских исламистов прошло подготовку, направленную для борьбы с режимом М. Каддафи [Reinares].

Жесткие меры, которые предпринимала Ливия в ответ на действия ЛИБГ, позволили снизить угрозу, исходящую от этой структуры. В результате в XXI в. исламисты осуществляли наиболее активную деятельность за пределами страны, в том числе в странах Северной Африки и Европы, занимаясь пропагандистской работой и сбором средств для «джихада» в Ливии. При крайне незначительной боевой активности, ЛИБГ, внесенная в список террористических организаций наравне с «Аль-Каидой», создавала так называемые «спящие ячейки», преимущественно располагавшиеся в Киренаике [Евсеев].

Киренаика оставалась наиболее проблемным регионом Ливии. Значительная часть племенной верхушки восточной части Ливии стремилась расширить свое влияние и даже вернуть власть, которую в результате переворота 1969 г. взял в свои руки выходец из сравнительно слабого племени Каддафа в западной части страны. Усложняло ситуацию то, что около 80 % нефтяных месторождений Ливии расположены на востоке. Там же находились четыре из пяти нефтеперерабатывающих заводов и пять из шести нефтеналивных терминалов для танкеров. И хотя на этих территориях проживает, по различным данным, от 20 до 30 % населения страны, местные племена и, прежде всего, племенная элита были отчуждены от политической власти и в определенной мере от распределения нефтяных доходов [Подцероб 2012, Берг; Подцероб 2011].

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Политическая и социально-экономическая ситуация в Ливии в период 2002—2010 гг. была неоднозначной. На фоне внешней стабильности и благополучия оставались перманентные факторы деструктивного характера, которые политическому руководству страны преодолеть так и не удалось.

С одной стороны, Ливия получала высокие доходы от экспорта энерго-ресурсов, которые позволяли проводить сильную социальную политику и поддерживать относительно высокий уровень жизни населения, привлекая на низкооплачиваемые и «непрестижные» работы трудовых мигрантов из других стран. М. Каддафи удерживал практически всю полноту власти, широко используя финансовые и военные преференции, играя на сохранявшихся межплеменных противоречиях и не допуская появления политической оппозиции.

С другой стороны, Ливия оставалась фактически разделенной на три региона, Триполитанию, Феццан и Киренаику. Наиболее сильными оставались противоречия между Триполитанией и Киренаикой. Выходец одного из племен западной части страны, М. Каддафи сделал ставку на племена Триполитании и, в определенной степени, Феццана. Племена Киренайки, прежде всего племя Хараби, выходец которого был королем Ливии до М. Каддафи, были маргинализированы с политической и экономической точки зрения, при том что именно в восточной части страны располагались крупнейшие нефтяные месторождения. В Киренаике находили убежище представители радикальной исламистской организации ЛИБГ.

Проводимые М. Каддафи политические и экономические реформы не вносили структурных изменений в сложившуюся политическую систему или экономику страны. В этих условиях некоторая либерализация политической и экономической жизни не решала накопившихся проблем политико-экономического характера, проблемы трайбализма и регионализма.

Список литературы / References

- Берг И.С. Роль племен в ливийских событиях: мнения экспертов 02.09.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13198> (дата обращения: 25.12.2022).
(Berg I.S. The role of tribes in Libyan events: expert opinions 02.09.2011. — In Russ.)
- Видясова М.В. Исторические предпосылки современного ливийского кризиса // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-sovremennogo-liviyskogo-krizisa> (дата обращения: 23.12.2022).
(Vidyasova M.V. Historical background of the modern Libyan crisis, *Bulletin of Moscow University, episode 13: Oriental Studies*, 2016. — In Russ.)
- Вилков А.А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, № 1. С. 53—59.
(Vilkov A.A. Tribal and religious factor in the technologies of modern “color revolutions” (using the example of Libya), *Journal “Izvestia of the Saratov University. New episode. Series: sociology. Political science”*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 53—59. — In Russ.)
- Евсеев В.В. Ливийский кризис и его влияние на нефтяной рынок // Геоэкономика энергетики. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liviyskiy-krizis-i-ego-vliyanie-na-neftyanoy-rynok> (дата обращения: 27.12.2022).
(Evseev V.V. The Libyan crisis and its impact on the oil market, *Geoeconomics of Energy*, 2020. — In Russ.)
- Егорин А.З. Каддафи. Хроника убийства. М.: Алгоритм, 2013. 368 с.
(Egorin A.Z. Gaddafi. Chronicle of a Murder, Moscow, 2013, 368 p. — In Russ.)
- Записка Председателя Совета Безопасности S/2012/163 // СБ ООН 20.03.2012. URL: <https://www.undocs.org/ru/S/2012/163> (дата обращения: 20.12.2022).
(Note by the President of the Security Council S/2012/163, *UN Security Council* 20.03.2012. — In Russ.)
- Каддафи М. Зеленая книга. URL: <https://biblioteka-online.info/book/zelenaya-kniga/reader/> (дата обращения: 20.12.2022).
(Gaddafi M. Green Book. — In Russ.)
- Касаев Э.О. Внешнеэкономическая политика Ливии 12.07.2009. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8984> (дата обращения: 25.12.2022).
(Kasaev E.O. Foreign economic policy of Libya 12.07.2019. — In Russ.)
- Касаев Э.О. К вопросу о современной инвестиционной политике Ливии 26.05.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10728> (дата обращения: 20.12.2022).
(Kasaev E.O. On the issue of modern investment policy in Libya 26.05.2010. — In Russ.)
- Куделев В.В. Ситуация в Ливии: март 2007. 17.04.2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5682> (дата обращения: 27.12.2022).
(Kudelev V.V. The situation in Libya: March 2007. — In Russ.)
- Куделев В.В. Ситуация в Ливии: октябрь 2008 г. 31.10.2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7677> (дата обращения: 25.12.2022).
(Kudelev V.V. The situation in Libya: October 2008. 31.10.2008. — In Russ.)
- Ливия — ВВП. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/libya/gdp> (дата обращения: 23.12.2022).
(Libya — GDP. — In Russ.)
- Подцероб А.Б. Каддафи, каким я его знал 16.11.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13644> (дата обращения: 11.12.2022).
(Podtserob A.B. Gaddafi as I knew him 16.11.2011. — In Russ.)
- Подцероб А.Б. Ливия полгода спустя... 06.04.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14524> (дата обращения: 23.12.2022).
(Podtserob A.B. Libya six months later... 06.04.2012. — In Russ.)

- Циткилов П.Я. Россия и уроки ливийской трагедии. // Социально-гуманитарные знания, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-uroki-liviyskoj-tragedii> (дата обращения: 25.12.2022).
- (Tsitkilov P.Ya. Russia and the lessons of the Libyan tragedy. // Social and humanitarian knowledge, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-uroki-liviyskoj-tragedii> — In Russ.)
- Bertelsmann Stiftung, BTI 2010 — Libya Country Report, *Bertelsmann Stiftung*. URL: <https://www.ilo.org/dyn/travail/docs/2073/BTI%202010%20Libya%20Country%20Report.pdf> (accessed: 20.12.2022).
- Blanchard C. Libya: Background and U.S. Relations, *Congressional Research Service August 6*, 2008. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20080806_RL33142_a104540d407f06c2b58ec9cd8f7673f06f9b8327.pdf (accessed: 23.12.2022).
- Chami R. Libya beyond the Revolution: Challenged and Opportunities, *International Monetary Fund*, 2012. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/dp/2012/1201mcd.pdf> (accessed: 27.12.2022).
- Corruption Perceptions Index 2010, *Transparency International*. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2010> (accessed: 25.12.2022).
- Divided We Stand: Libya's Enduring Conflicts, *International Crisis Group Middle East North Africa Report*, no. 130, 14.09.2012. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/libya/divided-we-stand-libya-s-enduring-conflicts> (accessed: 23.12.2022).
- From Inherited Wealth to Productive Economy Planning for Development in Post-Civil War Libya, *African Development Bank*, 2013. URL: <https://goo.su/FuuKoUE> (accessed: 23.12.2022).
- Human Development Report, 2010, *United Nations*. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf (accessed: 27.12.2022).
- Libya Financial Sector Review, *World Bank Group*, February 2020. URL: <https://goo.su/4YjP7> (accessed: 25.12.2022).
- Management Information Report, *Libyan Investment Authority*, 30 June 2010. URL: <https://cdn.globalwitness.org/archive/files/lia.pdf> (accessed: 23.12.2022).
- Porter M., Schwab K. The Global Competitiveness Report 2008—2009, *World Economic Forum 04.03.2008*. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2008-2009> (accessed: 27.12.2022).
- Reinares F. The Evidence of Al-Qa`ida's Role in the 2004 Madrid Attack, *Combating Terrorism Center at West Point*, March 2012, vol. 5, iss. 3. URL: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2012/04/CTCSentinel-Vol5Iss35.pdf> (accessed: 23.12.2022).
- The World Bank World Development Indicators — Libya. URL: <https://goo.su/jTqVr> (accessed: 25.12.2022).
- Vandewalle D. Libya: Post-War Challenges, *African Development Bank*, 2011. URL: <https://goo.su/q7CD6Et> (accessed: 27.12.2022).

POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN LIBYA IN THE PRE-WAR PERIOD 2002—2010

Alim M. Abidulin, Mikhail V. Dronov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation,
 abidulin@imomi.unn.ru, giraffa@yandex.ru

Abstract. The article describes the socio-geographical situation in 2002. The following is a description of the process and reforms designed to give impetus to economic growth and integrate the Libyan economy into the world economy. The ambiguity of the political and socio-economic situation in the country in 2002—2010 is clearly shown. The authors demonstrate how, against the background of external stability, there remained permanent factors of a destructive

nature. The article presents in detail that, on the one hand, Libya received high incomes from energy exports, which made it possible to implement a strong social policy and maintain a relatively high standard of living for the population. A solution to the problems of youth employment is given by attracting labor migrants from other countries to low-paid jobs. The authors also describe how Gaddafi maintained power by making extensive use of financial and military preferences, playing on inter-tribal contradictions and preventing the emergence of opposition. In addition, negative factors existing in the country are presented. Libya remained virtually divided into three regions, Tripolitania, Fezzan and Cyrenaica having rather tense relations with each other. It is especially true about relations between Tripolitania and Cyrenaica. The tribes of Cyrenaica were disadvantaged politically and economically. At the same time, the country's largest oil fields were located in the eastern part of the country. The article examines the formation in Cyrenaica of the radical Islamist organization LIFG, which declared its goal to eliminate Gaddafi and establish an Islamic state in Libya. Conclusions about the political and socio-economic situation in Libya in the pre-war period are presented.

Keywords: Hybrid war, Arab Spring, war in Libya, NATO intervention, Muammar Gaddafi

For citation: Abidulin A.M., Dronov M.V. Political and Socio-Economic Situation in Libya in the Pre-War Period 2002—2010, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 98—106.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted to the editorial office 21.03.2024; approved after review 06.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru

Abidulin Alim Maratovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abidulin@imomi.unn.ru

Дронов Михаил Владимирович — аспирант кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, giraffa@yandex.ru

Dronov Mikhail Vladimirovich — Postgraduate Student at the Department of Oriental Languages and Linguoculturology, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, giraffa@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 107—116.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 107—116.

Научная статья

УДК 069.02:93/99(569.4)

DOI: 10.46726/И.2024.5.12

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ЭНЕРГИЯ МУЖЕСТВА» В ХАДЕРЕ

Анастасия Павловна Анисимова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

withluvprod@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о военно-историческом музее «Энергия мужества» в г. Хадера — одном из наиболее успешных культурных и просветительских проектов репатриантов из стран постсоветского пространства периода «Большой алии» (т. е. конца XX — начала XXI в.), реализованных в Государстве Израиль. При разработке вопроса применены методы личностного, деятельностного, культурологического и историко-сравнительного подходов. Сделан вывод о том, что появление музея «Энергия мужества» отражало процесс неприятия частью советских и постсоветских репатриантов недостаточного внимания в Израиле к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Кроме того, их не устраивало то, что трагедия Холокоста с ее миллионами убитых, покалеченных и униженных заслонила образ еврея-воина, еврея-героя. К созданию музея в Хадере русскоязычных репатриантов подтолкнуло также весьма пренебрежительное отношение части израильтян к новым переселенцам из СССР, России и других постсоветских стран. Они видели в новых гражданах, прежде всего, потомков европейских евреев — жертв Холокоста, которые без сопротивления и борьбы позволяли себя убивать. Себя же они считали гордыми «сабрами», всегда готовыми дать отпор любому противнику. Автор статьи подчеркивает, что в изменении сложившегося положения, восстановления исторической правды и установления связи между поколениями репатриантов из СССР, между переселенцами и коренными израильтянами центральную роль играл и играет потомок офицера, погибшего на Великой Отечественной войне, подполковник советской армии в отставке, профессиональный музейный работник Давид Зельвенский. Именно он инициировал создание военно-исторического музея «Энергия мужества» и создал его концепцию. В настоящее время этот проект занял прочное место в музейном пространстве Израиля, получил широкое международное признание и играет заметную роль в международном культурно-просветительском диалоге.

Ключевые слова: Государство Израиль, репатрианты, военно-исторический музей «Энергия мужества», еврей-воины, Давид Зельвенский

Для цитирования: Анисимова А.П. Военно-исторический музей «Энергия мужества» в Хадере // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 107—116.

Представленная статья посвящена израильскому военно-историческому музею «Энергия мужества» в г. Хадера — одному из наиболее удачных культурно-просветительских проектов русскоязычных репатриантов периода т. н. «Большой алии» (т. е. конца XX — начала XXI в.). Отметим, что добиться признания этой инициативе было совсем не просто — Израиль входит в двадцатку стран с наибольшим количеством музеев на миллион жителей. По данным

ЮНЕСКО на 2020 г., здесь на 8,84 млн человек приходилось 226 подобных учреждений [Museums...: 26].

При изучении музейных проектов необходимо учитывать существенные изменения в понимании места и роли музеев в социокультурном пространстве, которое произошло на рубеже XX—XXI столетий. Если раньше в музеях обычно видели хранилища исторических памятников, то в настоящее время их воспринимают прежде всего как многопрофильные образовательные и научные центры [Шляхтина: 160; (подр. см.: [Акулич])]. Такой подход существенно расширяет исследовательское поле. Теперь, в частности, историю музеев стало возможным изучать в контексте культурного развития отдельных народов или межгосударственного диалога в сфере культуры.

Объектом настоящей работы выступают творческие и частные инициативы русскоязычных репатриантов в Государстве Израиль, предметом — военно-исторический музей «Энергия мужества» в г. Хадера. Для достижения заявленной цели применялись личностный, деятельностный, культурологический и историко-сравнительный методы. Первый акцентирует внимание сначала на личности и только затем на социальной группе, к которой относится изучаемая персона. Деятельностный подход позволил не только выявить новые грани в работе музейщиков Государства Израиль или людей, связанных с ними, но и на примере их взаимоотношений показать размежевание на «своих» и «чужих». Культурологический подход помог, во-первых, разобраться, почему в одной группе «чужие» «не понимают» и «не слышат» ключевых аксиом, которые бесспорны для «своих», и, во-вторых, лучше понять побудительные мотивы поступков как отдельных лиц, так и объединений, связанных с музейным делом в Израиле. Историко-сравнительный метод позволил выявить причины востребованности концепции военно-исторического музея «Энергия мужества» на фоне других израильских музеев.

В представленной статье термин «русскоязычный еврей» синонимичен термину «русский еврей», поскольку речь идет о выходцах с территорий СССР, находившихся в поле сильного (подчас определяющего) влияния русского языка и русской культуры.

К военно-историческому музею «Энергия мужества» с момента его рождения был проявлен значительный общественный и журналистский интерес [Музей «Энергия мужества»...], который быстро перерос в научный. В результате к настоящему времени сложилась небольшая историография о музее в Хадере. Среди авторов, писавших о нем, выделяется выпускник исторического факультета Ивановского государственного университета, научный сотрудник рассматриваемого музея и член Ассоциации историков «Арсенал» Григорий Рейхман. Этот исследователь своими трудами заслужил признание как руководителя «Энергии мужества», так и профессионального исторического сообщества [Стрелец 2017а; Стрелец 2017б].

Публикации Г. Рейхмана о проектах «Энергии мужества» — это большей частью доклады на научных конференциях разного уровня или обзорные статьи [Зельвенский; Память и время...]. В их ряду выделяются сообщения Г. Рейхмана об одной из наиболее удачных инициатив военно-исторического музея — мультимедийной выставке «На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Опыт коллективного портрета» [Рейхман 2014; Рейхман 2016]. Пристальное внимание Рейхмана именно к данному проекту не случайно. Хадерский музей совместно с израильской Музейной комиссией Центрального совета Союза ветеранов Второй мировой войны — борцов с нацизмом,

высоко оценивая многосторонние таланты этого научного сотрудника, именно ему поручил пропаганду экспозиции «На линии огня» в Израиле и за рубежом [Стрелец 2017b].

Признавая вклад Рейхмана в распространение знаний о военно-историческом музее «Энергия мужества», заметим, что многие вопросы его истории остаются все еще малоизученными и малознакомыми российскому читателю. Частично восполнить лагуну призвана настоящая статья. *Ее цель* — показать историю рождения и развития военно-исторического музея «Энергия мужества» в Хадере в контексте реализации творческих инициатив представителями русскоязычной общины Государства Израиль.

Основанием статьи стали разнообразные источники, содержащие факты о музее «Энергия мужества» в Хадере. Это интервью, кино-фото-фоно документы, репортажи журналистов, видео-лекции и т. д. Большая часть из них выявлена на пространствах интернета. К этим источникам примыкают публикации научных докладов и лекции (включая видео-лекции) руководителей музейных центров или работающих там специалистов.

Отцом-основателем военно-исторического музея «Энергия мужества» в г. Хадера стал Давид Зельвенский (род. 1930 г.) — подполковник советской армии в запасе, сын офицера, погибшего при освобождении Харькова, историк, автор книг по военной символике (знаменам и наградам) и боевым традициям Вооруженных сил России и СССР, преподаватель Томского высшего военного училища связи и Томского государственного университета [Розен]. Не меньшую известность этот талантливый интеллигент приобрел в СССР как музейный работник. В разные годы Д. Зельвенский, считающий себя «представителем русской музейной школы» [Зельвенский], участвовал в 17 крупных музейных проектах, создал музей 14-й армии, руководил отделом Музея воинской славы Молдавии, работал в Санкт-Петербургском артиллерийском музее в Кронверке Петропавловской крепости. В 1994 г. Д. Зельвенский репатриировался в Израиль [Память и время...], где, не распаковав весь багаж, начал изучать местные музеи. Увиденное поразило его. Свои впечатления он описал И. Авреху такими словами: «Когда мы в 1994 году приехали в Израиль, ... я был очарован и шокирован. Очарован еврейскими солдатами и героями израильских войн, и шокирован тем фактом, что здесь ни в одном музее нет должного свидетельства об участии евреев в боях против нацистов. <...> А где еврейское мужество, где многовековая традиция защищать свой народ?!» (цит. по: [Аврех]).

К испытанному эмоциональному шоку от первой встречи с музейной действительностью Израиля Зельвенский будет возвращаться неоднократно. Например, писателю и журналисту, последнему редактору правоцентристской газеты «Русский израильтянин» Петру Люкимсону он говорил: «Я пришел в “Яд ва-Шем” (мемориал Катастрофы и Героизма в Иерусалиме, посвященный трагедии Холокоста. — А. А.), зная, что именно в этот музей водят иностранных гостей. Вышел с ощущением полного мрака на душе. Да, Катастрофа — это наша национальная боль, но после этого музея просто хочется выть: выходит, нас били, бьют и будут бить... И нам не на что рассчитывать, кроме как на милосердие со стороны других народов. <...> Да разве ж так можно?! Потом поехал в музей “Лохамей ха-геттаот” — музей о еврейском героизме в гетто. Слов нет, замечательный музей, но о чем?! О мужестве обреченных. Дальше был музей диаспоры... Макеты, иллюстрации, ни одного живого, подлинного экспоната. Евреи — ученые, мистики, философы, писатели, но ничего не сказано о евреях-воинах» [Музей «Энергия мужества»...]. В Израиле, говорил

Зельвенский в другом интервью, «не было ни одного места, где можно было бы увидеть евреев, не убитых, растерзанных в Освенциме, а евреев-воинов, сражавшихся в регулярных армиях» [«Подлинное лицо...»], имело место «тотальное совершенно замалчивание темы Второй мировой войны и участия евреев в ней. Об Отечественной войне, о Красной армии вообще не шла речь» [Зельвенский]. Эти вопросы не поднимались «ни в школах, ни в школьных учебниках, ни в музеях» [Там же].

Сложившееся положение породило следующую ситуацию: у части израильтян возникло представление о двух группах евреев. Одна — это «мы» — «сабры» — «свободолюбивый, гордый народ», не дающий себя в обиду. Вторая — европейские евреи, жертвы Холокоста, которые всего боялись и шли «на казнь, как овцы», не помышляя о сопротивлении [«Подлинное лицо...»]. Во вторую группу «попадали» также репатрианты из СССР и других стран, прошедшие горнило Второй мировой войны. В интервью корреспонденту агентства Lenta.ru в марте 2015 г. Зельвенский с горечью говорил: «И когда они (еврей-ветераны Второй мировой войны. — А. А.) торопились на совещания и к праздничным дням надевали награды, то коренные израильтяне в своей массе считали, что это “цирк приехал”. У израильских военных за 5—6 войн какая-то ленточка, а то и ее нет, а тут от плеч да пояса все увешано металлом и эмалью: за что, почему?» [Там же].

Создавшееся положение многие репатрианты из СССР, особенно ветераны, принять не могли. Они помнили о подвигах тысяч евреев на фронтах Второй мировой войны.

Кстати, негативные мифы о евреях на войне имелись и в Советском Союзе (см., напр.: [Зельцер]), где официально проповедовался интернационализм и позже подчеркивался вклад всех народов в Победу 1945 года. Ярким примером этого являются следующие грустные строки поэта Бориса Слуцкого (1919—1986), прошедшего всю Великую Отечественную войну, получившего тяжелое ранение и дослужившегося до звания майора:

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.
Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.
<...>
Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.
Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!» [Слуцкий].

Сломать отмеченные представления о европейских евреях у части жителей как в Государстве Израиль, так и на постсоветском пространстве и попытался Давид Зельвенский. Еще одну задачу, которую он поставил — «показать израильтянам, что в основе современного Израиля не только и не столько

Катастрофа, сколько победа в войне с нацистской Германией 1945 года», которая, собственно, и «создала условия для образования еврейского государства: пресекла Катастрофу, подготовила почву для решений ООН» [«Подлинное лицо...»]. Зельвенский стремился также к тому, чтобы дать пример героя-еврея современным гражданам Израиля как страны воюющей, страны-гарнизона, в истории которой были и «свои Сталинграды, и свои Курски» [Зельвенский].

Для достижения поставленных целей Д. Зельвенский по репатриации в Израиль решает создать музей о евреях-воинах-победителях. К активности его подвигала надвигающаяся дата — 50-летие Победы над нацистской Германией, которая в Израиле впервые праздновалась на общенациональном уровне. К юбилею в стране «были выпущены специальные серии марок, издано несколько альбомов, но музея, рассказывающего о роли евреев во Второй мировой войне, в стране не было» [Музей «Энергия мужества»...].

Зельвенский, разработав концепцию музея, тратил на его создание практически все получаемые в Израиле средства. Отметим, что будущая экспозиция начала им формироваться еще до репатриации. Зельвенский «в течение тридцати лет тайно собирал свидетельства еврейского героизма» [Аврех], рискуя при этом служебной карьерой, поскольку в СССР акцентированное внимание к еврейской истории не поощрялось.

После переезда в Израиль большую поддержку в формировании будущей экспозиции музея новому репатрианту оказали потомки евреев-ветеранов. Они проявили большую активность особенно после обращения Зельвенского о помощи в эфире радио РЭКа (Israel Radio International), вещающего на иностранных языках [Музей «Энергия мужества...»]. Тогда же у Зельвенского появились помощники-волонтеры. В итоге за короткий срок всем участвовавшим в проекте удалось подготовить экспозицию будущего военно-исторического музея, основание которого составили «частные коллекции и семейные архивы участников Второй мировой войны» [Рейхман 2014: 302].

Зельвенский назвал созданный музей «Энергией мужества», что символизировало неразрывную связь поколений евреев-воинов, поскольку энергия вечна и переходила из поколения в поколение от библейских времен до современности [Музей «Энергия мужества...»]. Поэтому здесь переплетены исторические события и судьбы разных времен и стран. Материал музея о Хосе де Рибасе (Осипе (Иосифе) Михайловиче Дерibas) — адмирале русского флота и участнике штурма Измаила в 1791 г. соседствует с рассказом о трех еврейских полках армии Наполеона I, один из которых почти полностью погиб в битве при Ватерлоо [Натан]; раздел в экспозиции музея о Цви Гармати, который начал воевать в Польше в 1939 г., а в годы Великой Отечественной войны командовал партизанским отрядом, перекликается с информацией о военнослужащем армии обороны Израиля Алексее Нейкове, спасшем ценой жизни от удара террориста детей, перевозимых в автобусе в октябре 1998 г. [Аврех].

Открытие музея «Энергия мужества» состоялось в г. Хадера накануне 50-летия Дня Победы, 24 апреля 1995 г. На церемонии присутствовал первый посол РФ в Израиле, журналист и политолог Александр Бовин (1930—2004). Российский дипломат всегда поддерживал проект Д. Зельвенского, так как видел в нем «память о нашей общей судьбе», а «такая судьба скрепляет крепче родственной...» (цит. по: [Рейхман 2014: 303]).

В музее было оформлено несколько залов, тематически разделенных на выставочный, военной истории, Второй мировой, Великой Отечественной войны и Холокоста [Зельвенский 2021]. Здесь, по словам Г. Рейхмана, «экспонируются

поистине редкие реликвии: знамена, оружие, награды, форма, снаряжение, документы, фотографии и др.», центральное же «место «занимает тема: “Еврейское население СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945)”» (цит. по: [Стрелец 2017b]).

История Великой Отечественной войны раскрывается в «Энергии мужества» не только через постоянную экспозицию, но и через собранные музейщиками книги, мемуары и регулярно создаваемые тематические выставки, которых только с 1995 по 2006 гг. было более 20 и которые увидели посетители не только в Израиле, но и в Азербайджане, Белоруссии, Германии, Канаде, Латвии, России, США, на Украине и других странах [Рейхман 2014: 303]. В их ряду одним из наиболее удачных проектов стала мультимедийная выставка «На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Опыт коллективного портрета» [Там же: 302—305]. Экспозиция включала следующие стенды: «На линии огня», «Маршальский жезл» (о евреях — генералах и офицерах), «Тяжелое золото войны» (о Героях Советского Союза), «Сильнее брони» (о танкистах), «Когда боль стала оружием» (о Холокосте и еврейском Сопротивлении), «Они прокладывали путь к Победе» (о саперах), «Чтоб дойти до Победы» (о медиках) [Там же: 303].

Выставка «На линии огня» убедительно доказывала, что евреи являлись неотъемлемой частью мирового многонационального сообщества, разгромившего нацизм и его союзников в годы Второй мировой войны. Она рассказывала о том, что более 1,5 миллионов евреев сражались на ее фронтах, причем более 500 тыс. — в Красной армии. Тридцать две тысячи имели офицерские звания, а более 300 — звания генералов и адмиралов [Там же: 302]. За подвиги на полях Великой Отечественной войны 150 евреев удостоились звания Героя Советского Союза, а еще 14 стали полными кавалерами ордена Славы. Но не только на фронтах проявляли себя евреи. Материалы музея «Энергия мужества» свидетельствовали об огромном вкладе в Победу евреев, трудившихся в тылу. В годы Великой Отечественной войны 45 евреев возглавили крупные оборонные предприятия и Научно-исследовательские институты, 50-ти за работу в оборонной промышленности были присвоены генеральские звания, а еще 12 удостоились звания Героя Социалистического Труда [Там же: 302—303].

Помимо собственно музейной работы сотрудники «Энергии и мужества» активно ведут научные изыскания и просветительскую работу: выпускают журнал «Евреи в военных мундирах», тематические буклеты, участвуют в организации конференций, выступают с докладами [Зельвенский; Память и время...; Рейхман 2014; Рейхман 2016; Стрелец 2017а; Стрелец 2017b]. Музей стал заметным актором международного культурного и научного диалога. И здесь дело не ограничивается только участием в конференциях или организацией культурно-просветительских выставок. Музей инициировал немало проектов, которые объединили исследователей разных стран. Например, по выяснению обстоятельств казни в январе 1942 года в городе Мглине молодой еврейки-патриота Ципы Персовой, чей портрет находится в экспозиции музея [Рейхман 2016; «Брянские сюжеты...»] или в создании выставки о знаменитых евреях Бреста [Стрелец 2017b].

Военно-исторический музей Зельвенского, приобретая популярность и подражателей (комнаты и музеи боевой славы появились более чем в 50 городах Государства Израиль) [Зельвенский], решал главную задачу — выстраивал духовную связь между поколениями воинов-евреев от прошлого к настоящему. Решая эту задачу, сотрудники «Энергии мужества» особое внимание уделяли военнослужащим армии обороны Израиля и подросткам, посещающим музей.

Для них наилучшим результатом работы становились следующие записи в книге гостей: «Я постараюсь попасть в боевые части, буду делать все, как делали эти люди», «Теперь я горжусь, что я тоже еврей», «Я очень благодарен, что дали возможность гордиться собой и народом» (цит. по: [Музей «Энергия мужества»...; «Подлинное лицо...»]).

В израильских условиях музей Зельвенского отстаивает историческую правду о роли СССР в разгроме гитлеризма и японского милитаризма, что особенно значимо для сохранения в семьях репатриантов из СССР и постсоветских стран исторической памяти, для формирования у внуков и внучек гордости за своих дедушек и бабушек, воевавших на фронтах Второй мировой войны [Музей «Энергия мужества»...]. И еще одну задачу решал и решает музей. Он, по словам Зельвенского, «дал почувствовать русскоязычным репатриантам, что приехали они не с пустыми руками, что есть им чем гордиться, что за их плечами богатая история, которая нерасторжимо связана с историей еврейского народа...» [Там же]. Это чувство должно было помочь представителям «нашей алии», которые «почувствовали себя не в чужой стране, не эмигрантами, а, действительно, вернувшимися к себе на Родину» [Зельвенский].

Но не только у коренных и новых израильтян экспозиция «Энергии мужества» меняла представление о прошлом. Это касалось и части жителей постсоветских государств. Показательна запись поэта Евгения Евтушенко (1932—2017) в книге гостей: «Я писал о Бабьем Яре, о расстрелянных и задушенных евреях. Еврей в истории всегда представлялся гонимым, слабым. С ним не принято было ассоциировать такие качества, как стойкость и мужество. Увиденное и услышанное здесь перевернуло мои представления о еврейском народе» (цит. по: [Аврех]).

При всем признании деятельности военно-исторического музея «Энергия мужества» не все в его истории было и остается гладким. Совсем не случайно с 1995 по 2006 г. музей менял место положения семь (!) раз. Долгое время он ютился на площади 20 (!) кв. м. К 10-летию со дня создания музейщики получили ключи от помещения в 300 кв. м, но затем размеры музея вновь сократились [Музей «Энергия мужества»...]. Постоянные переезды нанесли ущерб части экспонатов, привели к прекращению работы кружка юных историков, «к которому так тянулись “русские” подростки». Причины неурядиц Зельвенский в 2005 г. объяснял так: «Все эти годы ощущалась огромная пропасть между чиновниками и работниками музея, непонимание значимости музея, хотя многие политические деятели посещали музей и выражали свое восхищение. Не признавать музей — это значит не признавать алию. Ведь в музее — ее коллективная память, ее традиции, ее достоинство» [Музей «Энергия мужества»...]. Но и через десять лет, как отмечал Зельвенский, проблема отношения «местных властей к истории неизраильской» сохранялась [«Подлинное лицо...»]. Одним из следствий такого положения стало отсутствие в музее сигнализации, что привело к его ограблению и утрате части экспонатов [Список утраченных артефактов].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Военно-исторический музей «Энергия мужества» в г. Хадере можно считать одним из наиболее удачных проектов в Государстве Израиль, инициированных репатриантами из стран постсоветского пространства т. н. «Большой алии» (конец XX — начало XXI в.). Причем его рождение имело свои особенности. Многие репатрианты, воспитанные в Советском Союзе на истории Великой Отечественной войны, не могли принять того факта, что в Израиле на нее особого внимания не обращалось. Кроме того, многие переселенцы из СССР,

России и постсоветских стран, хорошо зная о героизме тысяч евреев, разгромивших в рядах Красной армии вместе с другими народами Третий рейх и его союзников, с трудом воспринимали образ европейского еврея периода Второй мировой войны как безвольной жертвы, безропотно принимавшей смерть. Особенно сложно это было сделать репатриантам-ветеранам Великой Отечественной войны и их детям. Создавшееся положение порождало серьезную проблему — угрозу раскола в израильском обществе как между новыми репатриантами и коренными жителями, так и между поколениями переселенцев. Часть жителей Государства Израиль в условиях замалчивания темы Второй мировой войны отделяла себя от новых репатриантов на следующем основании: переселенцы — это потомки жертв Катастрофы, которые не проявляли воли к сопротивлению нацистам и их сообщникам, коренные же израильтяне — это гордые «сабры», всегда готовые дать отпор любому посягающему на жизнь и достоинство евреев.

Изменить положение и решился Давид Зельвенский — сын погибшего при освобождении Харькова офицера, подполковник советской армии в отставке, профессиональный музейный работник. После переезда в Израиль он, при участии многих репатриантов, создал в г. Хадера музей «Энергия мужества», экспозиция которого создает образ еврея-воина-победителя. Музей акцентирует внимание на подвигах евреев с древнейших времен до современности, воспитывает у израильтян чувство патриотизма, что в геополитических условиях существования еврейского государства имеет, пожалуй, жизненно важное значение. Одной из ведущих тем «Энергии мужества» стали Вторая мировая и Великая Отечественная война. В целом музей Д. Зельвенского способствует не только восстановлению исторической правды, но и помогает в установлении связи между разными поколениями репатриантов из СССР, между переселенцами и коренными израильтянами. Не случайно заслуги его организатора были отмечены многими наградами. В частности, золотой «Медалью Почета США» и международной «Медалью Спасения». Правда, при всем благородстве и значимости проекта Д. Зельвенского, как показывает история музея, не все в Израиле полностью принимают проект. Не случайно военно-исторический музей «Энергия мужества» с трудом получал помещения, неоднократно переезжал и даже был ограблен.

Список источников

- Аврех И. Энергия мужества. URL: <https://goo.su/csJoZU> (дата обращения: 14.12.2023).
Музей «Энергия мужества» в очерках журналистов: электронный сб. газетных публикаций / сост. С. Розен. URL: <https://proza.ru/2015/04/11/275> (дата обращения: 06.01.2023).
Натан Ф.Б. Энергия нашего мужества. URL: http://www.informprostranstvo.ru/N02_2009/pamt.html (дата обращения: 12.01.2023).
«Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX века на российское общество»: лекция в Новороссийском музее-заповеднике. URL: <https://novomuseum.ru/muzey/novosti/464-pamyat-i-vremya-vliyanie-vojn-i-vooruzhennykh-konfliktov-xx-veka-na-rossijskoe-obshchestvo.html> (дата обращения: 10.01.2024).
«Подлинное лицо еврейского народа»: интервью с основателем музея еврейского военного наследия «Энергия мужества» Давидом Зельвенским // Lenta.ru. 2015. 7 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/06/zelvenski/> (дата обращения: 06.01.2023).
Розен С. К юбилею военного историка Давида Зельвенского // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2015/02/23/1195> (дата обращения: 12.01.2024).
Слущкий Б. Про евреев: стих // РуСтих: стихи классиков: электронный сб. URL: <https://rustih.ru/boris-sluckij-pro-evreev/> (дата обращения: 15.02.2023).

- Список утраченных артефактов: электронный сб. / сост. С. Розен. URL: <https://proza.ru/2017/06/24/1721> (дата обращения: 06.01.2023).
- Стрелец М.В. Хранитель памяти Григорий Рейхман // Мишпоха: Международный еврейский журнал. 2017b. URL: <https://mishpocha.org/redaktionnyj-podvalchik/138-khranitel-pamyati-grigorij-rejkhman> (дата обращения: 12.01.2024).
- Museums around the world in the face of COVID-19: UNESCO report. 2020. May. 31 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373530> (accessed: 12.12.2023).

Список литературы / References

- Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2004. 52 с.
(Akulich E.M. Museum as a socio-cultural institution: abstract of the dis. ...Doctor of Sciences (Sociology), T'umen, 2004, 52 p. — In Russ.)
- Зельвенский Д. Музей «Энергия мужества» в Хадере // Крейзеровские чтения: материалы онлайн-конференции, Ашдод, 5 дек. 2021 г. URL: <https://disk.yandex.ru/i/tYrvhumY22hOgA> (дата обращения: 07.01.2023).
(Zelvensky D. Museum "Energy of Courage" in Hadera, *Kreizerovskie readings: materials of the online conference, Ashdod, December 5, 2021.* — In Russ.)
- Зельцер А. Еврейское самосознание евреев-солдат и офицеров Красной Армии // Крейзеровские чтения: материалы онлайн-конференции, Ашдод, 5 дек. 2021 г. URL: <https://disk.yandex.ru/i/1ZXaus9jYgWV2Q> (дата обращения: 06.01.2023).
(Zeltser A. Jewish self-awareness of Jewish soldiers and officers of the Red Army, *Kreizerovskie readings: materials of the online conference, Ashdod, December 5, 2021.* — In Russ.)
- Рейхман Г. На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Опыт коллективного портрета // Победа — одна на всех: материалы Международной науч.-практ. конференции, Витебск, 24 апр. 2014 г. Витебск, 2014. С. 302—305.
(Reichman G. On the Line of Fire. Jews of the USSR during the Great Patriotic War of 1941—1945. An Experiment in a Collective Portrait, *Victory — One for All: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, April 24, 2014, Vitebsk, 2014, pp. 302—305.* — In Russ.)
- Рейхман Г. Сохранение памяти о воинах-евреях Второй мировой войны: из опыта работы военно-исторического музея «Энергия мужества» (Хадера, Израиль) // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов на российское общество: Международная научная конференция, Новороссийск, 12—15 сент. 2016 г.: сб. ст. Пенза, 2016. С. 353—360.
(Reichman G. Preserving the Memory of Jewish Soldiers of World War II: From the Experience of the Military History Museum “Energy of Courage” (Hadera, Israel), *Memory and Time: The Impact of Wars and Armed Conflicts on Russian Society: International Scientific Conference, Novorossiysk, September 12—15, 2016: collection of articles, Penza, 2016, pp. 353—360.* — In Russ.)
- Рейхман Г. «Брянские сюжеты» о Холокосте и героизме в израильской русскоязычной прессе // Виртуальный музей Великой Отечественной войны на Брянщине: материалы, представленные Т.Г. Жуковой. URL: <https://goo.su/mMXhA> (дата обращения: 12.01.2024).
(Reichman G. “Bryansk stories” about the Holocaust and heroism in the Israeli Russian-language press, *Virtual Museum of the Great Patriotic War in Bryansk region: materials presented by T.G. Zhukova.* — In Russ.)
- Стрелец М.В. Григорий Рейхман: пропагандист исторических знаний // Наука. Общество. Оборона. 2017а. № 1 (10) <https://www.noo-journal.ru/vak/2017-1-10/article-0101/> (дата обращения: 12.02.2023).
(Strelets M.V. Grigory Reikhman: Propagandist of Historical Knowledge, *Science. Society. Defense, 2017a, no. 1.* — In Russ.)

Шляхтина Л.М. Образовательная функция музея в современных условиях // *Studia Culturalae*. 2006. № 9. С. 160—172.

(Shlyakhtina L.M. Educational function of the museum in modern conditions, *Studia Culturalae*, 2006, no. 9, pp. 160—172. — In Russ.)

MILITARY-HISTORICAL MUSEUM “ENERGY OF COURAGE” IN HADERA

Anastasia P. Anisimova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, withluvprod@gmail.com

Abstract. The article discusses the military history museum “Energy of Courage” in Hadera, one of the most successful cultural and educational projects of repatriates from the post-Soviet countries during the “Great Aliyah” period (i. e. the end of the 20th — beginning of the 21st century) implemented in the State of Israel. In developing the issue, the methods of personal, activity, cultural and historical-comparative approaches were used. It is concluded that the emergence of the “Energy of Courage” museum reflected the process of rejection by some Soviet and post-Soviet repatriates of the insufficient attention in Israel to the history of World War II and the Great Patriotic War. In addition, they were not satisfied with the fact that the tragedy of the Holocaust with its millions of killed, maimed and humiliated obscured the image of a Jewish warrior, a Jewish hero. The creation of the museum in Hadera was also prompted by the rather dismissive attitude of some Israelis towards new immigrants from the USSR, Russia and other post-Soviet countries. They saw the new citizens, first of all, as descendants of European Jews — victims of the Holocaust, who allowed themselves to be killed without resistance or struggle. They considered themselves proud “sabras” who are always ready to fight back any enemy. The authors emphasize that a descendant of an officer who died in the Great Patriotic War, a retired lieutenant colonel of the Soviet army, a professional museum worker David Zelvensky has played the central role in changing the current situation, restoring the historical truth and establishing a connection between generations of immigrants from the USSR, between immigrants and native Israelis. It was he who initiated the creation of the military-historical museum “Energy of Courage” and created its concept. Currently, this project has taken a prominent place in the Israeli museum space, has received wide international recognition and plays a great role in the international cultural and educational dialogue.

Keywords: State of Israel, repatriates, military-historical museum “Energy of Courage”, Jewish warriors, David Zelvensky

For citation: Anisimova A.P. Military History Museum “Energy of Courage” in Hadera, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 107—116.

Статья поступила в редакцию 04.08.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted to the editorial office 04.08.2024; approved after review 06.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Анисимова Анастасия Павловна — преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, withluvprod@gmail.com

Anisimova Anastasia Pavlovna — lecturer of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, withluvprod@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 117—126.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 117—126.

Научная статья

УДК 364.2:94(71)“1914/18”

DOI: 10.46726/И.2024.5.13

ТЕЛЕФОНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аркадий Владимирович Степанов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

pastenovas@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные аспекты процесса телефонизации городского среднего класса России в 1900—1910-е гг. Обозначены главные препятствия на пути развития сетей связи. Изучается динамика численности абонентов телефонных сетей в Петербурге, Москве и ряде провинциальных городов. Отмечен выраженный рост темпов этого процесса в канун Первой мировой войны, особенно заметный в столицах империи. Исследуется степень телефонизации среднего класса и отдельных его слоев — государственных служащих, «лиц свободных профессий», коммерсантов. Подчеркивается демократизация телефонии на рубеже 1910-х гг., проявляющаяся в ее проникновении в коммерческие предприятия, ориентированные на небогатых клиентов. Автор утверждает, что оценивать степень телефонизации российских городов начала XX в., относя число абонентов ко всему их населению, будет неисторично; справедливо сравнивать число абонентов только с численностью среднего класса — потенциальных пользователей электросвязи.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, средний класс, телефонная связь

Для цитирования: Степанов А.В. Телефонизация городского среднего класса России начала XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 117—126.

Дореволюционный этап развития телефонной связи в России не обойден вниманием современных историков. В частности, здесь можно отметить диссертации Л.Г. Авруха (2004), М.С. Высокова, К.С. Криворученко (обе — 2005), а также работы А.В. Островского (2009, 2012). При всех различиях этих исследований их объединяет нечто общее. Авторы смотрят на ход телефонизации преимущественно глазами людей, занимавшихся ее проведением: статистиков из правлений телефонных компаний. Такую точку зрения историкам невольно навязывают изучаемые ими делопроизводственные документы. В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на этот процесс «антропоцентрически»: воссоздать социальный портрет потребителя услуг электросвязи. Для этого мы используем простейшие методы подсчета, опираясь на материалы справочных изданий 1901—1916 гг.

Телефон пришел в Россию в 1880-е гг. Однако в первые 15—20 лет его сеть развивалась медленно. Основной причиной была дороговизна услуги: 250 руб. в год с одного абонента в Петербурге и Москве, 150 руб. в Варшаве, Одессе, Риге, Лодзи, Ростове-на-Дону [МВД: 207]. Неудивительно, что к 1898 г. в России имелось лишь 21,5 тыс. телефонных абонентов, почти четверть из которых (5,2 тыс.)

© Степанов А.В., 2024

проживала в Петербурге и Москве [Россия...: 371]. Иными словами, тогда даже в столицах за год прибавлялось не более чем по 350 аппаратов.

Далеко не все россияне встретили телефон с энтузиазмом, причем нередко по иррациональным мотивам. Иные стародумы из мира дворянской аристократии видели в нем не более чем игрушку; другие считали неподобающим для себя «подбегать к аппарату по звонку», словно лакею. Творческая элита Серебряного века также не спешила обзавестись технической диковинкой. Например, в 1913 г. телефонов ещё не имели такие столичные знаменитости, как А. Блок, В. Иванов, А. Куприн, А. Кони. Впрочем, принадлежавшие к тому же кругу петербуржцев В. Короленко и Д. Мережковский уже стали абонентами городской телефонной сети (ГТС) [Весь Петербург 1913].

Приверженцы консервативных взглядов из простого люда подчас чурались телефона словно нечистой силы. Так, нижегородский предприниматель Н.А. Бугров в разговоре с М. Горьким (1901 г.) сетовал, что один из его артельщиков, «умный парень, грамотей, до сего дня, к телефону подходя, крестится, а поговорив, руки мылом моет» [Горький: 223]. Предрассудками руководствовались не только грамотеи-артельщики, но подчас и более ученые верующие. Как мы установили, в 1910 г. в Казани ни один из 35 профессоров и преподавателей местной духовной академии и духовной семинарии, а также никто из 11 протоиереев не имел телефона [Вся Казань]. Впрочем, в столице это отторжение уже переставало действовать: из 20 профессоров Петербургской духовной академии абонентами ГТС к 1913 г. стали шестеро [Весь Петербург 1913].

Пользоваться телефоном на рубеже XIX—XX веков было непросто. Так, в справочнике Иваново-Вознесенска (1912 г.) описание процедуры звонка занимало почти целую страницу и включало 8 пунктов [Список абонентов ... в гор. Иваново-Вознесенске: 3]. Справочник Омска (1915) предписывал абоненту «в столовых аппаратах непременно прижать плотно пружину, находящуюся на ручкоятке микро-телефона, в противном случае разговоры не будут слышны» [Список абонентов Омской...: 1]. «Столовыми» здесь названы настольные телефоны, видимо, отличавшиеся конструкцией от настенных. Справочники неизменно указывали, что во время грозы телефонная связь прекращается, и убедительно просили не допускать к аппаратам «лиц в нетрезвом состоянии».

Не были редкостью ошибки соединения, почти неизбежные при ручной коммутации. Они давали благодатный материал тогдашним фельетонистам. Например, в журнале «Сатирикон» [Сатирикон: 3] опубликован такой якобы телефонный разговор: «Барышня, дайте № 59-99, “Новое время”. Что? Это Охранное отделение? Я же просил “Новое время”! Впрочем, всё равно... Пусть кто-нибудь подойдёт!» Намек на близость газеты с «Охранкой» вышел весьма изящным. Ради точности укажем настоящий телефон редакции «Нового времени»: 3-84. Столичное «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка» имело номер 50-23.

Даже после снижения тарифов в начале 1900-х гг. связь оставалась дорогой. Например, в Петербурге в 1913 г. год использования телефона обходился в 49,5 руб. [Весь Петербург 1913: 13], в Москве в 1916 г. — в 63,2 руб. [Список абонентов Московской...: XI], в Омске в 1915 г. — в 72 руб. [Список абонентов Омской...: 4], а в Астрахани в 1911 г. — и вовсе в 75 руб. [Вся Астрахань...: 136]. Разговор по городскому таксофону в Иваново-Вознесенске в 1912 г. стоил 10 коп.

Одной из причин, которые удорожали электросвязь и замедляли ее развитие, была кража проводов, о чем не раз сообщали русские газеты. Судя по их

материалам, использовавшаяся на воздушных линиях бронзовая проволока диаметром 4 мм [МВД: 208] неизменно привлекала грабителей. О безуспешной борьбе в столицах с охотниками за цветметом мы уже писали [Степанов: 434]. В провинции дела подчас обстояли не лучше. Издававшаяся в Казани газета «Камско-Волжская речь» 1 апреля 1911 г. информировала: «На улице Малое Польце уже давно неизвестными злоумышленниками срезалась телефонная проволока. Вчера утром дежурившим на этом месте городовым был замечен неизвестный субъект, который, закинув железный крюк, привязанный на веревке, на проволоку, обрывал ее. Дав время собрать оборванную проволоку, городовой задержал вора и отправил в полицейскую часть. Проволоки он успел сорвать в четырех пролетах 14 концов».

В 1904 г. Центральный статистический комитет (ЦСК) МВД разослал губернским властям анкету для сбора сведений о состоянии хозяйства городов России. Один из 40 включенных в нее вопросов касался развития телефонии. Часть результатов обработки этих анкет отражена в таблице 1.

Таблица 1

Число абонентов телефонных сетей в городах России в 1904 г.

[Города России...]

Город	Число абонентов	Город	Число абонентов
Астрахань	700	Одесса	2236
Варшава	3940	Харьков	1567
Казань	700	Рига	2999
Калуга	95	Ростов-на-Дону	1030
Нижний Новгород	606	Рязань	108
Новгород	60	Саратов	680

На наш взгляд, данные табл. 1 свидетельствуют, что «мотором» телефонизации служили прежде всего фабриканты и купцы. Города, где были развиты промышленность и торговля (Варшава, Рига, Харьков), или хотя бы только торговля (Астрахань, Ростов-на-Дону, Саратов, Казань), лидировали и по числу абонентов. Напротив, города, остававшиеся сугубо административными центрами (Калуга, Новгород, Рязань), показывали низкие результаты. Одних чиновников, даже в губернском количестве, для развития дорогостоящей сети связи было недостаточно.

Уровень телефонизации России в начале 1910-х гг. отразили ежегодники ЦСК МВД. К сожалению, полнота, точность и сопоставимость приводимых ими подсчетов подчас вызывают сомнения (как и вся тогдашняя телефонная статистика). Если все же поверить цифрам справочника 1914 г., то за два предыдущих года число абонентов сетей, содержавшихся государством, выросло с 56,4 тыс. до 75,9 тыс.; в негосударственных сетях 14-ти «главнейших городов» число абонентов увеличилось со 124,9 тыс. до 168,2 тыс. [Статистический ежегодник...: 93]. Таким образом, оба показателя прибавили поровну — в 1,34 раза. Развитие телефонных сетей явно ускорилося; здесь, впрочем, могло сказываться действие эффекта низкой базы.

Абсолютными лидерами России по числу абонентов оставались Петербург и Москва. Городские справочники, вероятно, превосходящие своей точностью общероссийские, позволяют выстроить подробную картину роста сетей связи в старой и новой столицах (таблица 2).

Таблица 2

Число абонентов телефонных сетей Петербурга и Москвы в 1904—1915 гг.
[Петроград. Статистические...: 15; Список абонентов...: V]

Год	Петербург	Москва	Год	Петербург	Москва
1904	5641	7844	1910	25619	27370
1905	5888	10452	1911	31160	33097
1906	8105	13740	1912	37000	38815
1907	11430	17010	1913	43750	44293
1908	15349	20146	1914	49860	46859
1909	21012	23180	1915	53231	50331

Заметим, что с 1911 по 1913 г. число петербургских абонентов увеличилось в 1,4 раза, а московских — в 1,34 раза; темп телефонизации столиц был практически таким же, как в целом по стране. Это совпадение вряд ли случайно. Именно Петербург и Москва давали большую часть прироста сетей связи: из примерно 63 тыс. телефонов, вновь установленных в эти годы в «главнейших городах» России, ее старая и новая столицы получили 23,8 тыс., т. е. более трети. Иначе говоря, там годовой прирост числа абонентов приближался к 12 тыс. (сравним это с приростом всего на 350 абонентов в год в 1882—1897 гг.!) Понятно, что на этом фоне прибавка 50—100 новых аппаратов где-то в провинции мало влияла на общий итог.

Подсчёт доли абонентов среди *всего населения* того или иного города дает результат, который может показаться незначительным, а то и просто ничтожным. Даже в Петербурге и Москве, где к 1915 г. насчитывалось уже по 50 тыс. абонентов, они составляли 2,5—3,3 % от общего числа жителей. В провинциальных городах этот показатель был ещё ниже: даже в Ялте — летней резиденции императорского двора — он не достиг 1,5 %. Однако, на наш взгляд, оценивать доступность телефонной связи для горожан на основании подобных подсчетов было бы неисторично.

В начале XX в. большинство горожан России никогда не пользовались телефоном. Это относится к лицам таких профессий, как рабочие фабрик и мастерских, домашняя прислуга, большинство рядовых тружеников сферы торговли, общественного питания, бытового обслуживания и транспорта (лавочные приказчики, уличные торговцы, трактирные «половые»), прачки, извозчики, грузчики, дворники), а также к нижним чинам расквартированных в городе воинских частей. Профессионально они не нуждались в телефонной связи, а круг их личного общения ограничивался ближайшими соседями, родственниками или сослуживцами.

Кроме того, для звонка через ручной коммутатор надо уметь читать телефонный справочник, газетное объявление или рекламный плакат, а также правильно называть телефонистке цифры номера. Знакомство с правилами пользования электросвязью подразумевало, как мы видели, понимание таких терминов, как индуктор, микрофон и микротелефон. Подобными знаниями вряд ли владели недавние выходцы из деревень, составлявшие большую часть городского населения.

Не будет преувеличением утверждать, что в России начала XX в. телефон был доступен и нужен — как узкопрофессионально, так и в роли средства бытовой коммуникации — только горожанам, принадлежавшим к *среднему классу*. Ими были, в основном, коммерсанты, служащие (чиновники, земские

и муниципальные работники, младший персонал коммерческих предприятий, офицеры армии и полиции), лица свободных профессий (врачи, адвокаты, педагоги) и белое духовенство (приходские священники, преподаватели духовных учебных заведений). Попытаемся определить, насколько полно они были обеспечены телефонной связью.

Удобным источником для этого могут служить адрес-календари типа «Весь Петербург», «Вся Москва» и их аналоги, издававшиеся — хотя и не со столичной регулярностью — в других губернских городах. Такие календари составлялись по сведениям, которые подавали в редакцию издания сами горожане. Их справка становилась аналогом визитной карточки, доступной неограниченному числу людей. Можно предполагать, что, указывая в ней свой телефон, ее автор приглашал воспользоваться им для связи с собою. Изучение ряда подобных изданий показывает, что в них публиковали сведения о себе именно те, кого мы отнесли к среднему классу. В адрес-календарях не найти «визитку» токаря-путиловца или ткачихи с «Трехгорки», но *буржуа* в самом широком смысле слова представлены там с достаточной полнотой.

Начнем с определения доли «телефонизированных» горожан в составе среднего класса. Используем для этого «Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы» (1911). Он включает десятки тысяч имен; сплошной анализ такого массива представляется неподъемной задачей. Мы сделали две выборки. В первую вошли 10 страниц, взятых с интервалом 10 (буквы алфавита А—В). Вторая выборка охватила другие 10 страниц с тем же интервалом (буквы К—Л). Всего первая выборка охватила 1347 москвичей; из них телефоны имели 187 чел., или 13,9 %. Вторая выборка включила 1228 чел.; среди них оказались 223 абонента ГТС (18 %). Таким образом, среднее по двум выборкам значение охвата телефонной связью москвичей из «Алфавитного указателя» составило 15,9 %. По современным стандартам и эта цифра невелика, однако она на порядок выше той, что получается при делении количества абонентов на *всех* жителей Москвы. Если учесть, что к 1915 г. абонентов московской ГТС стало почти в полтора раза больше (см. табл. 2), и их ряды множились быстрее, чем средний класс в целом, то можно предположить, что уровень телефонизации последнего мог подняться до 20 %.

Анализ справочника «Весь Петербург на 1912 г.» свидетельствует, что в столице этот уровень был уже практически достигнут. Наш подсчет по трем выборкам (всего 15 страниц справочника — по пять в его начале, в конце и в середине) охватил в общей сложности 2858 петербуржцев; из них, как мы выяснили, телефон имели 559 чел., или 19,5 %. Отметим, что репрезентативность трех выборок доказывается совпадением результатов подсчета по двум из них с точностью до десятичного знака; расхождение двух этих результатов с третьим едва выходит за пределы 1 % (соответственно 20,27 %, 19,20 % и 19,21 %).

Анализ справочника «Вся Казань 1910 г.» этим же методом выборки (5 первых + 5 последних страниц адресного блока книги + 5 страниц в его середине) дал не столь «гладкие», но практически одинаковые с Петербургом результаты. Рассчитанный по ним уровень телефонизации среднего класса Казани лежит в интервале от 16,6 % до 20,4 %. Суммарно в три наши выборки вошли 780 жителей; доля владельцев телефонов среди них составила 19,7 %. Есть основания полагать, что к 1917 г. четверть всех среднеклассовых казанцев имела бы доступ к сети электросвязи.

Этот же справочник позволяет определить доли отдельных профессиональных групп в общей массе обладателей телефонов. Наш подсчет показал,

что в Казани из 577 абонентов 40 % принадлежали к коммерсантам, 31 % — к числу «лиц свободных профессий», а 29 % состояли на службе (военной, штатской или частной).

Рассмотрим более детально уровень телефонизации отдельных подгрупп среднего класса. Начнем с элиты его служилой части. По справочнику «Весь Петербург на 1913 г.» мы подсчитали число членов советов пяти министерств (внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, народного просвещения, юстиции) и выяснили, кто из них имел домашний телефон. Оказалось, что 55 чиновников из 65 (85 %) уже стали абонентами столичной ГТС. В древней столице России дело обстояло не столь блестяще. Справочник «Вся Москва на 1913 г.» содержит, в частности, сведения о служащих Управления Московского губернатора. Мы установили, что из 13 этих чиновников телефон имелся у 8 чел. (61,5 %).

Уровень телефонизации элиты госслужащих в провинции можно оценить по данным справочника «Вся Казань. 1910 г.». Чтобы статистическая база была шире, мы выбрали всех жителей города, имевших чин статского советника, действительного статского советника и тайного советника. Оказалось, что в редакцию справочника сведения о себе подали 160 обладателей таких чинов. Из них телефоны указали 32 чел., т. е. 20 % от общего числа.

При этом из 52 профессоров Казанского университета абонентами были лишь семеро; уровень их телефонизации (13,4 %) оказался ниже среднего по группе носителей чинов III—V классов. Телефона в 1910 г. не имел даже ректор университета — действительный статский советник, профессор Г.Ф. Дормидонтов. Столичная профессура шла в ногу со временем быстрее. В 1913 г. из 25 произвольно выбранных нами профессоров Петербургского университета телефон имели 18 чел., или 72 %. Впрочем, среди тех, кто еще не обзавелся им, оказались такие выдающиеся ученые, как Л.П. Карсавин, А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов.

Рассмотрим теперь уровень телефонизации той части среднего класса, которую мы, вслед за составителями справочников, именуем «лицами свободных профессий». Среди них заметное место принадлежало адвокатуре. Наши подсчеты дают здесь следующие результаты.

В 1910 г. сведения о себе опубликовали 53 казанских присяжных поверенных и помощника присяжных поверенных; из них телефонами обладали 30 чел., или 58 %. В Киеве в 1910 г. «заявились» в справочную книгу 387 присяжных поверенных, причем телефоны имелись у 30,7 %. Помощниками присяжных поверенных трудились 237 чел.; телефонами владела восьмая их часть (12,6 %). В 1914 г. уровень телефонизации киевских присяжных поверенных превысил 56 %; среди помощников присяжных поверенных абонентом теперь стал каждый пятый (20,7 %). В том же году в Риге из 100 присяжных поверенных телефон имели 84 чел., а из 29 помощников присяжных поверенных — почти половина (45 %). Наконец, выборочный подсчет по 210 присяжным поверенным Петербурга (1907 г.) показал, что абонентами столичной ГТС были 39 % из них. Результаты существенно различаются, однако они в любом случае многократно выше уровня телефонизации не только всего населения, но и собственно среднего класса. Есть основания полагать, что присяжные поверенные были наиболее телефонизированной его частью.

К числу «лиц свободных профессий» традиционно относят и работников здравоохранения. Телефон требовался им не меньше, чем адвокатам, а уровень заработков частнопрактикующих медиков, как правило, уже позволял оплачивать

не слишком дешевые услуги связи. В казанском справочнике 1910 г. врачи разных специальностей опубликовали 343 «визитки»; из них телефоны указали 66 чел., или 19 %. В Саратове их коллеги осваивали новый вид связи гораздо энергичнее: по нашим подсчетам, из 163 врачей, чьи имена вошли в справочник 1916 г., телефоны имели 85 чел. (более 50 %). Рекордным оказался этот показатель в Риге: там в 1914 г. из 284 врачей домашние телефоны установили уже 222 медика (свыше 78 %).

Вслед за составителями справочников мы отдельно подсчитали число имевших телефоны стоматологов. Так, в Киеве (1910 г.) 220 «зубных врачей» были телефонизированы на 2,3 %, т. е. чуть лучше среднего для всего населения этого города уровня. В 1914 г. абонентами числились уже 6,7 % киевских стоматологов при их общем числе 239 чел. В Петербурге в 1907 г. работали 326 стоматологов; номера своих телефонов указали 10 % из них. Саратовцы и здесь достигли большего: в 1916 г. из 70 местных «зубных врачей» телефоны имелись у 13 чел. (около 18 % от общего числа). Наконец, 125 рижских стоматологов в 1914 г. были телефонизированы уже более чем на четверть (26,4 %). Это, вероятно, один из лучших показателей в России.

Самым многочисленным сегментом среднего класса были предприниматели. Установку телефонов людьми, умеющими считать деньги, можно считать важным свидетельством «встраивания» этого вида связи в серьезную деловую жизнь страны. Для оценки степени телефонизации бизнес-сообщества можно воспользоваться сведениями о наличии телефонов в различных коммерческих предприятиях Петербурга — этого признанного в России «полигона» для испытания и апробации всевозможных новинок.

Таблица 3

Телефонизация отдельных видов предприятий Петербурга (1907—1913 гг.)
[Весь Петербург...]

Вид предприятия	Всего предприятий		Из них имели телефон		Доля телефонизир. предприятий (%)	
	1907 г.	1913 г.	1907 г.	1913 г.	1907 г.	1913 г.
Аптеки	99	133	51	125	51,5	94
Гостиницы	71	118	27	96	38	81
Рестораны	81	152	45	138	56	90,7
Трактиры	174	300	4	137	2,3	45,6
Дома меблированных комнат	254	285	29	144	11,4	50,5
Извоз каретный / автомобильный	47	25	27	24	57	96
Кинотеатры	Н.д.	126	Н.д.	110	-	87

Часть результатов, представленных в табл. 3, вполне ожидаема. Так, почти полная телефонизация к 1913 г. питерских ресторанов отразила тяготение их владельцев к условной европейской модели бизнеса, в которой важную роль играла возможность дистанционного обращения клиентов. Сюжет шуточного рассказа А.П. Чехова «У телефона» — едва ли не самое раннее упоминание этого аппарата в русской литературе — строится вокруг неудачной попытки его героя дозвониться в рестораны «Славянский базар» и «Эрмитаж» и заказать там кабинет. Рассказ был написан через три года после того, как в Москве появились первые телефоны, а вместе с ними, очевидно, и такая услуга. Вероятно, в Петербурге она тоже завелась уже в 1880-е гг. В новом веке успехи столичных рестораторов в деле подключения к ГТС проявились скорее в том, что

если в 1907 г. телефоны имели преимущественно такие «гранды» этого бизнеса, как «Доминик», «Донон», «Контан», «Кюба», «Медведь» или «Эрнест», то к 1913 г. телефонами обзавелись и более скромные заведения типа «Богородск», «Зарайск», «Привал» или «Ягодка».

Общепит Москвы телефонизировался ещё энергичнее. Уже в 1898 г. телефоны имелись в 35 ресторанах из 80, или в 43,8 % [Вся Москва...: 1534—1536]. К 1909 г. практически все они, от «Альпийской розы» до «Яра», были подключены к сети связи. В частности, «Славянский базар» завел даже два номера: 14-20 и 99-54; ресторан «Эрмитаж» на Трубной площади, куда тоже не смог дозвониться чеховский герой, имел номер 5-25. В провинции наблюдался большой разницей. Рестораны Риги в 1914 г. были телефонизированы более чем на 70 %. Напротив, в Казани в 1910 г. свои номера указали только 5 ресторанов из 39; там не имели телефонов ни местный «Славянский базар», ни «Яр».

Аптеки стали принимать заказы по телефону чуть позже ресторанов, но тоже на заре нового века. Например, 17 октября 1902 г. газета «Московский листок» сообщала: «В петербургские аптеки начинают поступать требования об изготовлении лекарств по рецептам, передаваемым по телефону. Такого рода выписывание лекарств наблюдается не только в столице, но и во многих других городах, где имеется телефонная сеть». Естественно, что чем больше становилось абонентов, тем больше стимулов обзавестись своим телефоном возникало у тех предпринимателей, кто работал с клиентами из среднего класса. В Москве в 1913 г. телефон имелся в 85 аптеках из 87 (почти в 98 %); аптеки Риги к 1914 г. были телефонизированы на 94 %; в Казани в 1910 г. свои телефоны указали 68 % аптек.

Возвращаясь к табл. 3, отметим — как особо примечательный — факт быстрой телефонизации тех предприятий, которые традиционно ориентировались на нижний сегмент среднего класса и на еще менее обеспеченные слои горожан — трактиров и домов меблированных комнат. Здесь нельзя исключать соображений погони их владельцев за престижем: телефон превращал эти непритязательные заведения в «почти ресторан» и «почти отель». Но куда вероятнее, что установка хозяевами аппарата стала реакцией на аналогичный шаг их деловых партнеров — поставщиков съестных припасов и напитков, прачечных столового и постельного белья и т. п. В любом случае, это трудно расценить иначе, как демократизацию телефонии. Парадоксально, но в Москве трактиры были телефонизированы даже лучше, чем в Петербурге: наш подсчет только по 255 таким заведениям (менее половины их общего числа) показал, что в 1913 г. телефон имелся в 195 из них (76,5 %). Некоторые, подобно знаменитому трактиру наследников Тестова, имели два номера.

Наконец, очевидно, что почти все владельцы возникших в 1900-е гг. видов бизнеса, связанных с новейшей техникой — кинотеатров и контор по прокату автомобилей с водителем («автоизвоз») — сразу обзавелись телефонами. Вероятно, такие предприниматели-новаторы не испытывали давления традиций недавнего прошлого — тех времен, когда многие деловые люди считали телефон дорогой и никчемной игрушкой.

Список источников

- Адресная и справочная книга «Весь Киев» на 1910 год. Киев: Изд-е С.М. Богуславского, 1910. 923 с.
- Адресная и справочная книга «Весь Киев» на 1914 год. Киев: Изд-е С.М. Богуславского, 1914. 882 с.

- Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов // Вся Москва: адресно-справочная книга на 1911 г. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. 665 с.
- Вся Астрахань и Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губернии на 1911 год. Астрахань: Губернская типография, 1911. 503 с.
- Вся Казань 1910 г. справочная книга. Казань: Т-во «Вся Казань», 1910. 422 с.
- Вся Москва: адресно-справочная книга на 1913 г. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1913. 1805 с.
- Весь Петербург на 1907 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. 1415 с.
- Весь Петербург на 1913 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1913. 1691 с.
- Весь Саратов. Адресно-справочная книга на 1916 г. Саратов: Типография «Саратовская почта», 1916. 136 с.
- Вся Рига. Адресный указатель г. Риги за 1914 г. Рига, 1914. 668 с.
- Города России в 1904 году. СПб.: Типография Н.Л. Ныркина, 1906. 914 с.
- Горький А.М. Н.А. Бугров // Горький А.М. Собр. соч.: в 30 томах. Т. 15. М.: Художественная литература, 1951. С. 208—241.
- (МВД) Министерство внутренних дел. 1802—1902. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб.: Типография МВД, 1901. 264 с.
- Москва. 1898. Справочник. М., 1898. 92 с.
- Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству. СПб., 1916. 99 с.
- Россия. Ее настоящее и прошедшее. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. 1058 с.
- Сатирикон: Ежедневное издание. 1908. № 8.
- Список абонентов и условия пользования телефонным сообщением в гор. Иваново-Вознесенске. Ив.-Вознесенск: Типо-литография С. и Е. Соколовых, 1912. 47 с.
- Список абонентов Московской телефонной сети. 1916. М., 1916. 958 с.
- Список абонентов Омской телефонной сети на 1915 год. Томск: Изд-во Квасневского, 1915. 60 с.
- Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый). Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1916. 354 с.
- Чехов А.П. У телефона // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 312—314.

Список литературы / References

- Аврух Л.Г. Телефонизация Петербурга. 1882—1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 24 с.
- (Avruk L.G. Telephonization of Petersburg. 1882—1917: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), St. Petersburg, 2005, 24 p. — In Russ.)
- Высоков М.С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 44 с.
- (Vysokov M.S. The Russian Empire on the ways of modernization: emergence and development of electric communication in the 19th and early 20th centuries: abstract of the diss. ... Doctor of Sciences (History), St. Petersburg, 2004, 44 p. — In Russ.)
- Криворученко К.С. Становление и развитие московской городской телефонной сети: 1882—2005 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.
- (Krivoruchenko K.S. Emergence and development of Moscow city telephone network, 1882—2005: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 2005, 28 p. — In Russ.)
- Островский А.В. У истоков телефонной связи в России // Телефонная связь: Прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Центральный музей связи им. А.С. Попова, 2012. С. 18—24.
- (Ostrovsky A.V. At the beginning of telephone communication in Russia, *Telephone communication: past, present, future*, St. Petersburg, 2012, pp. 18—24. — In Russ.)

Степанов А.В. Телефонная связь в городах России начала XX в. по материалам прессы // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете — 2023. Иваново: ИВГУ, 2023. С. 431—439.

(Stepanov A.V. Telephone communication in Russian cities at the turn of the 20th century as reported by the press, *Science and research activities in a classic university* — 2023, Ivanovo, 2023, pp. 431—439. — In Russ.)

TELEPHONIZATION OF URBAN MIDDLE CLASS IN EARLY 20th CENTURY RUSSIA

Arkady V. Stepanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pastenovas@mail.ru

Abstract. The paper deals with some social aspects of diffusion of telephone communication into the milieu of urban middle classes in Russia during the 1900s and 1910s. General dynamics of the number of telephone subscribers' numerical growth is studied. The rise of telephone penetration pace on the eve of World War One is registered. A degree to which some segments of the middle class, such as high-ranking civil servants, professionals and business people were provided with telephone services, is examined. Democratization of telephony manifesting itself in its proliferation into businesses that dealt with low-income customers is underlined. The author's point is that measuring the degree of telephone services installation in late Imperial Russia by dividing the number of subscribers by the total number of urban residents is incorrect. The more reasonable approach is to compare the former only with middle class urbanites that made the potential pool of modern communication users.

Keywords: Late Imperial Russia, middle class, telephone communication

For citation: Stepanov A.V. Telephonization of Urban Middle Class in Early 20th century Russia, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 117—126.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted on 15.04.2024; approved after reviewing on 03.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Степанов Аркадий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pastenovas@mail.ru

Stepanov Arkady Vladimirovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pastenovas@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 127—133.*

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 127—133.

Научная статья

УДК 342.83:93(47+57)''1917''

DOI: 10.46726/И.2024.5.14

«ВЫ, КРЕСТЬЯНКИ, ДОЛЖНЫ ГОЛОСОВАТЬ ЗА СПИСОК № 2...»: УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ВЫБОРАХ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В 1917 Г. (по материалам Калужской губернии)

Марина Владимировна Мухина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия, marina.platonova.93@mail.ru

Аннотация. Весной 1917 г. все граждане Российского государства получили политические права, женщины наряду с мужчинами могли принимать участие в выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которые стали первыми всеобщими выборами в государстве. Если в столице, являвшейся эпицентром главных событий, женщины обладали политической грамотностью, то жительницам провинции в короткие сроки предстояло принять и понять свое новое положение в обществе. В статье предпринят анализ деятельности женщин Калужской губернии в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание. Выборы на территории Калужской губернии проводились 12—14 ноября 1917 г. Этому предшествовал подготовительный этап в несколько месяцев. На основе опубликованных материалов периодической печати, введенных в оборот архивных данных, выделено несколько форм участия женщин провинции в выборах: предвыборная просветительская работа с населением, исполнение должности секретарей на избирательных участках, участие в голосовании в качестве избирателей. Автор использует историко-генетический метод для отображения деятельности женщин Калужской губернии в период подготовки и проведения голосования, количественные методы для подсчетов доли женщин, проживавших в губернии в исследуемый период и принявших участие в выборах. Автор приходит к выводу, что жительницы Калужской губернии стремились принять активное участие в подготовке и выборах во Всероссийское Учредительное собрание, но традиционное представление провинциального общества о месте женщины оказывало значительное влияние на положение женщин.

Ключевые слова: выборы в Учредительное собрание, политические права, женщины провинции, Калужская губерния, голосование

Для цитирования: Мухина М.В. «Вы, крестьянки, должны голосовать за список № 2...»: участие женщин в выборах во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. (по материалам Калужской губернии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 127—133.

События начала 1917 года коренным образом изменили привычную жизнь всех жителей государства. Если просвещенные слои российского общества могли осмыслить события произошедшего в стране, то основная масса населения не была готова к внезапно наступившим переменам. Большая часть населения государства, представленная крестьянами и выходцами из крестьянской среды, долгое время не имела не только политических, но и всей полноты гражданских прав. Получив весной 1917 года право участвовать в первых

© Мухина М.В., 2024

всеобщих выборах на условиях прямого, тайного, равного голосования, уже осенью народ, в том числе женщины, должны были применить это право. Возможности участвовать в выборах наравне с мужчинами образованным и политически грамотным женщинам России пришлось добиваться от Временного правительства, которое не включило в свою программу пункт, касающийся наделения женщин политическими правами. Благодаря настойчивости и целенаправленной работе Российской Лиги равноправия женщин, 19 марта 1917 г. женщины всего государства получили право участвовать в выборах [Закута: 3]. Примечательно, что кандидатуры женщин в члены Учредительного собрания выдвинули только партии социалистов-революционеров и РСДРП(б). Всего 10 женщин (из 787 членов) было представлено в Учредительном собрании, среди них известные революционерки Е.Д. Брешко-Брешковская, В.Н. Фигнер, А.М. Коллонтай [Протасов: 53].

Жителям провинции выборы во Всероссийское Учредительное собрание представлялись чем-то неизвестным, но непременно сулящим изменения к лучшему. Одновременно провинциальному обществу были присущи традиционные представления о роли и месте женщины в общественной структуре. Безусловно, эти обстоятельства влияли на возможность участия женщин в политической жизни даже при условии их правоспособности [Там же: 54]. В связи с этим представляет интерес отношение женщин провинции к предстоящим выборам, формы их участия в подготовке и проведении выборов во Всероссийское Учредительное собрание.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных различным аспектам внутренней жизни России в 1917 году, революционным событиям и даже выборам в Учредительное собрание, женский фактор освещен недостаточно. Так, при исследовании процесса подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание в провинции участие женщин в этом процессе практически не рассматривается в связи с повышенным интересом к более общим неизученным вопросам по этой теме на региональном материале. Современные отечественные исследователи обращаются к проблемам политической культуры женщин Российской империи, участию женщин в политической работе в период революционных событий [Балдин; Паликова; Жукова; Хасбулатова]. Необходимо отдать должное тамбовскому исследователю, доктору исторических наук Л.Г. Протасову (1938—2015), внесшему весомый вклад в изучение различных сторон истории Всероссийского Учредительного собрания. Одна из статей историка посвящена женщинам в Учредительном собрании. Автор приводит статистические данные о голосовании женского электората по некоторым округам, выделяет причины, которые препятствовали женщинам принимать участие в выборах. Вопрос политических прав мусульманских женщин и возможности их участия в выборах в УС поднимает в своей статье А.Р. Шарафеева. Автор приходит к выводу, что в 1917 г. мусульманские женщины были уравниены в правах с мужчинами только в вопросе выборов в Учредительное собрание. Это объяснялось тем, что избирательные голоса женщин составляли половину голосов мусульманских народов, только их политическая активность на выборах могла обеспечить достаточное представительство мусульман в Учредительном собрании [Шарафеева: 14]. К теме политической активности крестьянок Владимирской губернии в 1917 г. обращается в своем исследовании историк Т.М. Акимова, которая отмечает, что женщины провинции подвергались насмешкам со стороны мужчин, не осознававших, что положение женщин изменилось, и они по всей совокупности прав стали равны мужчинам. В подобном поведении сильного пола крестьянки Владимирской губернии

обвиняли царскую власть, намеренно отстранявшую женщин от участия в государственных делах [Акимова: 123].

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь, обратившийся к проблеме выборов в учредительное Собрание в регионах, является отсутствие или фрагментарность материалов для изучения. В данной статье использованы опубликованные данные о результатах голосования в Калужской губернии, памятная книга Калужской губернии за 1916 год, материалы периодической печати, выходившей в 1917 г. в Калуге, неопубликованные статистические данные о ходе голосования по нескольким уездам Калужской губернии [ГАРФ, ф. 1810, д. 248, л. 62—68], сведения о персональном составе участковых комиссий [Там же: 83—188].

Представляется целесообразным разделить на несколько этапов участие женщин Калужской губернии в выборах: подготовка к выборам, проведение процедуры голосования, подведение итогов голосования. К осени 1917 г. в губернии проживало 1 229 400 человек, из них в городе проживало 127 тысяч, в сельской местности — 1 102 400 человек. По данным памятной книги Калужской губернии за 1916 год, 52 % населения губернии составляли женщины [Памятная книжка...: 187].

Жители Калужской губернии в основной своей массе спокойно и благопринято восприняли смену власти в центре в феврале 1917 г., выражая поддержку Временному правительству. Они выступали за скорейший созыв Учредительного собрания на основе общего, прямого, равного и тайного голосования; установление демократической республики; конфискацию земель и передачи ее в собственность крестьян. Например, крестьяне Жиздринского уезда Калужской губернии надеялись, что Учредительное собрание решит вопрос о конфискации земель и передаче их в собственность крестьян, об установлении 8-ми часового рабочего дня для пролетариата [Общество и революция: 138]. Выборы в органы местного самоуправления (гласных в городскую думу, земских гласных в сельской местности), которые проходили летом-осенью 1917 г. показали, что население губернии неохотно стремится участвовать в голосовании. Необходимо отметить, что не все жители имели четкое представление о предстоящих выборах.

В связи с предстоящими всеобщими выборами в короткие сроки необходимо было провести просветительскую и агитационную работу среди населения. Особенно политиков волновал женский электорат, так как даже представители либеральных взглядов опасались крайней консервативности женщин [Протасов: 51].

Предвыборная кампания в провинции предполагала агитацию за определенные партии, просветительскую деятельность. Если первой были озабочены представители местных отделений партий, среди которых женщин не выявлено, то разъяснительную работу часто вели женщины-учителя и служащие земств [Общество и революция: 129]. Педагогические советы и родительские комитеты учебных заведений Калуги откликнулись на призыв Общественного комитета и приняли решение прекратить занятия не позднее 20 апреля, чтобы педагоги могли принять участие в теоретической подготовке населения к предстоящим выборам. Сельское население продолжало обсуждать важные общественные вопросы на сходах, где привычным и традиционным было лидерство мужчин. Участие женщин в общественных делах, даже в качестве лекторов, ведущих разъяснительную работу, вызывало опасения у некоторых местных жителей. Показательной можно считать ситуацию, произошедшую в Жиздринском уезде Калужской губернии незадолго до выборов, осенью 1917 г. Учительницы уезда Т.И. Попова и А.Д. Волкова были заподозрены в покупке у учеников

оставшихся бюллетеней их родителей, за что и были арестованы. На сельский сход для разбирательств пригласили представителей от Красной Подбужской гвардии. Предполагалось, что женщины имели при себе черновой список избирателей и пытались добыть избирательные записки, чтобы опустить их в подложную урну и отвезти в Жиздру, за это они могли получить якобы тысячу рублей. Без длительных разбирательств женщин выгнали из училища, заметив, что их принимало на работу Временное правительство, а «сейчас народовластие». На вакантные места были назначены две крестьянки. А.Д. Попова начала объяснять сходу особенности избирательного закона, согласно которому бюллетени не могут быть использованы посторонним человеком. Но председатель велел отправить женщин на разбирательство в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но на следующий день женщинам удалось покинуть село [Общество и революция: 391].

Предвыборная агитация местных отделений политических партий не могла не затронуть женщин. Социалистические партии призывали мужчин приводить своих жен и матерей, так как враги крестьянства в лице помещиков и черносотенцев «непрерывно притащат всех своих женщин». Отдельно обращались к женщинам, которые составляли большинство в уездах и городах. Долгое время они не имели политических прав, а теперь, получив эти права с помощью революционерок, они не имеют морального права отсиживаться дома. «Вы, крестьянки, должны голосовать за список № 2 партии социалистов-революционеров вашего же Общегубернского Крестьянского Съезда», — подчеркивалось в местной газете [Свободный пахарь: 2]. Женщинам эсеры обещали равноправие при устройстве на работу, введение законов, охраняющих материнство и детство. Если эсеры предпочитали вести пропаганду в печати, то калужское отделение РСДРП(б), обладая намного более скромными средствами, вело агитацию при помощи солдат. В период подготовки солдаты направлялись в уезды губернии, где доступным языком, в интересах партии излагали цели и задачи выборов в Учредительное собрание, знакомили население с программой партии. Распространенным методом агитации были письма солдат с фронта, в которых они призывали своих жен и матерей голосовать за партию большевиков [Протасов: 52].

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание проходили в Калужской губернии 12—14 ноября 1917 г. В ходе голосования образованные женщины Калужской губернии, а именно учительницы, были задействованы в работе на избирательных участках. Они работали секретарями избирательных комиссий, порой являясь единственными грамотными членами комиссий, в обязанности которых входило заполнение всей документации, в отдельных случаях подсчет избирательных записок [ГАРФ: 83—188]. Этот факт лишний раз указывает на то, что традиционные представления о месте женщины в решении общественных/государственных вопросов оставались сильны в провинции.

Явка женщин на избирательные участки превзошла мужскую, как указывает в своей работе Л.Г. Протасов, в процентном соотношении разбег был небольшой (так, в Московском округе в выборах участвовало 56 % женщин, 50 % мужчин, в Тамбовском округе голосовали 75 % женщин губернии, 68 % мужчин) [Протасов: 50]. Эти данные подтверждаются и статистическими материалами по выборам в Калужской губернии. Так, в ходе подготовки к голосованию по 15 участкам (Малоярославецкого, Медынского и Мосальского уездов) было зарегистрировано 35 103 человека, и 60 % от этого числа составляли женщины. В выборах по данным участкам приняли участие 17 094 человек,

61 % из которых составляли женщины. По Калужскому избирательному округу большее число голосов набрала партия РСДРП(б) [ГАРФ: 62—82].

В Калужской губернии осенью 1917 г. большевиками активно насаждалась идея полновластия Советов, признания контрреволюционности Учредительного собрания. В отличие от сельской местности, в городах, где большевики еще были в весьма шатком положении, жила идея Всенародного собрания. Союз защиты Учредительного собрания 10 декабря 1917 г. организовал в Калуге демонстрацию в защиту УС. Демонстранты несли флаги «Вся власть — Учредительному собранию». По приказу губернского Военно-революционного комитета мирная демонстрация была разогнана с использованием броневиков. При этом были убитые и раненые, в том числе убиты 25-летняя врач земского госпиталя дочь священника Богоявленской церкви г. Калуги Анастасия Ивановна Глаголева и сестра милосердия Еремеева [Белова: 129].

Таким образом, образованные женщины России, в том числе Калужской губернии, принимали активное участие в выборах в Учредительное собрание. Они участвовали в политической агитации в поддержку УС, работали на избирательных участках в качестве секретарей. При голосовании явка женщин на избирательные участки в уездах Калужской губернии, по обнаруженным архивным данным, превысила явку мужчин.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
 Закута О. Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добивалась избирательных прав для русских женщин. Петроград: Всероссийская лига равноправия женщин, 1917. 11 с.
 Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году (1999) / под ред. В.Я. Филимонова. Калуга: Фонд Символ. 432 с.
 Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. Калуга: Издание Калужского губернского статистического комитета, 1917. 311 с.
 Свободный пахарь. Ноябрь. 1917. № 3.

Список литературы / References

- Акимова Т.М. «Изложение» женщин деревни Бурачихи как источник по истории развития гражданского общества во Владимирской губернии весной 1917 г. // *Genesis: исторические исследования*. 2021. № 9. С. 121—132.
 (Akimova T.M. “Presentation” of the women of the village of Burachikhi as a source on the history of the development of civil society in the Vladimir province in the spring of 1917, *Genesis: historical research*, 2021, no. 9, pp. 121—132. — In Russ.)
 Балдин К.Е. Роль женщин в формировании гражданского общества в Российской провинции в начале XX века (На примере г. Иваново-Вознесенска) // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2 (71). С. 9—17.
 (Baldin K.E. The role of women in the formation of civil society in the Russian province at the beginning of the 20th century (Using the example of Ivanovo-Voznesensk), *Woman in Russian Society*, 2014, no. 2 (71), pp. 9—17. — In Russ.)
 Белова И.Б. Гражданская война в Калужской губернии // *Вестник ТвГУ. Серия: История*. 2020. № 3 (55). С. 126—137.
 (Belova I.B. Civil war in the Kaluga province, *Vestnik TvSU. History series*, 2020, no. 3 (55), pp. 126—137. — In Russ.)
 Паликова Т.В., Жукова Н.Е. «Я приеду к вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей Родины»: женщина в общественно-политическом контексте начала XX в. // *Вестник Московского университета. Серия 8, История*. 2023. № 2. С. 43—56.

(Palikova T.V., Zhukova N.E. "I will come to you no longer as a cadet, just a free citizen of my homeland": a woman in the socio-political context of the beginning of the 20th century, *Vestnik of Moscow University. Series 8, History*, 2023, no. 2, pp. 43—56. — In Russ.)

Протасов Л.Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы международной научной конференции, 20 апреля 2001 г. Тамбов: ТГУ. С. 46—54.

(Protasov L.G. Woman and the All-Russian Constituent Assembly, *From male and female to gender studies: materials of the international scientific conference (April 20, 2001)*, Tambov, 2001, pp. 46—54. — In Russ.)

Хасбулатова О.А. Женское движение в России как фактор социального прогресса // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 5—14.

(Khasbulatova O.A. Women's movement in Russia as a factor in social progress, *Woman in Russian Society*, 2017, no. 2 (83), pp. 5—14. — In Russ.)

Шарафеева А.Р. Женщины и женский вопрос на мусульманских съездах 1917 года // Туркологические исследования. 2020. № 2. С. 43—62.

(Sharafeeva A.R. Women and the Women's Question at the 1917 Muslim Conventions, *Turkological studies*, 2020, no. 2, pp. 43—62. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

**“YOU, PEASANT WOMEN, MUST VOTE FOR LIST NO. 2...”:
WOMEN'S PARTICIPATION IN THE ALL-RUSSIAN
CONSTITUENT ASSEMBLY ELECTIONS IN 1917
(based on materials of Kaluga province)**

Marina V. Mukhina

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russian Federation, marina.platonova.93@mail.ru

Abstract. In the spring of 1917, all citizens of the Russian state received political rights; women, along with men, could take part in the elections to the All-Russian Constituent Assembly, which were the first general elections in the state. While in the capital, which was the epicenter of the main events, women had a certain degree of political literacy, the residents of the province in a short time had to accept and understand their new position in society. The article undertook an analysis of the activities of women in the Kaluga province during the preparation and holding of elections to the Constituent Assembly. Elections in the Kaluga province were held on November 12—14, 1917. This was preceded by a preparatory stage of several months. On the basis of the published materials of the periodical press and archival data, several forms of participation of women of the province in the elections were identified: pre-election educational work with the population, fulfilment of secretarial duties at polling stations, participation in voting as voters. The author uses the historical and genetic method to display the activities of women in the Kaluga province during the preparation and conduct of voting as well as quantitative methods for calculating the share of women who lived in the province and took part in the elections during the period under study. The author concludes that residents of the Kaluga province sought to take an active part in the preparation and elections to the All-Russian Constituent Assembly, but the traditional idea of provincial society about the place of women had a significant impact on the situation of women.

Keywords: elections to the Constituent Assembly, political rights, women of the province, Kaluga province, voting

For citation: Mukhina M.V. “You, peasant women, must vote for list No. 2...”: women's participation in the elections to the All-Russian Constituent Assembly in 1917 (based on materials from the Kaluga province), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, no. 4. pp. 127—133.

Информация об авторе / Information about the author

Мухина Марина Владимировна — аспирантка, Калужский государственный университет, Институт истории и права, кафедра истории, г. Калуга, Российская Федерация, marina.platonova.93@mail.ru

Mukhina Marina Vladimirovna — postgraduate student, Kaluga State University, Institute of History and Law, Department of History, Kaluga, Russian Federation, marina.platonova.93@mail.ru.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 134—142.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 134—142.

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.46726/И.2024.5.15

ЛОГИКИ САМОСОЗНАНИЯ

Владимир Леонидович Васюков

Институт философии РАН, Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

Аннотация. Применяя метод комбинирования логических систем, можно описать работу сознания с помощью логических систем — комбинаций различных видов связей ментальных состояний и каузальных связей состояний нейронов (психофизическая проблема). Для пары таких «логик» всегда можно найти «объединенную» логическую систему, чьи свойства детерминированы отношениями следования обеих систем. Однако такая «логика сознания» может сама рассматриваться как ментальная логика «высшего порядка», а следовательно, она может быть компонентой комбинации с начальной ментальной логикой. С другой стороны, эта логика может быть «нейронной» логикой высшего порядка и образовывать комбинацию с исходной нейронной логикой. В обоих случаях эту комбинацию можно расценивать как логику самосознания, отражающую ту точку зрения теоретиков сознания (Дженнаро), при которой психологическое состояние сознательно тогда и только тогда, когда оно правильно представлено состоянием более высокого порядка. При этом «нейронность» или «ментальность» логики самосознания связана с делением теорий мышления высшего порядка на два лагеря: одни (Розенталь, Каррузерс) утверждают, что состояние высшего порядка является мыслью или убеждением, а вторые (Армстронг, Лайкен) утверждают, что состояние высшего порядка является сенсорным состоянием, подобным восприятию.

Ключевые слова: сознание, самосознание, логика, метафизическое объяснение сознания, состояние сознания

Для цитирования: Васюков В.Л. Логика самосознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 134—142.

Если говорить не о сознании, но о самосознании, то один из естественных способов думать о самосознании — это рассматривать его как способность субъекта мыслить сознательно о себе. Самосознательные мысли — это мысли о себе. Но обычно указывают, что размышления о том, что просто является самим собой, недостаточны для самосознания, скорее человек должен думать о себе как о *самом* себе. Если человек способен к самосознающему мышлению, то он должен быть способен мыслить таким образом, чтобы ему было очевидно, что он сам думает о себе.

Готлоб Фреге в начале XX века предлагает формулу самосознающего мышления, утверждая, что «каждый человек дан самому себе некоторым особым

и изначальным способом, каким он не дан никому другому» [Фреге: 332]. Сходной точки зрения придерживался в своих ранних работах и Бертран Рассел, утверждая, что мы знакомы с самими собой. Однако позднее он стал приверженцем иной точки зрения. Он говорил, что ситуация с самосознанием та же, что и с восприятием вообще. Например, если утверждать, что цветное пятно — это одно, а наше видение его — другое, то это требует одновременного признания и самого субъекта рассмотрения и акта его восприятия. В этом случае ощущение как акт будет состоять из осознания цвета, в то время как сам цвет останется полностью физическим и может быть назван чувственным данным, чтобы отличать его от ощущения. Подобный двойственный субъект, однако, «кажется логической фикцией, наподобие математических точек и мгновений. Он вводится не потому, что наблюдение обнаруживает его, а потому, что он удобен с лингвистической точки зрения и, по-видимому, требуется грамматикой. Номинальные сущности такого рода могут существовать, а могут и не существовать, но нет никаких веских оснований предполагать, что они существуют» [Russel: 141].

Переключается с ним и Людвиг Витгенштейн периода «Логико-философского трактата», когда он пишет: «5.633. Где в мире найти метафизический субъект? Вы скажете, что это в точности ситуация с глазом и полем зрения. Но ведь в реальности вы не видите свой глаз. И ничто в поле зрения не позволяет предположить, что оно видимо глазом». И дальше: «5.634. Это связано с тем фактом, что никакая часть нашего опыта не является априорной. Все, что мы видим, может быть иным» [Витгенштейн: 102—103]. Согласно Витгенштейну, метафизический субъект есть предел мира, а не его часть, поэтому бесполезно искать его внутри мира.

В то же время совершенно противоположную точку зрения находим у Эдмунда Гуссерля, когда он в «Логических исследованиях» 1900/1901 г. пишет, что чистое Я (Я «чистой апперцепции») сущностно принадлежит факту «субъективного переживания», или сознания. Все, что находится в отношении к Я, есть содержание сознания. Он поясняет: «Осознанное интенциональное отношение Я к своим предметам я не могу понять иначе, как то, что к феноменологическому совокупному составу единства сознания принадлежат как раз такие интенциональные переживания, где интенциональным объектом выступает Я как одушевленное тело (*Ichleib*), Я как духовная личность и, таким образом, весь эмпирический Я-субъект (Я, человек). Такие интенциональные переживания должны составлять одновременно сущностное феноменологическое ядро феноменального Я» [Гуссерль: 333—334]. По Гуссерлю, феноменологическое ядро Я образуют акты, которые как бы доводят до его сознания предметы, и Я «направлено» к ним как раз в этих актах.

Жан-Поль Сартр в свою очередь говорит о картине сознания как включающей «дорефлексивное» осознание самого себя. «Я — нечто существующее. Оно обладает конкретным типом существования, отличающимся, несомненно, от такового математических истин, значений или же пространственно-временных сущностей, но при всем при этом не менее реальным. Оно само дается в качестве трансцендентного» [Сартр: 34]. Иначе говоря, сама по себе рефлексия еще не означает наличие Я, оно подпадает под рефлексивное утверждение будучи отличным как от нерелексированного сознания, так и от его объекта (стула, математической истины и т. д.). Я представляет собой трансцендентный объект рефлексивного акта.

Таким образом, хотя мы всегда рассуждаем о самосознании, отталкиваясь от собственного сознания, полагая, что сознание является необходимым условием самосознания, вопрос об отношении между сознанием и самосознанием может выразить следующим образом: необходимо ли самосознание для сознания?

Каким же образом сознание может повлечь за собой самосознание? Один из ответов состоит в том, что первое сводимо ко второму. Такой точки зрения придерживается, например, Рокко Дженнаро, утверждающий, что несознаваемое ментальное состояние становится сознаваемым тогда и только тогда, когда оно является объектом некоего представления высшего порядка. Если такое «метapsихологическое» состояние (т. е. психическое состояние, направленное на другое психическое состояние) существует, то это означает, что в этом случае Я в некотором смысле «осознаю» состояние моего сознания [Gennaro: 1]. Простейшее различие между этими типами состояния заключается в том, что состояние более высокого порядка отличается от того, которое оно представляет.

Теории высшего порядка, которые принимают это предположение, делятся на два лагеря. Первый образуют *теории мышления высшего порядка*, которые утверждают, что состояние высшего порядка является мыслью или убеждением. Дэвид Розенталь об этом пишет так: «Обычно, когда в потоке сознания возникают ментальные состояния, человек не осознает, что у него есть какие-либо мысли более высокого порядка по этому поводу. Но когда мы рефлексивно или интроспективно осознаём состояние ума, мы осознаём не только то, что находимся в этом состоянии ума; мы также осознаем, что понимаем, что находимся в нем» [Rosenthal: 28].

Второй лагерь образуют *теории восприятия высшего порядка*, которые, напротив, утверждают, что состояние высшего порядка является сенсорным состоянием, подобным восприятию, т. е. реализацией своего рода внутреннего восприятия или «внутреннего чувства» — идея, которая широко обсуждалась на протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков. Уильям Лайкен характеризует это внутреннее восприятие как «функционирование внутренних механизмов внимания, направленных на психологические состояния и события низшего порядка... Я бы также добавил явный элемент телеологии: механизмы внимания — это устройства, которые выполняют работу по передаче и/или координации информации о происходящих психологических событиях и процессах» [Lucan: 299].

Поскольку кто-то другой также может находиться в каком-то самосознающем состоянии, то простого понимания того, что мысль возникает, недостаточно, чтобы сделать эту мысль сознательной. Похоже, требуется осознавать, что человек находится в соответствующем состоянии первого порядка, то есть человек представляет себя находящимся в рассматриваемом состоянии. Поскольку это, по-видимому, связано с формой самосознания, постольку и теорию мышления высшего порядка, и теорию восприятия высшего порядка можно понимать как утверждающие, что сознание влечет за собой самосознание.

Нечто похожее на теорию восприятия высшего порядка мы обнаруживаем уже у Аристотеля, что можно вывести из следующих его слов: «Так как мы воспринимаем, что мы видим и слышим, то необходимо воспринимать либо зрением, что оно видит, либо другим чувством. Если зрением, то оно должно воспринимать зрение, и его предмет — цвет. Так что или будут два чувства для восприятия одного и того же, или зрение будет воспринимать само себя» [Аристотель: 171]. Однако он тут же замечает, что эта точка зрения заводит в тупик, поскольку если зрение будет восприниматься «новым» зрением, то это иное новое зрение вновь должно будет восприниматься «новым» иным

зрением зрения, и так далее: «если чувство, воспринимающее зрение, было бы другим, а не самим зрением, то ... (этот ряд восприятий. — В. В.) уходил бы в бесконечность» [Там же]. Стандартный способ преодолеть подобное затруднение в контексте теории восприятия состоит в том, чтобы отрицать, что состояние высшего порядка, будь то восприятие или мысль, должно быть сознательным.

Альтернативой как теории мышления высшего порядка, так и теории восприятия высшего порядка, при этом поддерживающей стремление свести сознание к самосознанию, является саморепрезентативная концепция, согласно которой психологическое состояние является сознательным тогда и только тогда, когда оно представляет самого себя. Юрайя Кригель формулирует это следующим образом: «сознание отличается от всех других свойств тем, что отношение, которое оно имеет к знанию о нем, является не причинным, а конститутивным (в силу саморепрезентативной природы сознания)» [Kriegel: 299]. Подобная концепция не делает различия между состояниями первого и второго порядка, ограничиваясь утверждением, что форма самосознания является необходимым условием сознания.

Кроме саморепрезентативной концепции существуют и другие альтернативы представлениям более высокого порядка, например, наличие возможности безобъектных и недостоверных состояний более высокого порядка. Сторонник концепции существования подобных состояний Нед Блок говорит: «Если сознание — это вопрос отношения между представлением более высокого порядка и представлением первого порядка, то почему должно иметь значение, каково причинное происхождение этого представления более высокого порядка?» [Block: 428]. Критикуют саморепрезентативную концепцию еще и за то, что она не может объяснить сознательные состояния у младенцев и негуманоидов. Майкл Тай высказывается об этом достаточно категорично: «Собаки часто рычат или хнычут во время быстрого сна ... Конечно, когда они это делают, они переживают опыт точно так же, как мы переживаем это во сне. Гораздо менее правдоподобной представляется мысль о том, что в каждом таком случае существует сознание высшего порядка, а следовательно, и мысль, направленная на другие психические состояния» [Tye: 5].

Наконец, по меткому выражению Дэвида Чалмерса, постулирование отдельного состояния более высокого порядка для каждого сознательного состояния приводит к излишне «загроможденной картине разума». Апеллируя к эволюции, Чалмерс задается вопросом о целесообразности использования понятия «состояния более высокого порядка». Он пишет: «Предположение о том, что каждая деталь опыта связана с двумя отдельными когнитивными состояниями — с первопорядковым и второпорядковым суждением, создает хаотичную картину ментального. Трудно понять, зачем эволюции могло бы понадобиться повсеместно встраивать эти второпорядковые суждения, когда ее целям в равной степени могла бы служить простая доступность для глобального контроля» [Чалмерс: 288].

Возникает обескураживающее подозрение, что ни одна форма восприятий более высокого порядка вообще не имеет ресурсов для объяснения сознания. По мнению Джозефа Левайна, «мораль этой истории заключается в том, что мы не можем точно определить какое значение для субъекта имеет отличие момента сознательного понимания от простой репрезентации, путем нагромождения все большего количества репрезентаций, поскольку это не приводит к подлинному объяснению. Некоторым образом то, чем заполнены наши состояния сознания, — это репрезентации, которые, в сущности, имеют субъективную природу,

как бы «одушевлены», и я утверждаю, что мы действительно не понимаем, как это возможно. Похоже, дело не в нагромождении одного и того же — накоплении одних и тех же репрезентаций, — а скорее в собирании разнородных репрезентаций» [Levine: 195].

По-видимому, то, как мы говорим о сознании, диктует ответ на вопросы о том, какие состояния являются сознательными. Однако наличие или отсутствие сознания в случае мышления более высокого порядка, не имеющего объекта, просто не определяется тем, как мы говорим. Это можно было бы попробовать описать метафизически, но теоретики сознания, как правило, не дают метафизического объяснения природы сознания или того, что оно собой представляет, тем более что обычная точка зрения на мышление высшего порядка имеет форму утверждения не о том, что такое сознание, а скорее о том, при каких условиях актуальное состояние является сознательным состоянием.

Скорее всего, для того чтобы преодолеть рассмотренные трудности, желательно опираться на какое-то метафизическое объяснение природы сознания. В качестве такого объяснения можно воспользоваться моделью сознания, предложенной в работе «Логика сознания» [Васюков], основывающейся на комбинировании «нейронной» логики, описывающей каузальные связи состояний нейронов, и «ментальной» логики, описывающей различные виды связей ментальных состояний. Такой подход к проблеме сознания носит именно метафизический характер, поскольку большинство вопросов, связанных с природой сознания, остаются при этом за рамками этого подхода.

Поскольку каждая логическая теория представляет собой теорию некоторой предметной области, то ментальная логика явно имеет дело с сознанием как самостоятельной реальностью, не связанной с материей причинно-следственными связями, в то время как предметная область нейронной логики — материальная субстанция. При этом, ввиду того, что взаимодействие материальной субстанции и сознания с точки зрения современной аналитической философии сознания описывается с помощью понятия «квалиа» (*qualia*) — феноменальных, качественных характеристик опыта, связанных с переживанием субъектом своих нейронных состояний — можно полагать, что формулы комбинированной логики сознания описывают как раз конструкции разновидностей квалиа на уровне атомарных формул.

Если посмотреть под этим углом зрения на конструкцию произведения логических систем, используемую для логического описания функционирования «витгенштейнианского» сознания, при котором эксплуатируется тезис Витгенштейна («логика является отражением мира»), то внутренняя онтология языка описания структуры сознания в этом случае может быть кратко представлена следующим образом. «Формулы» в ней представляют собой пары формул, принадлежащих к разным логическим системам, а следствия получаются путем комбинирования выводов из двух исходных систем. Это вызвано рассмотрением двух областей сознания — каузальной (физической) и ментальной. Они представлены двумя логическими системами: нейронной логикой и ментальной логикой. Первичные объекты подразумеваемой онтологии языка описания сознания представляют собой пары (нейронный процесс, ментальное состояние). Феноменальные характеристики опыта непосредственно связаны с нейронными процессами, а ментальное состояние представляет собой психическое состояние.

Однако, если согласно Дженнаро состояние является сознательным тогда и только тогда, когда оно правильно представлено состоянием более высокого порядка, то состояние ⟨нейронный процесс, ментальное состояние⟩ является сознательным, если оно представлено состоянием более высокого порядка. Состояние же более высокого порядка скорее всего можно представить в рамках произведения логических систем либо как пару ⟨нейронный процесс, ⟨нейронный процесс, ментальное состояние⟩⟩, либо как пару ⟨⟨нейронный процесс, ментальное состояние⟩, ментальное состояние⟩ ввиду наличия двух разновидностей теорий высшего порядка. В первом случае мы должны следовать *теории мышления высшего порядка*, когда состояние высшего порядка является мыслью или убеждением, в случае же следованию *теории восприятия высшего порядка* состояние высшего порядка является сенсорным состоянием, подобным восприятию. Таким образом, рассматриваемые состояния более высокого порядка являются либо воспринимаемыми, либо мыслимыми. Отсюда и две разновидности конструкции пар произведений логических систем.

Формально это означает, что формулы выглядят либо как тройки $\langle A_1, \langle A_2, A_3 \rangle \rangle$, либо как тройки $\langle \langle A_1, A_2 \rangle, A_3 \rangle$ в соответствии либо с произведением $L_1 \otimes (L_1 \otimes L_2)$, либо с произведением $(L_1 \otimes L_2) \otimes L_2$ нейронной логики L_1 и ментальной логики L_2 . Подобная конструкция позволяет для пары подобных «логик» найти две «объединенные» логические системы, которые, с одной стороны, будут обладать всеми свойствами, детерминированными рассматриваемыми конструкциями троек формул и троек отношения следования, а с другой стороны — эти системы-произведения будут соответствовать логической структуре *теории мышления высшего порядка* и *теории восприятия высшего порядка* соответственно. Это превращает эти две логики в логики самосознания, поскольку как теорию мышления высшего порядка, так и теорию восприятия высшего порядка можно понимать как утверждающие, что сознание влечет за собой самосознание. В нашем случае логики самосознания являются производными от логик сознания, поскольку рассматриваемые конструкции произведений строятся из логик сознания, а не наоборот.

Возникающие здесь аспекты связаны с природой логик самосознания. Как комбинации логик сознания логики самосознания представляют собой самостоятельные логические системы, но поскольку они детерминированы логиками сознания, то эта самостоятельность кажется только частичной. При этом, если рассматривать формулы как тройки $\langle A_1, \langle A_1, A_3 \rangle \rangle$, либо как тройки $\langle \langle A_1, A_1 \rangle, A_3 \rangle$, то, по-видимому, это будет соответствовать концепции *саморепрезентативности* сознания, в которой психологическое состояние является сознательным тогда и только тогда, когда оно представляет себя, которая отрицает, что состояния первого и второго порядка различны.

Что же касается того возражения, что ни одна форма восприятий более высокого порядка вообще не имеет ресурсов для объяснения сознания, то этот случай, похоже, отвечает той ситуации, когда мы имеем дело либо с произведением $L_1 \otimes (L_2 \otimes L_3)$, либо с произведением $(L_1 \otimes L_2) \otimes L_3$, где L_3 представляет собой еще одну логическую систему, не совпадающую ни с нейронной, ни с ментальной логикой. В этом случае L_3 представляет собой чистую логику «самосознания», не сводимую к логикам сознания и не сконструированную из логик сознания, поэтому-то она и не имеет ресурсов для объяснения сознания.

Если рассмотреть теперь еще одну разновидность комбинации логических систем сознания — систему-коэкспоненциал, то она, как известно, возникает

в случае существования множества (сопоставлений) переводов одной логики в другую, когда во второй логике связь по следованию переводов формул исходной системы (при любом переводе) всегда соответствует связи по следованию в первой. Наличие таких переводов между системами нейронной и ментальной логики приводит к жесткой связанности этих систем и вторичности одной из них. Включая в рассмотрение третий элемент комбинации — еще одну систему логики, но теперь уже логики самосознания, мы получаем коэкспоненциал второго порядка, при том, что этот третий элемент комбинации будет жестко связан с коэкспоненциалом первого порядка. При этом коэкспоненциалы второго порядка будут в точности соответствовать логической структуре *теории мышления высшего порядка* и *теории восприятия высшего порядка* соответственно с тем отличием, что логика самосознания будет жестко связана с логиками сознания.

В случае использования конструкции экспоненциала двух логических систем системе-экспоненциалу требуется наличие единого прямого перевода и единого обратного перевода. Формулы следуют друг из друга в экспоненциале систем, когда связь по следованию в исходной логике сохраняется во второй системе, следование инвариантно относительно композиции переводов. Внутренняя онтология языка подобной витгенштейнианской модели детерминирована некоей интенциональной дугой, описывающей нечто вроде единого «реального» мира функционирования нейронов. В некотором смысле эту «реальность» можно расценивать как влияние ментальной логики на нейронную, когда ментальный вывод определяет каузальный. Эту модель можно рассматривать как описание случая, когда наше сознание порождает физические действия организма, если расширить наши психобиологические модели за пределы высших психических функций. При расширении этой модели до логики самосознания введение в рассмотрение третьего элемента приведет к двум расширениям нашей «реальности» за счет того, что рассматриваемые состояния более высокого порядка являются либо воспринимаемыми, либо мыслимыми.

Наконец, в процессе построения логик самосознания можно обратиться к гипотезе нейтрального монизма, когда материя и сознание являются модулями чего-то третьего, а предметная область перестает быть дизъюнктивной, представляя собой конъюнктивную смесь нейронных и ментальных процессов. Нейронное и ментальное следование в этом случае действуют на равных, логика сознания становится объединением нейронной и ментальной логических систем. Можно получить вывод от нейронной формулы-состояния к ментальной, и наоборот. Собственно говоря, эти «неоднородные» выводы и отвечают за связь ментальной и нейронной логик. Введение третьего элемента для получения логик самосознания в этом случае имеет смысл только если этот третий элемент структурно отличается от ментальной и нейронной логик. В противном случае предметная область останется неизменной. В этой роли, скорее всего, может выступать металогика какой-либо из исходных логических систем. При этом в зависимости от того, какова система нашей металогики, мы получаем случаи *теории мышления высшего порядка* и *теории восприятия высшего порядка* и соответствующие версии логики самосознания.

Список литературы / References

- Аристотель. О душе / пер. с др.-греч. П.С. Попова; примеч. А.В. Сагадеева; вступит. ст. А.В. Лызлова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 260 с.
(Aristotle. On the Soul, transl. from Greek by P.S. Popov, annotations by A.V. Sagadaev, intro. art. by A.V. Lyzlov, Moscow, 2020, 260 p. — In Russ.)

- Васюков В.Л. Логика сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 151—158.
(Vasyukov V.L. Logics of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 151—158. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 160 с.
(Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*, transl. from German by L. Dobrosel'skiy, Moscow, 2018, 160 p. — In Russ.)
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
(Husserl E. *Logical Investigations*, vol. II, pt. 1: *Investigations in Phenomenology and Theory of Cognition*, transl. from German by V.I. Molchanov, Moscow, 2011, 565 p. — In Russ.)
- Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2015. 160 с.
(Sartre J.-P. *The Transcendence of the Ego. Sketch of a phenomenological description*. Moscow, 2015, 160 p. — In Russ.)
- Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. трудов / пер. с нем. Б.В. Бирюкова, под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
(Frege G. *Logic and Logical Semantics: collection of works*, transl. from German by B.V. Birukov, general ed. by Z.A. Kuzicheva, Moscow, 2000, 512 p. — In Russ.)
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
(Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, transl. from English, Moscow, 2013, 512 p. — In Russ.)
- Block N. The Higher Order Approach to Consciousness Is Defunct, *Analysis*, vol. 71, iss. 3, 2011, pp. 419—431.
- Gennaro R. Higher-order theories of consciousness: An overview, *Higher-Order Theories of Consciousness*, Amsterdam: John Benjamins, 2004, 383 p.
- Kriegel U. *Subjective Consciousness: A Self-Representational Theory*, Oxford: Oxford University Press, 2009, 333 p.
- Levine J. *Quality and Content: Essays on Consciousness, Representation, and Modality*, Cambridge, MA: MIT Press, 2006, pp. 173—197.
- Lycan W.G. The superiority of HOP to HOT, *Higher-Order Theories of Consciousness*, Amsterdam: John Benjamins, 2004, pp. 93—113.
- Rosenthal D. *Consciousness and Mind*, Oxford: Oxford University Press, 2005, 378 p.
- Russell B. *The Analysis of Mind*, London: George Allen & Unwin, 1921, 323 p.
- Tye M. *Ten Problems of Consciousness*, Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 248 p.

LOGICS OF SELF-CONSCIOUSNESS

Vladimir L. Vasyukov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
vasyukov4@gmail.com

Abstract. Using the method of combining logical systems, it is possible to describe the work of consciousness by means of logical systems — combinations of various kinds of connections of mental states and causal connections of neuronal states (psychophysical

problem). For a pair of such “logics” it is always possible to find a “combined” logical system whose properties are determined by the consequence relations of both systems. However, such a “logic of consciousness” can itself be regarded as a “higher-order” mental logic, and therefore it can be a component of a combination with the initial mental logic. On the other hand, this logic can be a higher-order “neural” logic and form a combination with the original neural logic. In both cases, this combination can be regarded as a logic of self-consciousness, reflecting the view of the theorists of consciousness (Gennaro) that a psychological state is conscious if and only if it is correctly represented by a state of a higher order. At the same time, the “neurotony” or “mentality” of the logic of self-consciousness is associated with the division of higher-order theories of thought into two camps: some (Rosenthal, Carruthers) argue that a higher-order state is a thought or belief, and others (Armstrong, Liken) argue that a higher-order state is a sensory state similar to perception.

Keywords: consciousness, self-consciousness, logic, metaphysical explanation of consciousness, state of consciousness

For citation: Vasyukov V.L. Logics of self-consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 134—142.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 26.09.2024.

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 26.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Васюков Владимир Леонидович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой истории и философии науки, Институт философии РАН, Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

Vasyukov Vladimir Leonidovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow, Head of the Chair of the History and Philosophy of Science, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 143—150.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 143—150.

Научная статья

УДК 111: 291.23

DOI: 10.46726/И.2024.5.16

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Алла Васильевна Юрьева

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru

Аннотация. Будучи включенным в пространственно-временной континуум, человек регулярно подвергает рефлексии конечность своего существования и существования окружающего его мира. В работе исследуется проблема смыслового наполнения пространства эсхатологическими представлениями, которая проявляет себя в различных культурах и временах. Новизна работы заключается в попытке уточнить сущностный статус эсхатологических представлений в жизни человека, преломляемый в пространственных категориях. В результате проделанного анализа были сделаны некоторые выводы. Формирование представлений об эсхатологии пространства коренится в понимании человеком реального пространства своего бытия. Иконография демонстрирует четкую структурированность пространства, связанную с представлениями о последних временах человечества, которая восходит к иерархичности самого человека. Светские представления об эсхатологии пространства можно проследить в потребности человека создавать места памяти (музеи, обелиски, памятники), в том числе и в виртуальном пространстве своего существования.

Ключевые слова: эсхатология, пространство, виртуальная смерть, эсхатология светских представлений, эсхатология религиозных представлений, гетеротопии

Для цитирования: Юрьева А.В. Эсхатологические представления в смысловом пространстве человеческого бытия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 143—150.

Проблема конечности времен, осмысления собственной смерти на протяжении многих веков была фундаментальной в различных культурах. Традиционно различают личную и коллективную эсхатологию, то есть учение о посмертной судьбе индивида и учение о конечных судьбах мира. Углубляясь в историю этих представлений, мы находим там большое разнообразие практик, ритуалов, мифов, связанных с темой смерти, преодоления страха перед ней, принятием ее как неизбежности финала жизни. Весь этот спектр показывает нам, что путь человеческой цивилизации окрашен постоянным и нетерпеливым ожиданием конца человеческой истории. А во времена политических и социальных потрясений апокалиптические настроения вспыхивают с небывалой силой. Таким образом, начиная с архаических представлений о загробной жизни, о переходе человека в инобытие, заканчивая современным пространством виртуальной смерти, наблюдается устойчивый характер эсхатологических представлений в сознании человека.

© Юрьева А.В., 2024

Актуальность работы связана с ростом эсхатологических настроений в современном мире, так как период пандемии, а также ряд общемировых проблем заставляют заново осмысливать человеком собственное положение и проблему смертности. Эти размышления могут иметь как религиозный, так и светский характер, но в обоих случаях они несут в себе значительную сложность и актуальность для любой личности. Целью исследования становится проблема наполнения смысловыми доминантами пространства с точки зрения эсхатологических позиций. Разработанность тем, связанных с эсхатологической проблематикой, поистине огромна. В зарубежных исследованиях можно выделить работы М. Элиаде, Ф. Арьеса, Р. Бульмана, А. Олрика, Дж. Стивенсона и другие. Из отечественных — Н. Бердяева, С. Трубецкого, Р. Гранина, А. Глазкова и других. В работе применен диалектический метод, в ходе которого проблема эсхатологии пространства рассматривалась в исторической плоскости, с учетом ее трансформации от религиозного к светскому истолкованию.

Говоря о пространстве, можно сказать, что оно является активным носителем культурных значений. Благодаря конкретному пространственному опыту человек осваивает нормы, ценностные иерархии, коллективные представления о центре и периферии и т. д. В современной гуманитарной исследовательской литературе пространство понимается как носитель социальных и символических значений и как культурно нагруженная категория. Вспоминая исследования Э. Кассирера [Кассирер], напомним, что в его представлении существует три вида пространства: органическое — присущее любому живому существу; пространство восприятия, присущее всем высшим животным, и символическое пространство, присущее человеку. Среди типов символического пространства он особенно выделял мифическое пространство. В свою очередь в мифическом мышлении Кассирер вычленяет тотемическую форму пространственных представлений. Основной принцип структурирования тотемического пространства — мифо-социальный. Он охватывает все сферы деятельности и мышления людей и систематизирует их быт, политическую и религиозную жизнь, выступая в качестве своеобразного закона. По оценке Кассирера, использование обобщающего пространственного принципа впервые формирует образ мира, одновременно физического и духовного космоса. Иначе говоря, обживая природный ландшафт, человек формирует природно-культурную среду, которая, в свою очередь, влияет на его поведение и мировоззрение. В этом смысле рождается понятие культурного ландшафта, который есть идеальная позиция видения мира, то есть ментальный «рисунок» пространства. Иначе говоря, культурный ландшафт представляет собой обратную сторону мира. Это замечание помогает с большей силой осознать значимость пространственных представлений и отношение человека к ним с точки зрения собственной смертности и конечности исторического процесса.

Как уже было отмечено, проблема смерти принадлежит к базовым в философии. Более того, феномен смерти междисциплинарен внутри самой философии, поскольку заявлен в антропологии, онтологии, этике и социальной философии. Многие исследования доказывают, что смерть, являя себя в качестве мертвого тела, подвергается многообразию культурной символизации. Прежде всего это отражено в классических работах Э. Тайлора, Д. Фрезера, М. Элиаде и других авторов. Большой анализ культуры захоронения был дан известным исследователем Ф. Арьесом. Согласившись с мыслью М. Хайдеггера о том, что вопрос о смерти проясняет подлинную ситуацию существования, можно сказать, что одна из главных задач любой культуры — снизить интенсивность страха перед смертью. Заметим, что большинство вопросов, связанных со смертью, могут

быть сформулированы в философии только в контексте отношения к смерти. Человеку дано лишь анализировать отношение к «моей» смерти и отношение к «чужой».

Начнем с того, что задолго до возникновения мировых религий появились зачатки таких представлений о мире, которые привели к формированию эсхатологических смыслов далее в монотеистических религиях. Истоки подобных идей коренятся не только в коллизиях борьбы человека с природными стихиями, но и в трудностях познания окружающей действительности, а затем и в социальных противоречиях. Ведь, как доказывал А. Лефевр, каждое общество производит свое пространство.

В соответствии с человеческим восприятием пространства строились жилища, поселения, города. Создаваемый человеком мир осмысливается и наделяется определенным содержанием. Но в связи с этим назревает вопрос, если человек склонен экспонировать собственные пространственные ощущения в окружающий мир, существует ли подобная практика, связанная с восприятием собственной смерти и смерти окружающего мира. Здесь следует упомянуть о топографии загробного мира, которая имеет богатую историю в различных культурах.

Путешествие души в загробном пространстве находят свое отражение в иконографии, литературе, археологических находках всех народов. Однако представления о картографии потустороннего пространства могут существовать лишь на основании синтеза знаний о пространстве реального мира. Ю.С. Обидина, исследуя топографию загробного мира античного сознания, приходит к выводу об антитезе загробного мира по отношению к миру живых, несмотря на очевидность проективного мышления человека. Скорее всего, представления о загробном пространстве можно понимать как мысленный образ чего-то неизвестного, противоположного тому, что было изведано в реальности. Автор замечает, что «основные представления о времени и пространстве, человеческой ойкумене неприменимы к подземному миру, царству, где природа не была затронута сезонностью и где пространственные отношения нарушали все основные законы физики. Кроме того, темнота и тишина, две главные характеристики будущей жизни, часто повторяющиеся в письменных описаниях Аида, внесли свой вклад в создание преимущественно одномерного пространства, где души, а также топографические особенности имели тенденцию исчезать в однотонном и однообразном подземном мире» [Обидина]. По аналогии с географическим пространством, знакомым римлянам в жизни, пространство Аида понималось ими как окруженное водой, так как река в их представлении имела объединяющее значения между «известным» и «неизвестным». Таким образом, мы видим, как создается пространственный ментальный образ, связанный с личной эсхатологией человека.

В различных культурах существование смерти как явления надприродного формировало убеждения в его недоступности для понимания человеком. В связи с чем пространство смерти описывалось по аналогии с пространством земным, доступным человеческому разуму. Таким образом, в сознании человека рождается мир, искаженный реальностью смерти. Однако смерть, игравшая роль хаоса и разрушения, неминуемо структурировалась, в том числе и пространственно, через смыслопорождение.

Под влиянием религиозных (христианских) положений о рае, земной жизни и аде, утверждалось представлении о трех мирах: небесном, земном и подземном. Человек оказался центром земного мира, а земной мир — центром Вселенной. В понимании Церкви как Храма характерна антропологическая символика

(Церковь есть «тело Христово», соответственно храм — тело, глава которому Христос), космологическая («совокупность же всей твари, имеющей войти в Небесный Иерусалим, — это и есть Церковь»), эсхатологическая («в конечном состоянии Церковь и Царство Божие — это одно и то же»).

Здесь стоит внести некоторые замечания. Человек в философской традиции воспринимается через призму собственной телесности, чувственного опыта, который неизбежно связан с пространственными представлениями. Более того, тело, являясь пространственным понятием, становится еще и первичным опытом проживания пространства. Сознание ищет сходство с телесным опытом и находит его в природе. Следовательно, форма обеспечивает своего рода первичные осмысления действительности. «Не случайно, — как отмечает М. Мамардашвили, — одной из первых моделей мира — и в познании и искусстве — была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку с его заданной духовно-телесной формой)» [Мамардашвили].

Обратим внимание, что понимание пространства в религиозной эсхатологии не сильно претерпевает изменения с течением времени в силу своей традиционности, закрепленной в некоторых религиозных текстах. К примеру, И.А. Бессонов, исследуя эсхатологические народные представления, описывает следующее: «с планетой что-то творится: все заражено, рыба вымерла, в природе изменения» [Бессонов: 133]. Окружающее пространство в эсхатологических образах мыслится как испорченное, а литературными источниками этого представления выступает ряд текстов (книга Еноха, книга пророка Даниила, апокалипсис Иоанна Богослова и др.) Для иллюстрации возьмем текст Ефрема Сирина «Слово на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа»: «Тогда небеса не дадут дождя, земля не будет приносить плодов, источники иссякнут, реки иссохнут. Трава не будет расти, не покажется на земле зелени; деревья померзнут в корнях и не дадут отпрысков; рыбы и киты в море изомрут. И море издаст такое заразительное зловоние и такой страшный шум, что люди будут падать без чувств и умирать от страха...» [Сирин]. В Откровении Иоанна Богослова описание грядущего суда над грешниками проходит в категориях изменения пространства — а именно, неизбежности катастрофы (падение звезд, извержения вулканов, землетрясения, кровавых дождей). Текстовые источники, таким образом, формируют символическое пространство, наполняя его понятными для человека конструкциями разрушения, разложения, «иссыхания».

Если говорить о современности, то в XX—XXI вв., по мере нарастания экологического кризиса и усиления антропологического воздействия на природу, этот мотив получает наиболее яркое звучание. В современных эсхатологических представлениях могут перечисляться самые разные признаки деградации окружающей среды: «В двухтыщном каком-то году, он говорил, что вот будут в небе такие... будет чудо такое, которое будет влиять на природу — дак и влияет на природу... А вот это, наверное, наша космонавтика... А сейчас действительно, природа гибнет за счет космоса: во вселенную раз вошли.. бывают кислые, щелочные дожди, разные дожди, а раньше ж этого не было» [Маслинский: 92]. Согласно народным представлениям в эсхатологическую эпоху становятся возможными невероятные чудеса: лес ходит, стена разговаривает, летают железные птицы и бегают железные кони. Признаками конца света могут называться любые странные, необыкновенные изменения в природной и социальной сферах: появление/исчезновение насекомых, изменение климата, ускорение

времени и др. Особая роль в таких рассказах уделяется техническим нововведениям. Однако такие проявления обычно не характеризуются как проявление действия нечистой силы, а скорее вызывают удивление своей необычностью.

Идея отрицания греховного мира в христианстве была неотделима от представлений о грядущем обновлении вселенной. Пейзаж катастрофы, описываемый в религиозном откровении, превращается в катастрофу пространства, при котором само привычное пространство должно быть полностью уничтожено.

Если же говорить об иконографии Страшного суда, которая складывалась на протяжении многих веков и зафиксировалась в росписи храмов, книжной миниатюре, барельефах, то в первую очередь можно обратить внимание на структурированность этого пространства. Проявляется она в строгом соблюдении градации верх/низ, правое/левое, при необходимости существования в едином пространстве различных сюжетов, извлеченных из христианского богословия. Не имея возможности в рамках небольшого исследования давать обширную характеристику различных вариаций при изображении Страшного суда, для примера возьмем описание иконы первой половины XV века, находящуюся в Успенском соборе Московского кремля. «В центре композиции изображается Христос — судья мира. Ему предстоят Богоматерь и Иоанн Предтеча — ходатаи за людей. У их ног Адам и Ева — первые люди на земле... Справа от Христа — праведники, слева — грешники... Вверху часто изображается Бог Саваоф, ангелы света, низвергающие с небес ангелов тьмы (дьяволов) и как символ конца мира всегда изображается небо в виде свитка, свиваемого ангелами. Ниже Христа — судьи мира, пишется престол... Еще ниже бывают представлены: большая кисть руки, держащая младенцев, что означает «праведные души в руке Божией», и здесь же, неподалеку, весы «мера дел человеческих» [Антонова, Мнева]. Это описание дает нам четкое представление о символической пространственной градации Страшного суда в представлении религиозного сознания.

Безусловно, в православной антропологии, да и не только в ней, тема смерти имеет приоритетное значение. Начиная от коллективной эсхатологии, заканчивая личной смертью человека, она мыслится как неизбежное подведение итогов, смысловой финал всей жизни. Однако даже при ослаблении религиозного сознания эсхатологическая проблематика звучит не менее ярко в светском ее истолковании. Так как смерть — одна из главных угроз прекращения связи времен, то именно этим фактором предопределено изобретение человечеством социального механизма фиксации, хранения и передачи информации. К подобному пониманию личной и мировой эсхатологии можно отнести общемировую практику создания музейного пространства, памятников, обелисков, обустройства территорий погостов. Места общественной памяти в самой своей сути наполнены эсхатологическими представлениями человека о самом себе и об окружающем его мире.

Обращаясь к терминологии М. Фуко, стоит взять на вооружение его понятие гетеротопического пространства в описании подобных мест. По мысли философа, подобные пространства крайне значимы для осмысления человеком самого себя и исторического времени, ведь, попадая в них, он находится не просто в географическом пространстве, но именно в символическом месте. В этом ракурсе музей можно осмыслить как попытку сохранить, экспонировать и передать избранные нарративы о прошлом, пробуждая в сознании человека топографическое представление о пространстве и времени. Музейное пространство, памятники, обелиски, памятные места изначально задуманы таким образом, чтобы зафиксировать скоротечность истории, но в тоже время продлить существование памяти о событии, человеке, факте.

В пространстве гетеротопии оказываются возможны социальные отношения, телесные практики и модели поведения, исключенные из порядка повседневной жизни. Здесь достаточно вспомнить посещения погостов в памятные дни во времена бушующего советского атеизма. От религиозной практики в этих действиях ничего оставалось, но была выработана собственная практика продления памяти об умершем или умерших (если речь идет о местах крупных захоронений). Пространство наполнялось символическими действиями, иногда принятием пищи на могилах, возложением цветов, исполнением гимна и т. д. Таким образом, проблема смерти решалась через бессмертие, культурное, социальное, историческое. Как писал К. Исупов, рассуждая о проблемах танатологии: «...слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логоса проблемы, — в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбежаемой жизненности. Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли как квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий» [Исупов: 106].

Как уже было отмечено, периодичность эсхатологических ожиданий с разной степенью интенсивности была свойственна для всех исторических периодов. Современный мир рождает прецедент виртуального пространства, в котором человек так же осмысливает свое бытие, наполняя его эсхатологическими представлениями. Цифровые технологии дают нам в новом формате хранить свои воспоминания, в том числе и об ушедших. Многие социальные сети устанавливают регуляцию онлайн-кладбищ для аккаунтов тех людей, которые уже никогда не смогут загрузить фото или написать пост. Это может быть траурная рамка, наложенная на аватар, мемориальная надпись, оставленная родственниками и т. д. Но зарегистрированный аккаунт позволяет сделать человека практически виртуально бессмертным, ведь, как известно, интернет помнит все. В любой момент можно освежить свои воспоминания, зайдя на страничку к человеку, послушать его музыку, увидеть фото, окунуться в жизнь, которую он сам конструировал, публикуя посты. Более того, есть реальная возможность назначить хранителя собственного аккаунта, и тогда виртуальная жизнь действительно не закончится. Эсхатологией виртуального пространства в последние годы обеспокоены многие деятели искусства, одни из них — группа Recycle. Они много рефлексиируют на тему нашей техногенной цивилизации («Лес истекающих ссылок», «Открытый код», «Саркофаг» и др.), ставят вопросы, которые, безусловно, пока не могут быть решены. Мотив окончания виртуальных времен в их работах связан с археологией нашего времени — все окончится, когда окончится электричество — таков неутешительный вердикт. Человечеству действительно свойственна катастрофическая концепция мира, ведь смерть придает человеческому существованию смысл, в каких бы пространствах он не обитал.

Итак, стоит подвести некоторые итоги. Во-первых, проблема осмысления смерти, конечности земного мира на протяжении всей истории человечества была фундаментальной в различных культурах. С помощью мифологии, ритуалов порождается вертикаль и горизонталь мира, все его геометрические константы. Это в том числе связано с переживанием человеком собственной телесности.

Во-вторых, формирование представлений об эсхатологии пространства коренится в понимании человеком реального пространства своего бытия.

В-третьих, эсхатология пространства, зафиксированная в иконографии, показывает нам четкую структурированность пространства последних времен человечества, которая восходит опять же к иерархичности самого человека (бинария верх/низ, право/лево).

В-четвертых, когда религия уже не играет ведущей роли в общественной жизни, эсхатологические идеи вырываются из традиционного религиозного контекста и становятся частью светской культуры. Не все верят во второе пришествие Христа, но многие верят в катастрофы вселенского масштаба и экологическую «месть» самой природы.

В-пятых, светские представления об эсхатологии пространства можно проследить в потребности человека создавать места памяти (музеи, обелиски, памятники), в том числе и в виртуальном пространстве своего существования.

Список литературы / References

- Антонова В.И., Минева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации: в 2 т. URL: <https://goo.su/cQQ53> (дата обращения: 13.09.2023).
(Antonova V.I., Mneva N.E. The catalog of Old Russian painting of the XI — early XVIII century. Experience of historical and artistic classification: in 2 vols. — In Russ.)
- Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
(Bessonov I.A. Russian folk eschatology: history and modernity, Moscow, 2014, 336 p. — In Russ.)
- Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106—112.
(Isupov K.G. Russian philosophical thanatology, *Questions of Philosophy*, 1994, no. 3, pp. 106—112. — In Russ.)
- Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб., 2002. 272 с.
(Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms, vol. 1: Language, Moscow; St. Petersburg, 2002, 272 p. — In Russ.)
- Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс-Культура, 1992. 414 с.
(Mamardashvili M. How I Understand Philosophy, Moscow, 1992, 414 p. — In Russ.)
- Маслинский К.А. Эсхатологические рассуждения современных крестьян // Традиции в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 91—104.
(Maslinsky K.A. Eschatological reasoning of modern peasants, *Traditions in folklore and literature*, St. Petersburg, 2000, pp. 91—104. — In Russ.)
- Обидина Ю.С. Социоментальная топография загробного мира // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 63. М.: ИВИ, 2018. С. 124—133.
(Obidina Y.S. Sociomental topography of the afterlife, *Dialogue with time. Almanac of Intellectual History*, no. 63, Moscow, 2018, pp. 124—133. — In Russ.)
- Сирин Е. Творения. На пришествие Господне. Труд 85. URL: <https://goo.su/5jyy4> (дата обращения: 13.09.2023).
(Sirin E. Creations. On the Coming of the Lord. Work 85. — In Russ.)

ESCHATOLOGICAL REPRESENTATION IN THE SEMANTIC SPACE OF HUMAN EXISTENCE

Alla V. Yurieva

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
St. Petersburg, Russian Federation, 4alla@bk.ru

Abstract. Being included in the space-time continuum, a person regularly subjects the finiteness of his existence and the existence of the world around him to reflection. The paper explores the problem of semantic filling of space with eschatological representations, which manifests itself in various cultures and times. The novelty of the work consists

in an attempt to clarify the essential status of eschatological representations in human life, refracted in spatial categories. As a result of the analysis, some conclusions were drawn. The formation of ideas about the eschatology of space is rooted in a person's understanding of the real space of his being. Iconography demonstrates a clear structuring of space associated with ideas about the last times of mankind, which goes back to the hierarchy of man himself. Secular ideas about the eschatology of space can be traced to a person's need to create places of memory (museums, obelisks, monuments), including in the virtual space of his existence.

Keywords: eschatology, space, virtual death, eschatology of secular ideas, eschatology of religious ideas, heterotopias

For citation: Yurieva A.V. Eschatological representation in the semantic space of human existence, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 143—150.

Статья поступила в редакцию 16.09.2023; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 26.09.2024.

The article was submitted 16.09.2023; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 26.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Юрьева Алла Васильевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru

Yurieva Alla Vasilyevna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation, 4alla@bk.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 151—161.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 151—161.

Научная статья

УДК 172.1

DOI: 10.46726/И.2024.5.17

СТАНОВЛЕНИЕ И УПАДОК АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ УТОПИИ В XIX—XX вв.: К ВОПРОСУ О «КОНЦЕ ИСТОРИИ»

Михаил Вячеславович Куликов

Кузбасский институт ФСИИ России, г. Новокузнецк, Россия, philosophy_mk@mail.ru

Аннотация. Американская социально-философская утопия представляет собой интересный феномен, поскольку именно в ней были собраны воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы американской культуры как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». Как имманентное измерение общественного, в том числе философского сознания и как естественный спутник общественно-политической практики американской нации, утопия нигде не продуцировалась в таких масштабах и не принимала столь многообразных форм, как в США. Интерес к изучению феномена утопии обусловлен и тем, что он является ключом к дешифровке политического сознания, так как многое из того, что не находит адекватного выражения в научно выверенном дискурсе, но представляет для данной группы ценность, часто получает свое выражение в утопиях или антиутопиях. Цель работы — проследить за генезисом данного феномена, указать общие, конституирующие смыслы американской утопии и понять причины ее кризиса. В качестве представителей американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти, в работах которых наиболее полно проявился отличительный признак американской утопии — ее «антифундаментализм», открытый характер, плюралистичность, открытость проекта для нового содержательного наполнения. Новизна подхода заключается в попытке рассмотреть в одном контексте такие разные формы социально-философских проектов, как Уолден американского трансценденталиста-либертарианца Торо, Уолден Два бихевиориста Скиннера, проект «минимального государства» с позиции аналитической философии Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Рорти. Сделаны выводы о причинах кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, что, на наш взгляд, связано с утвердившимся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущением «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени; ретроутопией как поиском оптимального жизненного проекта в прошлом, а не будущем; хонтологией как состоянием некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее; конспирологией как способом объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает различные формы ressentiment, депрессию, щемящее чувство ностальгии, препятствующие порождению утопических смыслов.

Ключевые слова: утопия, Америка, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», ретроутопия, хонтология, конспирология

Для цитирования: Куликов М.В. Становление и упадок американской социально-философской утопии в XIX—XX вв.: к вопросу о «конце истории» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 151—161.

© Куликов М.В., 2024

Введение. Американская утопия — интересное культурное явление, представленное на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом. Определимся с понятием: «утопия есть идеал, специфика которого определяется не возможностью его практической реализации, не степенью трансцендированности, не функциями и не хронотипическими особенностями, а способом его продуцирования. Утопию можно, таким образом, определить как произвольно сконструированный сознанием образ идеального предмета, в том числе социума» [Баталов: 9]. Цель утопии, по словам Генри Торо, состоит в том, чтобы «устроить нашу жизнь так, чтобы сохранить все преимущества и устранить недостатки» [Торо 2001: 112]. Утопическое сознание ориентировано на будущее, а его онтология основана на прагматике, воплощении утопии в реальность. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине репрезентативности его проекта в ситуации постмодерна, нарратива, отказа от фундаментальной теории.

«Уолден» Г.Д. Торо и «Уолден Два» Б.Ф. Скиннера: что значит «правильная жизнь»?

В 1948 году в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904—1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817—1862) «Уолден, или Жизнь в лесу». Эта отсылка, конечно, не была случайной — американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носила утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение характер. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь не были отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особого рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в самом им построенном доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющейся гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрошение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышеперечисленному, стремление

привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного целого сущего». Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов, на символическом уровне он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронттира», движущегося к неизведанным границам ойкумены. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М.Л. Кинг, М. Ганди и, шире, сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать проблемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, то есть необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера, само название «Уолден Два», конечно же, является отсылкой, и, возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», то есть попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а, напротив, в компании, в социуме, в сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около одной тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет

планировщиков из шести человек (трое мужчин и женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров — ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование, и т. д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (то есть управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Третья группа — рабочие — являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» — тяжелый, неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее время для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практика смены сферы деятельности и места работы. Так как в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почета. Таким образом, в Уолдене Два, отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [Skinner: 33]. Там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два — это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья» [Там же: 49—50]. Хотя об ученых в романе сказано немного, нам понятно, что их задача — познание мира. В этом контексте представляется любопытным сравнить положение ученых и планировщиков в Уолдене Два с положением мудрецов-философов в идеальном государстве Платона. Представляется, что для Платона Знание и Власть были неотделимы; знание идеи обличало человека правом созидания, и воин-страж, реализуя конкретную политику, лишь воплощал знание философа-мудреца. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим, это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнорирует поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управлении для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [Там же: 37].

Подобно платоновскому идеальному государству, дети в Уолдене Два с рождения попадают в специальное учреждение, где воспитываются под присмотром педагогов: это дает возможность освободить силы и время биологических родителей на выполнение их профессиональных функций, это дает

возможность общаться с детьми тем, кто лишен возможности испытать родительское счастье, это избавляет ребенка от зачастую травмирующей, невротической любви родителей, это дает возможность детям брать примером в жизни тех, кто достоин этого, а не является лишь биологическим родителем. В конце концов, это упраздняет институт семьи как устаревший, родственные связи не имеют какой-то особой ценности, люди относятся друг к другу с дружелюбием и пониманием безотносительно их биологических связей. В обществе не принято обсуждать личные дела другого, вторгаться в пространство частного. Вместе с тем, в этом обществе утверждены весьма свободные взгляды на любовь и секс — все в духе отказа от собственнического отношения к другому человеку.

Обучение ребенка представляет собой не работу по единой программе, а свободный процесс усвоения интересного для ребенка, прежде всего практических навыков. С детства ребенок выполняет простую работу и к шестнадцати годам становится полностью самостоятельным. Можно предположить, что педагогика станет второй после психологии наукой в обществе, это будет наука, воспитывающая нового, неэгоистичного, созидательного человека. Интересным представляется вопрос о роли педагога, наставника: станет ли эта работа чем-то специальным, важным и ответственным (как, например, работа наставника в платоновском государстве, помогающего раскрыть знание, заложенное в душу каждого воспитуемого, «озаботившегося» о нем с целью формирования у него способности «заботы о себе»), или эта работа, как и другие, будет продолжаться в течение четырех часов в день, чередуясь с иными формами трудовой деятельности, демонстрируя ученику, как сам социальный аппарат, рациональность его бытия требуют от него социально-полезных качеств: трудолюбия, альтруистичности, коммуникабельности, усердия?

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций, задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, здесь равно уважают каждого человека, независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Это очень важно, в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм resentment, нет необходимости в конкурентной борьбе, так как нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены

уже на уровне рациональной организации, благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [Там же: 25].

Конечно, Уолден Два — это в чем-то наивная просвещенческая утопия, основанная на упрощенном, несколько механистическом понимании человеческой природы, на вере во всеислие Разума, Знания, Истины. Несмотря на это, некоторые идеи этого проекта нашли, пусть и косвенным образом, свое воплощение в нашей жизни. Изменяется культура потребления, показная роскошь становится признаком дурного тона; представления об эстетике, эргономичности жилого пространства воплотились в практике дизайна, недорогой, но удобной мебели, утвари и бытовой техники; воплощается в жизнь идея гибкого рабочего графика, удаленной работы, потребности постоянного обучения, саморазвития. Уже применяется на практике идея базового безусловного дохода как нормального, естественного условия состояния человека. Все большее воплощение в жизни находят различные формы сетевых организаций, вертикальных структур, плюралистичных моделей и форм социальной организации.

**Кризис классической рациональности и новый взгляд на утопию:
«минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский
буржуазный либерализм» Р. Рорти**

Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семидесяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому прожектерству. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» — политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры, и, по сути, представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу», самим обществом, порождающим необходимые институции и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а разработкой его условий, как он называет это — «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой

рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, как с носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного сообщества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу, которая позволит им расцвести» [Нозик: 405]. То есть он не дает конкретных ответов, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [Там же: 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различение публичной и частной сферы личности — внимание к ценностям сообщества, с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям (что он именуется термином «идиосинкразия») — с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие частную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно приводили к право или-лево тоталитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и так как проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, её необходимо разрешать через опыт практического экспериментирования.

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера, по причине отсутствия нейтрального критерия, который был бы способен дать нам возможность соотнести образ либерального (а впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения, «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [Рорти 1996: 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс — бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [Там же: 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской, то с другой она является буржуазной, а значит из нее следуют и философские, и политические

выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, так как допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, так как противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудео-христианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как естественные права человека и врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, — полагаю даже, никак не относится» [Rorty 1991: 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно, случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие общественную надежду и частные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос *status quo* и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Заключение. Говоря о том, каким образом может быть воплощена интуиция американского философа в реальности, мы можем отметить мультикультуральные процессы в современном западном мире: растущий индивидуализм, который поощряет разнообразие и уникальность различных форм жизни и практик, связанных с той или иной областью приватной сферы — эстетической, сексуальной, игровой. Вместе с тем мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией», которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретротопии на социальном уровне может стать, например, трампистский лозунг “*Make America great again*”, который говорит американцам о необходимости вернуться к величию, оставленному где-то в прошлом. О схожих с ретротопией вещах писал и британский мыслитель Марк Фишер, переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» — бытовании уже несуществующего как существующего, состоянии некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализированного общества позднего

капитализма, вместе с которым пришла депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые теперь отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии — все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей. Доля людей, которые верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [Oliver, Wood: 812] и Италии [Mancosu et al.: 329]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» — мигрантах, террористах, тайных правителях, и т. д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями “conspiritality” (название является неологизмом, образованным из двух слов — conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «пробуждении» сознания, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии. Возможен ли при всем этом Уолден Три? Оснований надеяться на него пока что нет.

Список литературы / References

- Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с. (Batalov E.Ya. Social utopia and social hope in USA, Moscow, 1982, 336 p. — In Russ.)
- Бауман З. Ретроутопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с. (Bauman Z. Retrotopia, Moscow, 2019, 160 p. — In Russ.)
- Венедиктова Т.В. Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с. (Venediktova T.V. American conversation: bargaining discourse in the US literary tradition, Moscow, 2003, 328 p. — In Russ.)
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с. (Nozick R. Anarchy, state and utopia, Moscow, 2008, 424 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с. (Rorty R. Achieving our country: The politics of the left in 20th century America, Moscow, 1998, 128 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с. (Rorty R. Contingency, irony, solidarity, Moscow, 1996, 282 p. — In Russ.)
- Торо Г.Д. Высшие законы. М.: Республика, 2001. 412 с. (Thoreau H.D. Higher laws, Moscow, 2001, 412 p. — In Russ.)

- Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с. (Thoreau H.D. Walden, or life in the woods, Moscow, 1962, 240 p. — In Russ.)
- Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М.: Ультракультура 2.0., 2010. 144 с. (Fisher M. Capitalist realism. Is there no alternative?, Moscow, 2010, 144 p. — In Russ.)
- Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European society and politics, Taylor & Francis Journals*, 2017, vol. 22 (3), pp. 327—344.
- Oliver J.E., Wood T.J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States, *JAMA Internal Medicine*, 2014, 174 (5), pp. 810—822.
- Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 226 p.
- Skinner B.F. *Walden Two*, New York: The Macmillan Co., 1948, 266 p.

THE FORMATION AND DECLINE OF AMERICAN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UTOPIA IN 19th—20th CENTURIES: ON THE QUESTION OF THE “END OF HISTORY”

Mikhail V. Kulikov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Novokuznetsk, Russian Federation, philosophy_mk@mail.ru

Abstract. American socio-philosophical utopia is an interesting phenomenon, since it was in it that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of American culture, as the embodied “City on a Hill”, “Society of Equal Opportunities”, “Lighthouse of hope” found their manifestation. As an immanent dimension of social, including philosophical consciousness, and as a natural companion to the socio-political practice of the American nation, utopia has never been produced anywhere on such a scale and has not taken such diverse forms as in the United States. Interest in studying the phenomenon of utopia is also due to the fact that they are the key to deciphering political consciousness, since much of what does not find adequate expression in scientifically verified discourse, but is of value for a given group, often finds its expression in utopias or dystopias. The purpose of the work is to trace the genesis of this phenomenon, indicate the general, constitutive meanings of the American utopia and understand the reasons for its crisis. Henry Thoreau, Burrhus Fredrick Skinner, Robert Nozick and Richard Rorty were taken as representatives of the American socio-philosophical utopia, in whose works the distinctive feature of the American utopia was most fully manifested — its “anti-fundamentalism”, open character, pluralism, openness of the project to new content. The novelty of the approach lies in the attempt to consider in one context such different forms of social and philosophical projects as Walden of the American transcendentalist-libertarian Thoreau, Walden of the Two Behaviorists Skinner, the project of a “minimal state” from the position of analytical philosophy of Nozick and “postmodern bourgeois liberalism” of Rorty. Conclusions have been drawn about the causes of the crisis of utopian theorizing in American culture, which, in our opinion, is associated with the feeling of the “end of history” that has become established in the public consciousness of the era of late capitalism, which leads to the abandonment of the future in favor of the endless repetition of the same plots and the doom of staying in frozen time; retrotopia, as a search for an optimal life project in the past, not the future; huntology, as a state of once existing, but never realized hope for progressive movement into the future; conspiracy theories as a way of explaining the world through conspiracy and deception. All this gives rise to various forms of resentment, depression, and a nagging feeling of nostalgia, which prevent the generation of utopian meanings.

Keywords: America, utopia, Walden, “postmodern bourgeois liberalism”, retrotopia, hauntology, conspiracy theory

For citation: Kulikov M.V. The formation and decline of American social and philosophical utopia in 19th—20th centuries: on the question of the “end of history”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 151—161.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 26.09.2024.

The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 26.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Куликов Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, philosophy_mk@mail.ru

Kulikov Mikhail Vyacheslavovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate professor of the department of humanities, socio-economic Disciplines and management information technologies, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, philosophy_mk@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 162—167.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 162—167.

Научная статья

УДК 140.8:316.3

DOI: 10.46726/И.2024.5.18

РЕГИОНАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Денис Сергеевич Докучаев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, den-dokuchaev@mail.ru

Аннотация. Регионализмы в современном мире, с одной стороны, являются залогом устойчивого развития территорий, с другой стороны, становятся причиной войн и конфликтов. Регионализм зачастую противопоставляется глобализму, а иногда считается ответом на него. За разными аспектами исследования регионализма зачастую ускользает понимание этого феномена как мировоззренческой установки, в рамках которой мир видится разделенным на части, где каждая часть самодостаточна и уникальна, а их многообразие способствует устойчивому развитию. В статье предпринята попытка рассмотрения регионализма в качестве мировоззренческой системы. Для этого используется системный подход в интерпретации А.И. Уемова, И.В. Дмитриевской. Исследование позволило выделить концептуальный, структурный и субстратный уровни системной организации регионализма. Системообразующим свойством (концептом) регионализма выступает особенность человеческого сознания воспринимать любое пространство гетерогенным и выделять в нем части — регионы. Регионализм как мировоззрение предполагает *мироощущение* (эмоционально-психологический уровень) уникальности своего пространства и сообщества, *мировосприятие* (чувственно-наглядный уровень) его уникальности и *миропонимание* (рационально-логический уровень) его уникальности. В структуре системы выделены и проанализированы содержательные и формальные компоненты.

Ключевые слова: регионализм, региональная идентичность, мировоззрение, мировоззренческая система, системный подход

Для цитирования: Докучаев Д.С. Регионализм как мировоззренческая система // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 162—167.

Введение. Регионализмы в современном мире, с одной стороны, являются залогом устойчивого развития территорий, с другой стороны, становятся причиной войн и конфликтов. Регионализм зачастую противопоставляется глобализму, а иногда считается ответом на него. Это вполне объяснимо. Трансформация глобального и национального пространства привела к тому, что регионы получили ранее не свойственные им качества, прежде всего в части политической и экономической самостоятельности. Усиление роли регионов в жизни обычного человека и сообществ порождает в публичной риторике дискуссии о регионализме, которые имеют различные основания. С одной стороны, речь о регионализме ведется как о глобальной политической идеологии «мира регионов», с другой стороны, как о локальной мифологической технологии, с помощью которой можно создавать и продвигать отдельные регионалистские движения [Щипков: 11].

Среди множества подходов к осмыслению феномена регионализма можно выделить три основные коннотации термина «регионализм», которые фиксируются как в зарубежных, так и отечественных исследованиях: 1) достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии; 2) движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности; 3) модель взаимоотношений центра и региона, когда последний обладает политической субъектностью [Панов: 106]. За этими основными интерпретациями, на наш взгляд, ускользает самое важное, что их всех объединяет, а именно мировоззренческая установка, в рамках которой мир видится разделенным на части, где каждая часть самодостаточна и уникальна, а их многообразие способствует устойчивому развитию. В этом плане регионализм стоит рассматривать как «целостную мировоззренческую и концептуальную систему, требующую междисциплинарного подхода для решения политических проблем, которые вытекают из регионального деления современных обществ» [Плотникова: 134]. Цель настоящей статьи состоит в попытке анализа регионализма как мировоззренческой системы, выделении концептуального и структурного уровней этой системы.

Теоретико-методологические подходы. Для того чтобы рассмотреть регионализм в качестве мировоззренческой системы необходимо подвергнуть само понятие системному анализу. Для этого используем системный подход в интерпретации А.И. Умова [Уемов], адаптированный к анализу неформализованных систем И.В. Дмитриевской [Дмитревская].

В этой методологии система рассматривается как вещь (или множество вещей) с заранее определенными свойствами, либо обладающая свойствами с определенным отношением. Каждая система имеет три уровня организации: концептуальный, структурный и субстратный. Построение и определение системы предполагают определенную взаимосвязь между компонентами описания системы, начиная от концептуального уровня и заканчивая субстратным [Дмитревская: 6]. Построение системы всегда начинается с концепта и структуры, а лишь потом происходит их реализация на субстрате, который играет подчиненную роль. Попытаемся структурировать регионализм как мировоззрение с учетом этого подхода.

Освоение мира сквозь призму мировоззрения является ключом к пониманию окружающей реальности и места человека, сообщества в ней. Мировоззрение выражается в совокупности взглядов на мир, общество и самого себя, оно включает мироощущение, мировосприятие и миропонимание. Рационализация мира и оценка социальной реальности становятся результатом этого отношения человека к окружающему миру.

И.В. Дмитриевская отмечает, что «в содержание мировоззрения входят философские, научные, политические, нравственные, эстетические взгляды, знания, убеждения, оценки человека или общественной группы» [Дмитревская: 7]. При системном понимании мировоззрения эти содержательные компоненты могут соотноситься по-разному в зависимости от типа системы. Какие-то будут принимать функции системообразующих и доминировать, а другие будут проявляться лишь на субстратном уровне. Поработаем с понятием «регионализм».

В современных исследованиях термин «регионализм» используется в различных измерениях. Изучение феномена ведется как политологами, так и социологами, географами и политологами. Существующие определения не противоречат друг другу, скорее фокусируются на конкретных частных научных аспектах. В.Н. Стрелецкий отмечает, что «под регионализмом часто понимается:

подход к проблемам социума с позиций и потребностей регионов <...>; взаимодействие между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (например, административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующих соответствующие региональные группировки; их региональное сотрудничество, укрепление связей между ними; политические движения в рамках разных региональных сообществ, направленные, в частности: а) на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей); б) на расширение уже существующих прав региональных сообществ» [Стрелецкий: 45]. Во всех этих ипостасях регионализм как будто бы телеологичен, то есть связывается с целеполаганием. Получается, что для определения конкретного регионализма необходимо понимать его цель. А она может быть различной: от получения определенного статуса территории до продвижения региональных интересов на иных уровнях. Подобный подход к определению регионализма вполне работает, когда исследуется содержательное наполнение конкретного регионализма. Но в случае с настоящим исследованием такой подход мешает выявить сущность самого явления, предложить философский взгляд на проблему. Именно поэтому считаем, что регионализм следует рассматривать в качестве мировоззренческой системы.

Результаты и обсуждение. Регионализм как мировоззрение — есть способ не только видения социального бытия и реальности, но и их интерпретации в рамках социального взаимодействия.

В процессе социального взаимодействия происходит категоризация, типологизация и дифференциация всего социального. Сознание человека устроено так, что оно постоянно проводит границы, маркирует и выделяет социальные группы в социальном пространстве. Социальный мир видится человеку фрагментарным, разделенным на социальные группы, где есть «Свои» и «Другие», «Чужие». Человек сам выделяет группы и конструирует свое отношение к ним. Кроме этого, мы всегда формируем представление о себе и своем месте в мире с учетом *социальности*, то есть принадлежности к сообществу.

При таком подходе регионализм мыслится как один из способов видения мира, при котором для человека значимой становится ориентация на принадлежность к региональному сообществу. Иными словами, регионализм напрямую связан с социальностью, он задает дискурс региональной идентичности как *о-сознания* принадлежности к региональному сообществу. В свою очередь, региональная идентичность является той основой, благодаря которой каждый регионализм воспроизводит себя как систему.

В рамках системного подхода определим *концептуальный, структурный и субстратный* уровни регионализма как мировоззренческой системы. И.В. Дмитриевская отмечает, что «концептуальность определяет направленность и основную цель мировоззрения, формирует его целостность. Концепт продуцирует обобщающую, объясняющую и прогнозирующую функции мировоззрения в системе общественного сознания и практики» [Дмитриевская: 9]. Особенность сознания воспринимать любое пространство разнообразным (неоднородным) и выделять в нем части, закреплять принадлежность к части и действовать в её интересах мы предлагаем считать концептом регионализма как мировоззрения. Стоит согласиться с Д.Г. Смирновым и дополнить это понимание регионализма, определив его как особую практику соотношения локального и глобального, регионального и федерального, части и целого [Смирнов: 88].

Эта особенность нашего отношения к любому пространству будет формировать *структуру* регионализма как мировоззренческой системы. Такое отношение может быть целостным или плюралистическим, но оно всегда будет связано с уникальностью (специфичностью) региона как части пространства.

Структурный уровень регионализма как мировоззренческой системы, задается позиционированием «Своего» и «Другого» пространства, сопоставлением, сравнением «Своего» региона с «Другими/Чужими» региональными пространствами. При *о-своении* пространства важным и значимым процессом будет интерпретация собственной уникальности (специфичности) региона, принадлежности к нему как к части Мира.

В структуре регионализма как мировоззрения можно выделить политические, экономические, социальные, культурные, нравственные и эстетические взгляды, знания, убеждения, опыт, эмоции и оценки, связанные с осознанием уникальности «Своей» части пространства в противоположность «Другим» частям. В этом плане регионализм как мировоззрение предполагает *мироощущение* (эмоционально-психологический уровень) уникальности своего пространства и сообщества, *мировосприятие* (чувственно-наглядный уровень) его уникальности и *миропонимание* (рационально-логический уровень) его уникальности. *Субстрат* же всегда играет подчиненную роль. На этом уровне регионализм и проявляет свои особенности.

Концепт, оставаясь в случае с каждым регионализмом практически неизменным (гетерогенность в интерпретации социальной реальности), будет определять структуру, которая, в свою очередь, в зависимости от специфики конкретного региона может проявляться по-разному. Так, например, обретение особенного институционального статуса региональным сообществом может стать примером политического или экономического регионализма, так как наличие политических и экономических ресурсов/капитала в этом регионе стимулировало такое развитие. В случае с культурным регионализмом интерпретация уникальности будет иной и т. д. Все это примеры структурных типологий. Выделяя значимый для регионализма содержательный компонент (политика, экономика, культура и т. д.), который в данном конкретном регионализме выполняет роль системообразующего свойства, мы тем самым определяем тип регионализма и можем выявить его особенности.

В системе регионализма как мировоззрения можно выделить и формальные структуры. Поскольку значимую роль в регионализме играет то, как человек воспринимает регион, и то, в какой форме происходит *о-сознание* уникальности и специфичности какой-либо части пространства, полагаем, что можно вести речь о существовании мифологических, религиозных, научных и философских структур регионализма.

Мифологические структуры формируют дискурс простого описания социальной реальности в регионе. Миф дает возможность разделять простые истины, которые не требуется доказывать или опровергать. Поэтому и конструирование региональной идентичности основано на создании, изменении или исключении мифологических структур. На социальных мифах строятся интерпретации региональной уникальности (специфичности). Они же используются для построения концепций мирообъяснения и миропостроения в обыденном сознании, правда, вуалируются они «научными» знаниями и методами.

Религиозные структуры стоит выделить отдельно. В проявлении отдельных регионализмов они могут играть решающее значение, задавать важное звучание и придавать значение региональному дискурсу, существенным

образом влиять на поведение социальной группы, общие нормы и правила, ценности сообществ. С одной стороны, религиозность в рамках одной мировоззренческой региональной системы может не сильно проявлять себя на фоне остальных структур, но, с другой стороны, при взаимодействии с другими региональными системами именно она может взять на себя ведущую роль для сопряжения и установления понимания. Например, в разных регионализмах по политическим или экономическим основаниям проще находить общие точки взаимопонимания с «Другими», если религиозные структуры систем близки или совпадают.

Научные структуры связаны с познавательной деятельностью человека. В контексте регионализма они заточены на процесс категоризации пространства, которое постоянно маркируется как «Свое» или «Другое» / «Чужое». Научные знания и установки востребованы в системном взаимодействии ещё и тогда, когда важно «рационализировать» регионализм. Например, когда необходимо изначально субъективному процессу дифференциации пространства придать объективность. Используя научный дискурс, региональные элиты конструируют востребованные социальные мифы, манипулируют социальным поведением, создают, изменяют и исключают практики регионализма в сообществе.

Философские структуры задействуются в системе, с одной стороны, когда возникают и накапливаются противоречия в существовании и функционировании региона. С другой стороны, даже при нормальном функционировании региона важно создавать и поддерживать философскую рефлексию региональности (как принадлежности человека или группы к части освоенного пространства). Эта рефлексия предполагает в том числе объяснение мира не только с позиций бытия некой части пространства, но и в отношениях этой части с целым и другими частями.

Системная интерпретация регионализма как мировоззрения лишь небольшой шаг на пути к дальнейшей философской рефлексии этого многогранного феномена. Очевидно, что изучение регионализма будет предполагать использование и других методологий, включая дискурсивные и семиотические подходы. Применительно к данному материалу заметим, что определение концептуального, структурного уровней и субстрата носят скорее условный характер и задают методологическую рамку и оптику для дальнейшего исследования регионализма.

Список литературы / References

- Дмитревская И.В. Мировоззрение как система // Сознание и теория мировоззрения: История и современность. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1992. С. 5—15.
(Dmitrevskaia I.V. Worldview as a system, *Consciousness and the theory of worldview: History and Modernity*, Ivanovo, 1992, pp. 5—15. — In Russ.)
- Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 102—115.
(Panov P.V. Multifaceted regionalism, *Perm University Bulletin. Political Science*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 102—115. — In Russ.)
- Плотникова О. Регионализм: некоторые подходы к определению // Власть. 2012. № 3. С. 132—134.
(Plotnikova O. Regionalism: some approaches to the definition, *Power*, 2012, no. 3, pp. 132—134. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиотическая полифония региональной идентичности (Докучаев Д.С. Региональная идентичность в Ивановской области: политика конструирования образа территории. Иваново, 2016) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 86—90

(Smirnov D.G. Semiotic polyphony of regional identity (Dokuchaev D. S. Regional identity in the Ivanovo region: the policy of constructing the image of the territory, Ivanovo, 2016), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2017, no. 2, pp. 86—90. — In Russ.)

Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3. С. 45—50.

(Streletskii V.N. Regionalism as a cultural phenomenon, *Regional Studies*, 2011, no. 3, pp. 45—50. — In Russ.)

Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем, М., 1978. 272 с.

(Uemov A.I. Systems approach and general theory of systems, Moscow, 1978, 272 p. — In Russ.)

Щипков В.А. Регионализм как идеология глобализма. М.: МГИМО-Университет, 2017. 188 с.

(Shchipkov V.A. Regionalism as the ideology of globalism, Moscow, 2017. — In Russ.)

REGIONALISM AS AN IDEOLOGICAL SYSTEM

Denis S. Dokuchaev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, den-dokuchaev@mail.ru

Abstract. Regionalisms in the modern world, on the one hand, are the key to sustainable development of territories, and on the other hand, cause wars and conflicts. Regionalism is often opposed to globalism, and sometimes is considered as a response to the latter. Different aspects of regionalism research often fail to understand this phenomenon as an ideological paradigm, in which the world is seen divided into parts, where each part is self-sufficient and unique, and their diversity contributes to sustainable development. The article attempts to consider regionalism as an ideological system. For this purpose, a system approach in the interpretation of A.I. Uyemov and I.V. Dmitrevskaya is used. The study made it possible to identify concept, structure and substrate levels of the system organization of regionalism. As a core concept, the author sees the ability of the human mind to understand any space as heterogeneous and to isolate its parts — regions. Regionalism as ideology includes the perception (the emotional and psychological level) of the uniqueness of a person's space and community; the vision (the sensual and visual level) of its uniqueness; and the understanding (rational and logical level) of its uniqueness. Within the structure of the system, the author defines and analyzes substantial and formal components.

Keywords: regionalism, regional identity, ideology, ideological system, system approach

For citation: Dokuchaev D.S. Regionalism as an ideological system, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 162—167.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Докучаев Денис Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий отделением журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, den-dokuchaev@mail.ru

Dokuchaev Denis Sergeevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Head of department of journalism, advertisement and public relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, den-dokuchaev@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 168—175.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 168—175.

Научная статья

УДК 1:316:004

DOI: 10.46726/И.2024.5.19

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ АБЕРРАЦИИ

Дмитрий Григорьевич Смирнов, Никита Михайлович Ветчинин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

smimovdg@ivanovo.ac.ru, samboint@bk.ru

Аннотация. В фокусе внимания авторов статьи — проблема цифровизации сознания. Отмечено разнообразие в трактовках цифровизации вообще. Дано широкое определение цифровизации сознания. Сформулировано представление о когнитивном расколе (повороте), произошедшем в первой четверти XXI века. Определено, какую роль играют в нем естественный разум и искусственный интеллект. Предложена системная репрезентация цифровизации сознания, выделены три этапа философского осмысления этого феномена. Зафиксирована семиотическая специфика текущего момента цифровизации сознания. Проанализированы основания цифровой когнитивной аберрации — онтологическое и гносеологическое, которые и обуславливают несовершенство цифрового универсума. Сформулировано ее определение в контексте ноосферного дискурса соотношения естественного разума и искусственного интеллекта. Рассмотрены философские аспекты проблемы когнитивной аберрации через призму ипостасей философии — онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии. Сделан вывод о значимости проблематики ноосферной безопасности в контексте цифровизации сознания.

Ключевые слова: философия сознания, цифровизация сознания, когнитивная аберрация, когнитивные искажения, естественный разум, искусственный интеллект, цефализация ноосферы, когнитивное копирование, нейросетевое мышление, целевые ценности

Для цитирования: Смирнов Д.Г., Ветчинин Н.М. Цифровизация сознания: философские проблемы когнитивной аберрации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 168—175.

Вместо Введения. В контексте дискурса философии сознания особую значимость приобретает проблема цифровизации сознания. В этом ключе цифровизация является следствием (и одновременно измерением) глобализации, понимаемой как геологический процесс «объединения» планетарной природосоциотехнической системы. В первом приближении цифровизация сознания — это разнообразные когнитивные изменения, возникающие в работе сознания, в результате формирования и развития компьютерно-цифрового уклада¹.

Мы исходим из того, что в начале XXI века произошел фундаментальный когнитивный раскол. До этого разделения когнитивность цивилизации «репрезентовал» один лишь разум — естественный. В момент раскола зародилась

© Смирнов Д.Г., Ветчинин Н.М., 2024

¹ Не следует смешивать в формально логическом смысле понятия «цифровизация сознания» и «оцифровка сознания». Под последним понимается своеобразный перенос сознания человека в компьютерную среду, формирование цифровой алгоритмической модели, релевантной мыслительным процедурам естественного разума.

бинарная система естественного разума и искусственного интеллекта. С ходом все ускоряющегося исторического времени доминанта цивилизационной когнитивности сменилась: если раньше «ведомым» считался искусственный интеллект, то сейчас статус «ведомого» больше подходит естественному разуму.

Цифровизация сознания: системная репрезентация. Когда мы ведем речь о цифровизации сознания, то следует понимать, что, с позиции системного подхода², можно говорить о ее различных уровнях. Системный подход «работает» следующим образом: концепт (системообразующее свойство) задает структуру (системообразующее отношение) и «подбирает» под себя субстрат.

Рефлексия в отношении искусственного интеллекта изначально не носила системного характера. Первое, на что падал взгляд аналитиков, был элементарный уровень системы, иными словами — вещи цифрового бытия. Именно поэтому так долго вне фокуса внимания находились противоречия уровня свойств и отношений. Заметным итогом этого периода³ стал своеобразный «цифровой лудизм», ориентированный не на уничтожение новых гаджетов, а понимаемый как сознательный отказ от них, например, табуирование использования их детьми. С семиотической точки зрения, «цифровость» (в широком смысле, — связанность с миром цифры, информации, компьютера) рассматривалась как сигнал, сигнал инаковости. (В зависимости от степени открытости познающего субъекта этот сигнал маркировался либо как позитивный — признак инновационности, либо как негативный — признак опасности).

Второй этап (свидетелями которого мы сейчас невольно становимся) — это «выход» на рефлексию над системообразующими отношениями — отношения между гаджетом и человеком, человеком и информацией (данными), между человеком и человеком. Так, когнитивные модели «паука», «муравья» и «пчелы», созданные Френсисом Беконем, в наше время представлены моделями «дайвера» и «сёрфера» от Татьяны Черниговской. Так, система межличностных отношений сегодня требует оговорки, какие именно личности вступают во взаимодействие — аналоговые или цифровые. С семиотической точки зрения «цифровость» здесь получает значение, рассматривается как знак, отсылающий к тому, чем цифра является не сама по себе, а как цифра-для-нас. Эти значения мы и фиксируем в различного рода метафорах и функциях цифровой среды.

Третий этап — имеющий для нас определяющий характер — это приближение к пониманию «цифровости» как системообразующего свойства человечества в целом (актуального технико-технологического уклада). «Цифровость» постепенно становится «необходимым прилагательным» бытия культуры и цивилизации — цифровой человек, цифровая экономика, цифровая политика (цифровое правительство), цифровое образование, цифровая культура, цифровое общество. Все это указывает на то, что «цифровость» устанавливается как системообразующее свойство всего бытия человека и человечества⁴. С семиотической точки зрения здесь «цифровость» «идет

² Мы придерживаемся модели системного подхода, авторство которой принадлежит А. И. Уёмову. Именно он предложил рассматривать систему в единстве концепта (системообразующего свойства), структуры (системообразующего отношения) и субстрата, или уровня элементов.

³ Здесь субстратный уровень имеет определенную четкость, предъявленность, в то время как уровни структуры (системообразующего отношения) и концепта (системообразующего свойства) оказываются размыты.

⁴ Примечательно, что пока в научном дискурсе отсутствует термин «цифровое человечество», хотя вся логика разворачивания цифровизации подталкивает к его появлению.

далее» и обретает у познающего субъекта смысл, нечто такое, что напрямую не выводимо из значения цифровизации как таковой. В терминологии У. Эко это получило бы, наверное, статус отсутствующей структуры, которая «оставаясь скрытой, недостижимой, неструктурированной, порождает все новые и новые свои ипостаси».

Перечисленные «этапы» следует рассматривать не только в темпоральной плоскости, но и с точки зрения топологической взаимосвязи. В последнем отношении они, скорее, похожи на сосуществующие в научном сознании картины мира — классическую, неклассическую и постнеклассическую. С нашей точки зрения, модель их соотношения удачно описывается метафорой «матрешка»: каждая последующая включает в себя предыдущую. Так и с рефлексивными моделями: динамика присуща каждой из них, последовательно они лишь попадают в фокус социокультурного внимания.

Уникальность текущего момента в контексте наших размышлений задается тем, что именно сейчас может быть реализован собственно системный подход к феномену цифровизации сознания. В настоящей статье в фокусе нашего внимания когнитивная составляющая цифровизации сознания, а точнее — аберрации, которые являются результатом «встречи» естественного разума с «цифровостью».

Цифровые основания когнитивной аберрации. В метафорической форме искомые основания могут быть выражены следующими тезисами. Один из них принадлежит Биллу Гейтсу — «если тебя нет в интернете, то тебя не существует нигде». Добавим немного онтологической философичности высказыванию американского предпринимателя. «Если тебя нет в сети, то тебя нет». Иными словами, существование в сети становится фундаментальным критерием бытия. Декартовское сомнение («я мыслю, следовательно, существую») теряет бытийственную критериальность. Фактически здесь идет речь об экзистенциальной сегрегации, когда потенциальная социальная группа, находящаяся вне сети, лишается права голоса (мнения), ибо «мертвые не говорят». Мнение же цифровизированной части общества, достаточно гомогенное в силу принадлежности к одному тезаурусу, становится истиной. Истина оказывается монополизированной.

Второй тезис — «“Ученик превзойдет учителя” — это должна быть основная цель воспитания» — принадлежит японскому инженеру и предпринимателю, сооснователю корпорации Sony, автору широко известной книги по детской педагогике «После трёх уже поздно» Масару Ибуке. Емкая фраза, которая задает концепт образования, релевантна эпохе 1970-х годов, когда господствовала позиция, согласно которой каждое следующее поколение умнее предыдущего. Она «оправдывает» всю социокультурную динамику, которая в некотором смысле подчиняется олимпийскому принципу «Быстрее, выше, сильнее!». Диалектический закон отрицания отрицания также намекает на правоту этого эволюционного в своей сути принципа. Джордж Оруэлл скорректировал это так: «Каждое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, и более мудрым, чем последующее». Последняя мысль как нельзя лучше описывает складывающуюся ситуацию.

Представим, что мы перенесли мысль Масару Ибуки в наш дискурс взаимодействия естественного разума и искусственного интеллекта. Получается, что последний (как ученик) должен в конечном итоге превзойти своего учителя —

Вместе с тем широкое распространение и популярность приобрели digital humanities — в широком смысле — цифровые гуманитарные науки.

человека (как носителя естественного разума)⁵. А на следующем витке развития (в следующей итерации) искусственный интеллект уже будет выступать в роли учителя. Остается только вопрос — «Кого он будет учить»⁶ — человека с его «ненатренированным» естественным разумом или более продвинутую версию себя. (Заметим, что игрок го Фань Хуэй после своего поражения AlphaGo со счетом 5:0 заявил, что благодаря матчу он стал играть лучше и стал видеть в игре комбинации, которые ускользали от его взора ранее. За неполный год после поражения Фань Хуэй повысил свой мировой рейтинг примерно на 300 позиций.)

Названные основания — онтологическое и гносеологическое — создают условия для все более масштабного разворачивания когнитивной аберрации. В своей базе аберрация так или иначе связана с инструментальным несовершенством самой системы, где она возникает. В нашем случае последнее обусловливается, с одной стороны, «цифровой сегрегацией», а с другой стороны — нивелированием (сигналов) обратной связи. И то и другое, в свою очередь, связано с представлением о цифровизации (в том числе и сознания) как стихийном (а значит, неуправляемом и ненаправляемом) «геологическом» процессе.

Когнитивная аберрация⁷: философское измерение. Аберрация — термин, пришедший в когнитивистику из физики и астрономии, имеет «научную прописку» также в биологии, а в социогуманитарном дискурсе в психологии и социологии. В целом понятие «аберрация» имеет целый веер значений⁸. В принятом нами широком дискурсе современной гуманитаристики (которая включает в себя и когнитивистику) обратим внимание на такие смыслы, как «ослепление», «самообольщение», «заблуждение», «самообман»⁹ и предложим рабочее определение когнитивной аберрации как систематического отклонения от верифицированных (апробированных) моделей мышления в силу принятия несвойственного стиля (алгоритмов) мыслительного поведения цифровых платформ¹⁰.

⁵ Крайне интересно проанализировать когнитивные аспекты взаимодействия естественного разума и искусственного интеллекта в контексте представлений об учителе и ученике через призму высказывания В.Г. Белинского — «Ученик никогда не превзойдет учителя, если видит в нём образец, а не соперника».

⁶ Мысль В.Г. Белинского позволяет иначе взглянуть на игровое противостояние «человека и компьютера». Наиболее отчетливо момент соперничества проявил себя в матче — Google DeepMind Challenge Match — нейросети AlphaGo против Ли Седоля — обладателя 9 профессионального дана по игре го, самого сильного игрока в истории на данный момент. Нейросеть прочитала соперника (просмотрела все его матчи и комбинации), тем самым лишив его шансов на победу. «Ученик» превзошел своего учителя. (Заметим, что Ли Седоль так и не заявил о том, что матч положительно повлиял на него с точки зрения расширения видения игры.)

⁷ Обратим внимание на принципиальную несводимость когнитивной аберрации к рядоположенному понятию «когнитивные искажения». Последние понимаются как систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы [Канеман].

⁸ Словарь синонимов русского языка приводит такие его значения, как «обман», «обольщение», «отклонение», «ослепление», «ошибка», «самообольщение», «заблуждение», «самообман».

⁹ Все они приводят, как нам представляется, к тому, что в историческом тезаурусе получило выражение в сталинской метафоре «головокружение от успехов», когда «у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда».

¹⁰ Адаптивный, эмоциональный, социальный аспекты подобных отклонений имеют место быть [Боброва: 75—77], но в рамках нашего предпосылочного знания они носят

Цифровизация сознания в данном контексте оказывается предпосылкой возникновения когнитивной аберрации, ибо предстает как структурно-функциональное изменение в механизмах и принципах организации и деятельности индивидуального и общественного сознания, воспроизводящее на человеческом субстрате формы и алгоритмы работы искусственных интеллектуальных систем [Смирнов, Ветчинин].

Структура философского знания, фиксирующая единство онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии, позволяет осуществить комплексный «мониторинг» проблемы когнитивной аберрации.

В онтологической плоскости проблему составляет непосредственно системообразующее отношение между естественным разумом и искусственным интеллектом. Фигурально выражаясь, онтология аберрации коренится в признании подобия этих двух когнитивных феноменов. Такой подход проистекает, в свою очередь, из исходной интенции построить искусственный интеллект по образу и подобию естественного разума¹¹. Думается, что более эвристично рассматривать их соотношение через призму представлений о планетарной (ноосферной) цефализации, смысл которой «определяется процессами коэволюции естественного и искусственного разума в контексте реализации “принципа дополнительности”...» [Смирнов, Никифоров: 85]. Последний предполагает рядоположенность соперничающих феноменов вне контекста характерной для философии постановки вопроса о первичности и вторичности. Цефализация ноосферы [Смирнов] объясняет специфику текущего момента истории масштабированием мозга человека в цифровое измерение, ограниченно подчиняющееся законам эволюционной динамики¹². Следовательно, позиция уподобления естественного разума и искусственного интеллекта имеет значимые ограничения.

В гносеологической плоскости проблема видится в когнитивном копировании человеком «мыслительного поведения» широко понимаемого искусственного интеллекта. Жесткая подстройка мыслительных структур под алгоритмизированные цепочки «однозначных» ответов цифрового «мышления» — белое пятно современных когнитивных исследований. Логика подсказывает, что «нейросетевое мышление», исчерпав свой развлекательный заряд, становится постепенно повседневной практикой. Так, вместо тренировки собственного сознания, поддержания и усложнения собственных нейронных связей человек «прокачивает», обучает нейросети. У него развивается своеобразный синдром «короткого мышления» (сходный с диагнозами клиповости мышления Федора Гиренка и сёрфовости мышления Татьяны Черниговской), которое в контексте представлений о дискретно-континуальной природе сознания может быть определено как порционное (квантовое). Гаджетоориентированность, свойственная современному человеку, равно как и вынужденная зависимость от цифры в своей повседневности заставляют сознание и мышление подстраиваться под требования программного обеспечения. Все возрастающая

ярко выраженный субъектный характер, зависят от специфики конкретного индивида (за исключением, возможно, адаптивного аспекта, связанного с эволюционными представлениями).

¹¹ Здесь необходимо принять в расчет человекомерность наших представлений о сознании в целом, полученных, в том числе, с помощью цифровых технологий.

¹² Наиболее значимое отличие естественного разума от искусственного интеллекта заключается, на наш взгляд, в том, что последний не допускает в своем «мыслительном поведении» взаимоисключающих друг друга программ. Это хорошо продемонстрировано Айзеком Азимовым через так называемые законы робототехники.

скорость информационного потока не позволяет в полной мере осуществлять процедуры верификации и фальсификации данных.

В аксиологической плоскости по линии ценностей-вещей, ценностей-отношений, ценностей-свойств происходит знаковое смещение в сторону ценностей-вещей. В цифровой среде ценность последних зачастую не оспаривается, тогда как свойства и отношения обесцениваются. Точнее, ценности-вещи получают абсолютное (устойчиво-потребительское) значение, тогда как для ценностей-отношений и ценностей-свойств устанавливается критерий относительности¹³. Можно вести речь о целевых ценностях, которые продвигаются и поддерживаются с определенной, зачастую маркетинговой, целью. Базовая цель присутствия в сети (именно активного, а не пассивного) все более обретает экономический, рекламный характер, отодвигая экзистенциальный посыл на второй план.

В праксиологической плоскости существенное значение играет перемещение познающего субъекта из реальной реальности в цифровую реальность социальных сетей. Последняя, напомним, оказывается единственным критерием существования, поэтому присутствие в ней можно маркировать как добровольно-принудительное. Цифровое поведение предполагает смену доминанты позиционирования с этической на эстетическую. Классическая философская триада — Истина, Добро, Красота — заменяется на постнеклассический трезубец «мнение, выгода, эпатаж». В поведенческой плоскости акцент смещается с плана содержания на план выражения: факт присутствия оказывается значимее содержания этого присутствия (повода присутствия) в сети. Цифровая опосредованность коммуникативной среды порождает поведенческую безответственность, провоцирует вуайеристическую позицию (позицию невмешательства). Относительная закрытость социального окружения диктует зависимость от мнения так называемых друзей. Конструирование собственной картины мира ограничивается попытками копирования «историй успеха», подражания медийным кумирам.

Подчеркнем, что убежденность в нормальности (как неизбежности) названных выше тенденций и трендов является, скорее, результатом «головокружения от успехов». Обретенное благодаря «переходу на цифру» свобода от (например, рутинности, субъектности) так и не переросла в свободу для (например, познания, самосовершенствования)¹⁴. Все более обретающий черты искусственности разум массы не дает развернуться массе дряхлеющего (от бездействия) естественного разума [Брагин] и продемонстрировать свои преимущества перед мышлением боевых дроидов.

Вместо Заключения. Цифровизация сознания — фундаментальный процесс изменения природы сознания с аналоговой на цифровую. Его следует рассматривать через призму представлений о цефализации ноосферы, что позволяет обнаружить не только позитивные сдвиги, о которых и без того много сказано в научном и особенно журналистско-популистском дискурсах, но и обратить внимание на потенциальные риски и угрозы. Когнитивная аберрация как одно из актуальных на данный момент следствий цифровизации сознания имеет различные формы проявления, но ее цифровые основания коренятся в соотношении естественного разума и искусственного интеллекта. В этом

¹³ Причина подобного положения вещей видится в специфике цифрового хронотопа, который ориентирован на ситуацию «здесь-и-сейчас», настоящее длящегося время и на актуальное «простирающееся» пространство.

¹⁴ Здесь речь идет, прежде всего, об «одномерном человеке» Герберта Маркузе, «человеке-массы» Хосе Ортеги-и-Гассета.

контексте императив ноосферной безопасности, требующий сохранения разнообразных (в нашем случае «аналоговых») антропологических практик, может рассматриваться как глубинный регулятив цифровизации сознания.

Список литературы / References

- Боброва Л.А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3, Философия. 2021. № 2. С. 69—79.
(Bobrova L.A. Cognitive distortions, *Social and humanitarian sciences. National and foreign literature. Series 3, Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 69—79. — In Russ.)
- Брагин А.В. Проблема «массы Разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 59—67.
(Bragin A.V. The Problem of the “Mass of Reason” and the Stability of Development, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2010, no. 2, pp. 59—67. — In Russ.)
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016. 653 с.
(Kahneman D. Think slow...decide fast, Moscow, 2016, 653 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 17—30.
(Smirnov G.S. Cephalization of the noosphere: evolution of intelligent matter at the turn of the millennium, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2, pp. 17—30. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Ветчинин Н.М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127—134.
(Smirnov G.S., Vetchinin N.M. General digitalization as a global problem: Man and his digital consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 127—134. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
(Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)

DIGITALIZATION OF CONSCIOUSNESS: PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF COGNITIVE ABERRATION

Dmitry G. Smirnov, Nikita M. Vetchinin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovdg@ivanovo.ac., rusamboint@bk.ru

Abstract. The authors focus on the problem of digitalization of consciousness. The diversity in interpretations of digitalization is noted. A general definition of digitalization of consciousness is given. The concept of the cognitive split (turn) that occurred in the first quarter of the 21st century is formulated. The role of natural reason and artificial intelligence in it is determined. A systemic representation of digitalization of consciousness is proposed, three stages of philosophical understanding of this phenomenon are identified. The semiotic specificity of the current moment of digitalization of consciousness is recorded. The foundations of digital cognitive aberration are analyzed — ontological and epistemological, which determine the imperfection of the digital universe. Its definition is formulated in the context of the noospheric discourse of correlating natural reason and artificial intelligence.

Philosophical aspects of the problem of cognitive aberration are considered through the prism of the hypostases of philosophy — ontology, epistemology, axiology and praxeology. A conclusion is made about the significance of the issue of noospheric security in the context of the digitalization of consciousness.

Keywords: philosophy of consciousness, digitalization of consciousness, cognitive aberration, cognitive distortions, natural mind, artificial intelligence, cephalization of noosphere, cognitive copying, neural network thinking, target values

For citation: Smirnov D.G., Vetchinin N.M. Digitalization of consciousness: philosophical problems of cognitive aberration, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 168—175.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Ветчинин Никита Михайлович — преподаватель кафедры философии, главный специалист научно-исследовательского управления, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vetchininm@ivanovo.ac.ru

Vetchinin Nikita Mikhailovich — lecturer in the Philosophy Department, chief specialist of the Research Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vetchininm@ivanovo.ac.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 176—191.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 176—191.

Рецензия

УДК 81'374:004

DOI: 10.46726/H.2024.5.20

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ.

Рец. на: сборник материалов II международного симпозиума (Москва, Томск, 20—22 ноября 2024 г.) «Лексикография цифровой эпохи» / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: издательство Томского государственного университета, 2024. 300 с.

Константин Михайлович Денисов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия,
merry-go-round71@mail.ru

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karпова@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на сборник материалов II международного симпозиума (Москва, Томск, 20—22 ноября 2024 г.) «Лексикография цифровой эпохи», посвященный обсуждению актуальных проблем современной теоретической и прикладной лексикографии. В докладах поднимаются вопросы развития традиционной лексикографии в цифровую эпоху, предлагаются пути их решения, рассматриваются принципы построения новых лексикографических проектов, представленных в печатной и цифровой форме для различных целевых групп пользователей: студентов, переводчиков, специалистов и т. д.

Ключевые слова: цифровая лексикография, печатный, электронный, лингвокультурный, авторский, толковый, академический, специальный словарь, пользователь

Для цитирования: Денисов К.М., Карпова О.М. Новые горизонты современной лексикографии. *Рец. на: сборник материалов II международного симпозиума (Москва, Томск, 20—22 ноября 2024 г.) «Лексикография цифровой эпохи» / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: издательство Томского государственного университета, 2024. 300 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 176—191.*

Данный сборник включает материалы докладов второго Международного лексикографического симпозиума, основной площадкой проведения которого выступил Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина в г. Москве. Этот форум приурочен к празднованию Международного дня словарей и энциклопедий и дню рождения В.И. Даля.

© Денисов К.М., Карпова О.М., 2024

• Серия «Гуманитарные науки»

В симпозиуме приняли участие 180 ученых из 8 стран — России, Беларуси, Венгрии, Казахстана, Сербии, Тайланда и Франции. На два пленарных и девять секционных сессий, а также на заседание двух круглых столов было принято 135 докладов. Сборник состоит из 12 разделов.

Доклады посвящены 14 темам:

- лексикографические тренды в России и за рубежом;
- инновационные словарные проекты;
- методология цифровизации словарей и создание банков данных;
- приемы и способы лексикографирования;
- фиксация коммуникативных и когнитивных феноменов в словарях;
- лексикографирование фактов истории языка и динамики лексикона;
- справочники народно-разговорной речи;
- словарное описание единиц с метафорическим, символическим и иносказательным значением;
- словари языка писателей;
- организация мега-, макро- и микроструктуры двуязычных и полиязычных справочников;
- прикладное значение словарей для перевода и судебной экспертизы;
- создание учебных словарей русского языка для отечественных и иностранных пользователей;
- лингводидактический потенциал лексикографических источников;
- словарь и языковая картина мира.

Первый раздел отражает материалы пленарных докладов. Он открывается докладом М.Л. Каленчук (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН), который посвящен перспективам создания Российского Национального словарного фонда (НСФ). Несколько лет назад Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН приступил к созданию интернет-ресурса, представляющего в электронном виде данные о функционировании норм русского языка в их актуальном виде и исторической динамике. Для включения в НСФ было отобрано 33 словаря русского языка различных типов (как тех, что отражают все аспекты современного состояния родного языка, так и историко-этимологических). НСФ структурируется в различные модули в соответствии с запросами пользователей, что позволит оперативно создать лексикографическую справку-подборку из словарей всех или выбранных типов. Этот инструмент способен, на наш взгляд, повысить лексикографическую и общеязыковую компетенцию пользователей.

М.Н. Приемышева (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) в своем докладе затрагивает важные проблемы неографии — лексикографического описания новых и нетрадиционных ранее для словарей единиц, порождаемых интернет-дискурсом. В частности, она указывает на проблемы квалификации лексикализованных мемов, хештегов и отголофрастических, возникающих путем слияния сочетания и предложения. Решение этих проблем, по мнению автора, возможно только на основе новых подходов фундаментальной науки. Экземплификация доклада базируется на словарях новых слов и электронном ресурсе «Новое в русской лексике».

Доклад В.М. Мокиенко (Санкт-Петербургский государственный университет) посвящен проекту создания идеографического словаря русской фразеологической неологии последних четырех десятков лет. Этот проект разрабатывается на базе Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина в госуниверситете г. Санкт-Петербурга. Основной целью проекта является развитие

научного аппарата фразеологии и фразеографии в области идеографического корпуса устойчивых сочетаний русского языка, а также уточнение смысла понятия «фразеологический неологизм» в процессе изучения специфики процессов заимствования идиоматики, особенно в новейший период развития русского языка и сложных парадигматических сдвигов современного Российского социума.

Представитель Уральской семантической школы Л.Г. Бабенко (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина) продолжает тему языковой картины мира, представленной сквозь призму идеографических справочников. Проект лексикографов Екатеринбурга — Универсальный лексический синопсис русского языка — сконструирован на основе идеографических словарей и поличастеречного свода русской лексики. Особенно следует отметить подробную категоризацию и субкатегоризацию таксономии понятийных блоков, отраженных в синопсисе, на основе тщательной когнитивно-прагматической проработки механизмов восприятия и декодирования элементов знания об окружающей действительности.

Н.Г. Брагина (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) представляет проект «Тематический классификатор», открывающий возможности для создания серии построенных по общему принципу словарей. На основе этой концепции планируется создание Словаря лингвокультурных моделей (СЛКМ). Доклад проиллюстрирован фрагментами нескольких одно- и двуязычных словарных статей.

В докладе Е.А. Юриной и А.В. Балдовой (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) представлены способы и приемы лексикографического описания метафорических единиц русского языка в идеографическом словаре «Мир в зеркале пищевой метафоры». Дается подробное описание указанного словаря и развитие его макроструктуры за счет пополнения новыми входными единицами и детализации денотативных сфер. Авторам удалось выявить регулярные языковые номинации, основанные на образах гастрономической сферы, описать их структуру, экспрессивный и эмотивный потенциал и проиллюстрировать их употребление в различных видах дискурса.

Коллегами из Казахстана (А.Д. Жакуповой, О.А. Анищенко, Ж.Г. Темировой и Г.Р. Добровой — Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова) представлен проект воплощения мотивационно-сопоставительного словаря метавысказываний детей-монолингвов и детей-билингвов (МССДМ). Лексикографические методики позволили проследить механизм мотивационного ассоциирования. Концепция словаря включает разработку микроструктуры. Она состоит из трех информационных зон: вводной (толкование значения слова), экспериментальной (результаты психолингвистического эксперимента в виде ассоциативных реакций испытуемых) и характеризующей (структурно-семантические характеристики мотивированных лексических единиц на основе анализа детских высказываний).

Л.В. Рычкова (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы) рассказывает об опыте использования корпуса двуязычных белорусских региональных газет для разработки комплекса электронных справочников многоцелевого назначения: алфавитно-частотных и частотных словарей, конкордансов белорусскоязычных и русскоязычных аббревиатур и лексики газетных заголовков. Исследование вносит весомый вклад в развитие медиалингвистики и изучение процессов взаимодействия двуязычного медиапространства Союзного государства России и Беларуси.

Доклад М.И. Чернышевой и Е.И. Державиной (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) подводит итог шестилетней работы по созданию Электронного словаря заимствований, содержащего многостороннее описание лексики греческого происхождения в русском языке XI—XVII вв. Словарь содержит 4,5 тысяч грецизмов из русских письменных источников указанного периода. В докладе приводятся источники пополнения словника и отмечается обнаружение и описание целого ряда лексем и их дериватов, которые до сих пор не были представлены в русской исторической и славянской лексикографии. Отметим несомненную важность данной работы для исследования различных терминосфер (наука, религия, образование и т. д.).

Секция 1 симпозиума, носящая название «Новые словари и словарные проекты: от концепции к реализации», открывается докладом Ф.Э. Абдуллаевой и Н.Б. Лебедевой (Кемеровский госуниверситет) на тему «Представленность бионимов в различных словарях». Сообщение посвящено созданию разноязычного словаря бионимов, который отражает представление пользователя об объектах живой природы и позволяет проводить сопоставления на межъязыковом уровне. Основой послужил многолетний анкетный опрос информантов носителей 5 языков (по 150 человек от каждой языковой группы) по 10 бионимам. Изучались ассоциативные связи образов домашних и диких животных с реалиями языков и культур. Исследование раскрывает сущность и своеобразие языковой картины мира у представителей разных этносов.

В.В. Елифанова (МГУ им. М.В. Ломоносова) предлагает новую форму организации словарного материала на основе смысловой рубрикации в двуязычных словарях сочетаемости русского и немецкого языков. Автор предлагает оригинальную форму постатейных семантических помет в виде кратких ключей, позволяющих установить системные смысловые связи включенных в словарь языковых единиц.

В докладе И.В. Замановой (Чжэньчжоуский педуниверситет, Китай) также предлагается принцип семантической атрибуции языковых номинаций психических состояний человека в соответствующем тематическом толковом словаре русского языка. По мнению автора, это позволит провести точную классификацию и унификацию подобных лексем, уточнить их толкование и разграничить полисемию и омонимию. Подход автора представляется весьма продуктивным, поскольку основывается на солидном базисе воззрений отечественных лингвистов. Думается, что процесс унификации подобных единиц может быть еще более эффективным при включении в анализ точного разграничения номинаций терминологического и нетерминологического характера.

А.А. Ловчикова (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) представляет доклад на тему «Словарь политических метафор: от концепции к реализации (на материале китайского языка)». Основную цель при создании подобного словаря автор видит в лучшем понимании метафоры как формата политической концепции, влияющего на восприятия власти и политики. Автор приводит источники материалов для словаря метафор, классификацию политических метафор и проект структуры словарной статьи.

Лексикография все шире и глубже взаимодействует с другими лингвистическими дисциплинами. Примером этому служит доклад И.Г. Маланчук (НИЦ «Курчатовский институт», Москва), посвященный проекту электронного энциклопедического словаря речевых жанров. Развитие электронной коммуникации породило небывалое количество форм речевого общения, что побуждает к постоянному расширению жанровой номенклатуры в рамках существующих и нарождающихся функциональных стилей. Автор предлагает

вариант структуры словарной статьи открытого типа с возможностью добавления параметров жанра, его конститuentов и фактологии.

В докладе Л.В. Никитиной, Е.Е. Прониной (ВШЭ, Москва) и В.А. Саенганатесванг (Университет Тхаммасат, Таиланд) представлена концепция двуязычного тайско-английского словаря английских заимствований. Основными проблемами явились формирование словника и непротиворечивая фонетическая транскрипция англицизмов. Словарь находится в стадии разработки и его словник насчитывает более 340 входных единиц.

А.М. Плотникова (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) выступает с проектом создания Словаря благотворительности. Данный словарь, сформатированный по понятийно-гнездовому принципу, демонстрирует динамику развития языка добрых дел и фиксирует новейшие заимствования в сфере благотворительности.

В.И. Теркулов (Донецкий государственный университет) сообщает о процессе создания Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка. Особое внимание привлекает подход автора к новейшим тенденциям в аббревиации и сдвигам в акцентуации сложных аббревиатур.

Секция 2 «Проблемы описания языковых единиц в толковых словарях XXI века: традиции и новации» открывается докладом В.Ю. Апресян (Институт им. В.В. Виноградова РАН). Он посвящен симметричным словам в Активном словаре русского языка (АС). Автор рассматривает трактовку симметричных предикатов, обладающих общими синтаксическими свойствами, и демонстрирует, каким образом электронная база АС позволяет уточнить состав лексикографического типа и глубже понять его свойства.

Е.Ю. Ваулина (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) рассматривает задачу реализации электронного представления «Большого академического словаря русского языка». Автор предлагает пути компромиссного сохранения традиционного словарного абриса и введения инновационных решений навигации, повышающей оперативность получения и полноту запрашиваемой информации.

К «Активному словарю русского языка» вновь обращается И.В. Галактионова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в творческом поиске расширенной семантики слова *контур*. Автор предлагает шесть значений данной лексемы, приводя примеры ее контекстного использования в дискурсе.

Н.И. Голубева-Манаткина (МГУ им. М.В. Ломоносова) излагает основные результаты сопоставительного исследования словарей, созданных в России и Китае за последние два века. Ею и ее аспирантами проанализированы толковые словари, словари новых слов и двуязычные справочники. Отмечается большая энциклопедичность китайских словарей, различия в отборе слов и разнообразие региональных вариантов по сравнению с унифицированной русскоязычной формой. Автор приводит анализ лингвистических и экстралингвистических причин различий в подходе к процессу национального лексикографирования.

Н.Г. Кантышева и И.В. Соловьева (Тюменский государственный университет) исследуют терминологические словари на предмет смыслового наполнения препозитивной морфемы *квази*-. Дефиниционный анализ позволил авторам расширить список описанных ранее в толковых словарях значений, которые реализуются в профессиональном дискурсе.

А.В. Птенцова (МГУ им. М.В. Ломоносова) обсуждает проблемы лексикографирования звукоподражательных глаголов, в частности, вопрос включения

акциональных единиц, образованных от междометий, передающих звуки голоса животных и птиц.

Словарной критике в докладе Е.Г. Стуковой (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) подвергнут семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка». Автор убедительно доказывает необходимость уточнения основных параметров словаря для формирования достоверной научной базы создания современного электронного варианта данного лексикографического произведения.

Секция 3 «Словари образных средств языка и художественной речи» открывается докладом независимого исследователя Валерия Белянина, который посвящен описанию тональности в художественных текстах и ее отражению в лексиконах. Автор провел анализ более 200 художественных и публицистических текстов и более 100 фильмов и эпизодов путем атрибуции по дезидеративному (эмоционально-модальному) типу с последующей семантической обработкой результатов в среде R Studio.

В докладе А.В. Гик (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН) исследуется словарная статья «Слово» в Словаре языка русской поэзии XX века». На примере творчества поэтов Серебряного века в России автор анализирует метаязыковые характеристики данной семантемы.

На базе постулатов Уральской семантической школы М.В. Дудоровой (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) выдвигается оригинальная концепция и формулируются лексикографические параметры идеографического словаря языка Иннокентия Анненского. Особенностью этого авторского словаря станет формирование представления об индивидуально-авторской картине мира, которое будет отражено в толково-идеографической части справочника, содержащего также и традиционную алфавитную составляющую.

А.О. Замятина (Томский государственный университет) представляет проект двуязычного словаря соответствий фразеологизмов и паремий на материале колоративов в русском и испанском языках. Подобный лингвокультурологический справочник представляет собой интересный опыт сравнения модальности цветоощущения у двух европейских народов.

Основные положения фигуративной лексикографии рассмотрены в словарном проекте Н.Р. Кошкарновой и О.А. Солоповой (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) «Образ России в медиадискурсе стран БРИКС». Данный справочник планируется как полиязычный словарь метафор на материале пяти языков: русского, английского, хинди, португальского и китайского.

Е.В. Купчик (Тюменский государственный университет) рассматривает метафорические модели со сферой цели «радость» в словарях поэтических образов Н.Н. Ивановой и Н.В. Павлович. Сопоставляются и анализируются антропоморфные, зооморфные и фитоморфные характеристики радости в русских художественных текстах.

Проект словаря русских зоотропов представляет З.И. Минеева (Петрозаводский государственный университет). В словарь планируется ввести лексико-семантические варианты зоотропов, актуальных для первой четверти XXI века, а также их модификационные дериваты и контаминанты, выделенные из Национального корпуса русского языка.

Независимый исследователь из Москвы Ю.А. Сафонова приводит данные об оригинальном справочнике С.Г. Займовского «Крылатое слово». Представляется, что подобные историографические изыскания проливают свет на

драматический путь создания, жизни и превратностях судьбы интересных произведений отечественной лексикографии и их авторов.

Е.В. Шарапова (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) обсуждает концепцию, структуру и наполнение словаря интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского. Отметим продуктивность идеи детализации словаря этого великого писателя — мастера оттенков и полутонов оценочных словосочетаний. Создание подобного словаря позволит глубже заглянуть в лабораторию художественного идиостиля писателя.

Идиоматическая фразеология, несомненно, является ведущей характеристикой любого национального языка и его стилей. И.Ю. Шишлова (Ивановский государственный университет) обосновывает необходимость включения цитат из научных текстов в практику составления словарей фразеологии. Особый интерес вызывает анализ фразеологических единиц со «спорной» окраской в межстилевом пространстве национального языка, что в наше время часто имеет место в медиадискурсе.

Секция 4 «Словарь как источник фундаментальных и прикладных исследований» открывается докладом П.Е. Беловой о словарях жаргона наркоманов как инструмента для работы эксперта-лингвиста и о перспективах создания сводного словаря языка представителей данной субкультуры, который на данный момент включает более 1000 входных единиц.

Я.М. Бухаров (ИРЯ им. В.В. Виноградова, РАН) представляет краткий очерк языковой картины болезни (ЯКБ) как объекта лингвистического исследования с обоснованием использования «Активного словаря русского языка» в качестве источника сравнительного материала и навигатора маршрута семантической деривации. Автор иллюстрирует применение словаря на примере употребления слова *боль* в описании своего состояния больными эссенциальной гипертензией.

Сопоставительный анализ отечественных многоязычных морских словарей XVIII—XX веков представляет А.С. Епимахова (Северный федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск). Многоязычный характер словарей LSP предъявляет особые требования к выбору релевантной информации и к структурированию справочников. На современном этапе цифровые технологии позволяют преодолеть многие ограничения бумажных словарей, оптимизируя поиск и отбор насыщенной информации.

Исследование Е.А. Ким (Тюменский государственный университет) включает лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий с гастрономическим компонентом «глютоним» на материале русского, английского и узбекского языков. Автор рассматривает семантику паремий и фразеологизмов по семи дискурсивным дескрипторам (труд, знания, достаток, черты характера, здоровье, власть и отношения).

«Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998) послужил основой исследования К.С. Кочергиной (Томский государственный университет) в качестве источника сведений об отрицательно-оценочной лексике для решения одной из задач лингвистической экспертизы — определения наличия/отсутствия в конфликтных текстах отрицательной оценки лица или группы лиц.

З.Ю. Петрова и Н.А. Фатеева (ИРЯ им. В.В. Виноградова, РАН) представляют методику лексикографического описания персонифицированных метафор и сравнений на примерах шестого выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XXI вв.».

Эмотивные метафоры теплового восприятия являются предметом изучения для М.А. Романовой (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Исследование проводилось на материале словаря-тезауруса эмотивной лексики «Алфавит эмоций». Статистический анализ осуществлялся при помощи электронной базы данных эмотивной лексики по 19 денотативно-идеографическим группам дескрипторов.

А.А. Скоропадская (Петрозаводский государственный университет) обращается к истории отечественной лексикографии. Ретроспективному анализу подвергаются российские словари XVIII на предмет вхождения слова *гений* в русский язык как сложного философского понятия и освоение русским языком формы и содержания данной лексемы в восемнадцати словарях той эпохи.

Т.В. Тарасенко (Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева) повествует о семантической ситуации *голод*, представленной в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: 1594—1893 годы».

Секция 5 «Компьютерная и корпусная лексикография: новые методы и возможности» открывается сообщением Р.А. Верняевой и С.Д. Зливко о возможностях использования диахронических электронных словарей ИАС «Манускрипт». Данный инструмент содержит материалы различного профиля — от древних рукописей до терминологических справочников (в т. ч. авторизованных). Этот дистрибутивный словарь можно использовать, в частности, для построения конкордансов, получения статистических данных и дифференцирования номинативных единиц (термин/предтермин).

В докладе О.В. Гончаровой (Пятигорский государственный университет) представлена система автоматического аннотирования аудиофайлов, использующая модели машинного обучения и скрипты на Python. Многоуровневая аннотация позволяет создавать лексикографические корпуса аудиоданных, а также изучать сегментные и просодические характеристики речи.

Фонетическую проблематику поддерживает доклад Т.Н. Коробейниковой (ИРЯ им. В.В. Виноградова) посвященный произношению фразеологизмов и созданию базы аудиоданных на основе экспериментально-фонетических исследований. Исследование нацелено на уточнение соотношения прескрипционной и узуальной орфоэпии в аспекте коллокативного ударения.

А.И. Крюкова (МГУ им. М.В. Ломоносова) посвящает свое сообщение семантике русских коннекторов и их использованию на метатекстовом уровне. Автором приводится общая схема семантических зон и потенциалов сочетаемости русских коннекторов, а также приводятся примеры стилистических особенностей их использования.

Прагматический аспект русских коннекторов рассматривает в своем докладе А.А. Осипова (Институт языкознания РАН). Автор исследует иллокутивные свойства коннекторов в полипредикативных структурах на основе базы Рускон, содержащей данные о семантике, синтактике и прагматике данных единиц русского языка. Интересной представляется информация об ограничениях в использовании коннекторов по типам речевых актов.

Н.А. Ребецкая (ИРЯ им. В.В. Виноградова) анонсирует инновационный лексикографический продукт — Интерактивный словарь языка Пушкина, созданный в рамках проекта «Электронизация словаря Языка Пушкина». Этот словарь предоставляет неограниченный доступ ко всем элементам словарных статей печатного издания по всему комплексу текстов поэта и дает возможность осуществлять корпусные исследования этих элементов. Автор приводит примеры уже осуществляемых исследований подобного рода.

М.В. Хохлова (Санкт-Петербургский государственный университет) представляет квантитативный анализ устойчивых словосочетаний русского языка в словарях и корпусах текстов. Данное исследование демонстрирует комплементарность словарей и корпусов в процессе исследования коллокаций. В настоящее время в базе данных содержатся 40 000 коллокаций и созданы два интерфейса (для рядовых пользователей и специалистов).

Секция 6 «Актуальные проблемы диалектной лексикографии и региональные словари» открывается докладом Э.Н. Акимовой и Т.И. Мочаловой (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва) об опыте составления словаря одного мордовского говора. Авторы продолжают традицию по описанию лингвистического разнообразия России, заложенную академиком Л.В. Щербой, делая упор на культурологическую составляющую описываемого языкового ареала.

М.А. Бобунова (Курский государственный университет) повествует об идее создания лексикографических комплексов отдельных былинных сказителей. Автор демонстрирует возможности современной лингвофольклористики в изучении текстов XIX века для исследования идиолекта сказителя эпоса. На данный момент подготовлен лексикографический комплекс былин кижского сказителя В.П. Щеголенка на базе трехтомника «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга. Составлен алфавитно-частотный словник из 1286 лексем, частотный словарь и конкорданс с паспортизованными контекстами словоупотреблений.

Работа О.Г. Борисовой и Л.Ю. Костиной (Кубанский государственный университет, Краснодар) направлена на создание серии тематических словарей, отражающих лексико-фразеологическую систему говоров отдельных районов Кубани.

В докладе Д.Г. Демидова и О.В. Трофимовой (Санкт-Петербургский государственный университет) анализируются 19 разговорных слов «пограничной зоны» по записям тобольских краеведов середины XIX века. Подобные исследования помогают проследить миграцию диалектизмов в общерусское просторечие, а также проанализировать семантическую миграцию литературных слов как процесс обогащения когнитивной структуры русского национального языка.

Ю.В. Зверева (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет) рассматривает особенности словарного описания глаголов, обозначающих приготовление пищи в рамках тематического справочника, который дает возможность выявить оттенки значения, показать синтагматические связи, особенности словообразования и своеобразие традиционной кухни.

Проект «Этнолингвистического словаря Кенозерья» представлен в докладе И.Б. Качинской (МГУ им. М.В. Ломоносова) и предполагает своей целью отражение духовного и материального аспектов жизни Русского Севера. В качестве примера приводится пробная словарная статья «Рождение младенца».

А.Б. Коконова (МГУ им. М.В. Ломоносова) исследует языковую личность Архангелогородского поэта Н.А. Попова и представляет поэтический словарь авторских слов и окказионализмов, позволяющий оценить богатство речи носителя языка и важные для него мировоззренческие темы.

Проект этнолингвистического словаря Восточного Забайкалья представляет Н.А. Лиханова (Новосибирский государственный технический университет). Следуя принципам территориального описания лексики А.С. Герда, автор планирует в рамках словаря создание логико-понятийных моделей с целью тематической группировки и описания входных единиц на основе использования

широкого круга источников лингво-этнографического типа для реконструкции фрагментов региональной картины мира.

Словарь модальных слов говором Среднего Приобья планирует создать А.Е. Рулева (Томский государственный университет, Томск). Предварительный анализ региональной модальной лексики показал специфику диалектного дискурса и порождение новых оттенков и созначений в речи местных жителей.

А.О. Филиппова (Томский государственный университет) поднимает проблемы систематизации речевых жанров диалектной коммуникации и представляет проект Энциклопедии среднеобских говором, при реализации которого будут учтены тип речевой культуры и специфика речевого общения. Создание подобных энциклопедий является одним из способов сохранения и развития национальной культуры и идентичности в условиях глобализации.

Секцию 7 «Словари в лингводидактической и переводческой практике» открывает Е.В. Виноградова докладом о созданной модели двуязычного тезауруса судостроительной терминологии. Словарь призван стать инструментом описания терминосистемы через иерархическую структуру и семантические связи и средством выявления межъязыковых несоответствий русского и английского LSP через параллельную структуру тезауруса. Планируется представление тезауруса в онлайн-формате с применением гиперссылок и текстового выделения.

Доклад К.Ю. Давлетдиновой и Д.М. Мухамадиевой (Тюменское ВВИКУ им. А.И. Прошлякова) посвящен изучению спортивной лексики иностранными курсантами подготовительного этапа на занятиях по русскому языку с использованием визуального минисловаря. Авторы представляют электронную (в программе SunRav BookEditor) и бумажную версии многоязычного переводного идеографического мини-словаря, характеризующегося тематическим расположением материала, снабженного удобной навигацией и иллюстративным материалом.

Д.В. Долбилова (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) предлагает введение нового типа зоны в микроструктуре учебного словаря для иностранных студентов — зону активного речепорождения. Автор убедительно доказывает необходимость подобного нововведения для этого круга пользователей. При наличии данной зоны учебный словарь способен выполнять функцию полноценного учебного пособия.

В докладе Е.А. Дьяконовой (Центр обучения иностранным языкам СОШСО, Москва) содержатся пролегомены англо-русского лингводидактического словаря антропоцентрического типа под названием «Контрастивный лингвокогнитивный визуализатор», целью которого является обучение английскому языку с помощью выявления и демонстрации лингвокогнитивной асимметрии. Идеологической основой создаваемого пособия является сопоставительный метод И.А. и М.А. Стерниных. Словарь содержит стереотипные ситуации в осмыслении носителями двух разных культур, что отражается в семантико-когнитивных фреймах, представляющих собой материал для сопоставления и анализа.

Коллективный доклад Д.Д. Калининой, Т.Г. Никитиной и Е.И. Рогалевой (Псковский государственный университет) отражает новый межкультурный интернет-проект представления российскими младшими школьниками вместе со своим наставником фразеологических словарей Псковской лексикографической школы эстонским сверстникам. Авторы подробно описывают как богатый инструментарий электронных технологий, так и способы творческого вовлечения детской аудитории в процессы создания и обсуждения словарной продукции.

В докладе А.В. Курьянович и Е.А. Серебренниковой (Томский государственный педагогический университет) представлен словарь концептов как учебный лексикографический источник нового типа и как средство создания вторичной картины мира. Базовые и периферийные концепты словаря позволяют систематизировать категории окружающего мира и выступают инструментом регулирования когнитивной деятельности вторичной языковой личности.

А.Н. Лапошина (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) обсуждает потенциал корпуса учебников по РКИ как источника частотных данных при оценке семантической ценности слова. Представленная методика подсчета и оценки позволяет выделить лексемы, необходимые для учебников заданного уровня сложности. Полученные данные найдут практическое применение для корректировки лексических минимумов или учебных словарей для инофонов, изучающих русский язык.

Цзэн Юань (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы) рассматривает возможности интеграции цифровых технологий и этноориентированной модели в обучение деловому русскому языку для китайцев на уровнях А-1 и А-2. Упор делается на инновационное использование словарей, адаптированных к этнокультурным особенностям целевой аудитории пользователей. Представлена удачная модель сочетания офлайн и онлайн форматов при обучении терминологии и процедурам делового дискурса.

Секция 8 «Исторические словари: проблемы составления и использования» начинается со статьи О.В. Васильевой (Санкт-Петербургский государственный университет), в которой описаны все средства подачи грамматической информации о словах и устойчивых словосочетаниях, используемые в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков (СОРЯ). Эпоха формирования русского национального языка, отраженная в словаре, требует максимальной детализации информации о грамматике каждого слова и фразеологизма.

В статье Е.В. Генераловой (Санкт-Петербургский государственный университет) представлена концепция словаря новаторского типа — исторического фразеологического дифференцированного словаря русского языка делового и повседневного общения XXVI—XXVII веков. И вновь автор обращается к судьбоносной эпохе и диахроническому описанию богатого фразеолофонда времени позднего русского средневековья. Источниками его пополнения (а на данный момент это 4500 единиц) служат исторические картотеки, словари, личные картотеки исследователей и данные старорусского подкорпуса НКРЯ.

Вопросы лексикографического источниковедения рассматриваются в докладе Е.И. Державиной и Н.П. Иордани (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) на примере материалов Словаря русского языка XI—XII веков. Авторы освещают процесс включения новых научных изданий рукописей, установления соответствия между разновременными изданиями и переизданиями (Дополнительная тетрадь) и ход анализа последних изысканий, касающихся датировки рукописей. Отдельно рассматривается выявление соотношений источников Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского и Словаря русского языка XI—XVII веков с целью создания электронного издания Указателя источников Словаря русского языка XI—XVII веков.

И.А. Кюршунова (Петрозаводский государственный университет) поднимает вопрос о создании Исторического антропонимического тезауруса для наиболее полной инвентаризации антропонимов, зафиксированных в документах донационального периода. База данных справочника, по мнению автора, должна иметь открытый вход для добавления новых материалов, превращающих

этот антропонимический ресурс в разряд ономастикона-тезауруса. Его материалы — это рабочая область электронного ономастического словаря полного типа, которые должны включаться в научный оборот.

Г.А. Мольков (Санкт-Петербургский институт истории РАН) представляет проект словаря морских терминов конца XVII — первой половины XVIII в. Отсутствие специального справочника данной эпохи автор планирует восполнить с помощью терминографической обработки документов по морскому делу. Интересным аспектом исследования является анализ избыточности терминологии, вызванной конкуренцией традиционных русских наименований и заимствований из ряда западных языков. Для лексикографического представления этой особенности предусмотрена система межстатейных отсылок и дополнительных технических статей отсылочного типа.

Сообщение М.И. Чернышевой и Н.П. Иордани (Институт русского языка им. В.В. Виноградова) содержит информацию о считавшемся ранее утерянным русским рукописном переводе XVII в. четырехязычного Лексикона (Тезауруса) Герасима Влаха, авторство которого приписывалось Сильвестру Медведеву. Этот документ является наглядным примером творческого подхода переводчика к передаче греческого текста на русский язык и раскрывает богатую палитру вариантов трансляции значимых лексем.

Секция 9 «Антропоцентрическая лексикография: словарная презентация различных аспектов языковой системы и речевой деятельности» открывается докладом Р.А. Аксариной и Л.В. Басовой (Тюменский государственный университет), посвященного формированию современной системы значений предлога родительного падежа *на предмет* на материале Национального корпуса русского языка. Авторы оспаривают мнение об устаревшем характере предлога и приводят шесть ЛСВ его употребления в речевой практике XXI века как стабильно развивающегося полисеманта.

Г.Ф. Богачева (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) на примере Русского тематического словаря рассматривает особенности описания значений слова в идеографическом словаре. Автор приходит к выводу о том, что под понятием «словарно-речевое слово» понимается заголовочная единица идеографического словаря, в которой актуализированы только те семы, что реализуются в рамках определенной смысловой группы и может не совпадать со словарным словом по объему значения.

В докладе Т.М. Ворониной (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) рассматриваются лексемы с семантикой повторяемости и/или периодичности на материале разрабатываемого Универсального идеографического словаря-тезауруса (проект под руководством проф. Л.Г. Бабенко). Автор рассматривает различные способы интерпретации повторяемости в лексической семантике, что позволяет детально представить тезаурусные компоненты сферы «Время».

В.В. Данилова (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) представляет анализ эмотивной лексики с семантикой грусти, извлеченной из словаря-тезауруса «Алфавит эмоций». Автором проводится категоризация 151 лексемы по восьми когнитивно-деривационным группам. Следует, по-видимому, учитывать амбивалентность данной эмоции при анализе ее репрезентирующего отношения к кому-либо.

Лексикографическое представление цифровой реальности является актуальной темой последних лет. И.К. Мухину (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина) интересуется пересечение когнитивных сфер на денотативно-идеографической карте языка в процессе отображения этой реальности.

Автор представляет Идеографический словарь ключевых концептов, созданный в Уральской семантической школе на материале фразеологизмов и паремий из сферы компьютерных технологий. Анализ материалов словаря и исходного дискурса свидетельствуют о том, что привычные атрибуты повседневной жизни перемещаются в виртуальную сеть интернета, что находит отражение в лексико-фразеологических репрезентациях концептов.

И.В. Нечаева (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН) анализирует принцип орфографического прецедента при словарной кодификации заимствований, не подпадающих под орфографические правила воспринимающего языка. Автор на примерах показывает несостоятельность данного инструмента кодификации и предлагает использовать в таких случаях принцип ограниченной вариативности.

Ю.В. Николаева (МГУ им. М.В. Ломоносова) предлагает новый подход к лексикографическому описанию жестов, сопутствующих речи. Суть его состоит в том, что функциональное значение при его описании и представлении должно соответствовать синтаксическим свойствам его вербальных коррелятов, включая их просодическое оформление.

Результаты концептуально-дефиниционного анализа пяти русскоязычных концептов (меньшевик, большевик, царь, попутчик, тройка) с сопоставлением их словарных репрезентаций в английском языке представляют М.Ф. Панченкова и А.В. Эльстон-Бирон (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург). Авторы приходят к выводу о том, что в английском языке создаются новые сферы употребления русизмов (преимущественно сфера политики) с превалированием отрицательно-коннотативных оттенков смысла.

У.И. Турко (Елецкий государственный университет) исследует ассоциативную семантику слова *учительница* на материале «Словаря ассоциативных норм русского языка» (1977). Рассматриваются 12 ассоциативных представлений, среди которых выделяются характерные доминанты.

В рамках круглого стола «Цифровые технологии в словарном деле: опыт применения и перспективы развития» были представлены и обсуждены шесть докладов.

Н.И. Киреев (Высшая нормальная школа, Париж) предлагает проект интерактивного указателя общедоступной библиографической базы данных по словарям русского языка начала XVIII — начала XX века. Указатель будет включать ссылки на оцифрованные словари в Интернете с гибким поиском для исследователей различных профилей.

Новая продвинутая версия электронной базы «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) по задумке авторов должна прийти на смену электронной картотеки 2009 года, не соответствующей современным требованиям. В докладе М.Д. Корольковой и И.М. Егорова (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) содержится общая информация о продукте, сценарий его использования в научных и образовательных целях и перспективы сохранения результатов картографирования диалектной лексики как нового шага в развитии Всероссийского проекта ЛАРНГ и русской диалектной лингвогеографии.

Ю.Ю. Макаров (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) информирует о преимуществах словарной платформы OnLex при подготовке словарного продукта на всех этапах — от создания и обсуждения статей до редактирования, подготовки макета и публикации. Платформа поддерживает

мультимедийные иллюстрации, а также может использоваться для оцифровки существующих словарей и подготовки новых изданий.

В докладе Н.А. Максимчук (Смоленский государственный университет) обсуждается создание базы данных ономастической лексики нормативно-научной картины мира как формы организации общеобязательного научного знания. Автор обосновывает значение такого цифрового ресурса как для лексикографирования ономастической лексики, так и для учебно-просветительской практики.

Н.А. Мишанкина (Томский государственный университет) представляет анализ системы метафорических терминологических единиц. База данных метафорической терминологии квалифицируется автором как единый термографический ресурс, устанавливающий связь между лингвокогнитивными моделями языка и терминосистемами 10 профессиональных областей. Подчеркивается влияние языковой картины мира на формирование профессионального знания и базовых гносеологических процессов.

Е.В. Суровцева (МГУ им. М.В. Ломоносова) повествует о работе, проводимой в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ, по созданию корпуса житий новомучеников и исповедников на материале восьми томов «Житий новомучеников и исповедников Российских XX в Московской Епархии». Работа ведется с помощью автоматизированной системы «Диктум». Наряду с анализом концептов проводится осознание, выделение и формулирование основных констант православной русской культуры.

Второй круглый стол симпозиума был посвящен «языкам народов России и проблемам билингвизма в зеркале словарей».

Одним из самых многоязычных уголков России является Дагестан. Достаточно сказать, что количество говоров этой республики превосходит количество произносительных диалектов Великобритании. Сообщение А.П. Алексеевой и Т.А. Майсака (НИУ ВШЭ, Москва) посвящено проекту составления электронного словаря кининского говора ругульского языка (лезгинский вариант) с подробной частеречной информацией, переводами и контекстуальной экземплификацией. Словарь представляет собой результат полевых исследований в с. Кина (Дагестан) и насчитывает уже 1250 входных единиц.

Вопросы языковых и культурных контактов рассматриваются в докладе Т.Г. Дедова и Т.Д. Балахнова (Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, Москва). Он посвящен базе данных DAG-APT, которая содержит лексические заимствования из арабского, персидского и тюркских языков в языки Дагестана. Проводится анализ лексики в соотношении с видами дискурса и жанрами его представления.

Сообщение А.А. Левит (Пятигорский государственный университет) посвящено созданию, описанию и анализу аудио баз данных эмотивной речи билингвов. База речевых данных представителей русской и армянской этногрупп реализована в формате Djangj-Postgres и позволяет не только изучать особенности эмоциональной коммуникации в условиях языкового контакта, но и формировать специализированные словари и глоссарии. Многоуровневая разметка аудиофайлов открывает возможности для описания сегментных и суперсегментных характеристик речи представителей различных этносов.

Тему разноязычия Дагестана продолжает исследование Г.А. Мороза и В.Д. Зубкова (Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, Москва), посвященное лексикографическому банку данных, созданному на основе различных источников и содержащему сведения об идиомах

андийской ветви нахско-дагестанской семьи. Полученная база данных является опорой для возможных сравнительных исследований в области фонетики, морфологии, идиоматики и общей семантики андийских языков, получивших статус языка лишь в XXI веке.

Е.Р. Николаев (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск) представляет проект словаря гастронимов якутского языка. Источниками его создания послужили полевые изыскания автора, а также краеведческая литература, фольклор, словари, этнографические труды и материалы диалектологических экспедиций. Автор уделяет особое внимание реконструкции забытых блюд национальной кухни. Словарь призван служить не только основой создания корпуса названий традиционной пищи, но и способствовать развитию гастрономической культуры республики Саха.

Н.Р. Ойноктинова (Горно-Алтайский государственный университет) рассказывает о проекте этнолингвистического словаря лексики животного мира Горного Алтая. Словарь фаунонимов отражает языковую картину мира, традиционные верования, обряды и поверья алтайцев. При описании входных единиц учтены фонетические и лексико-семантические особенности слов как алтайского литературного языка, так и его диалектов.

В заключение следует отметить возросший интерес молодых исследователей к изучению богатого наследия национальных языков и культур, что, несомненно, способствует развитию Российской лексикографии на новом качественном уровне при безусловном сохранении богатейших традиций отечественной лексикографической школы. В сочетании этих двух начал видится возможность достижения новых горизонтов этой замечательной науки.

NEW PERSPECTIVES OF MODERN LEXICOGRAPHY.

Book review: Lexicography of the Digital Age.

Proceedings of the II International Symposium

(Moscow, Tomsk, November 20—22, 2024).

Tomsk: TSY Press, 2024, 300 p.

Konstantin M. Denisov

Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation,
merry-go-round71@mail.ru

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. Readers are presented with a review of II International Symposium Materials (Moscow—Tomsk, November 22—24, 2024) “Lexicography of the Digital Era”. The symposium was devoted to the discussion of topical issues of the present-day theoretical and applied lexicography. Presentations focused on issues of traditional lexicography development in digital age, principles of new lexicographic projects construction, aimed at different target groups: students, interpreters etc.

Keywords: digital lexicography, printed, electronic, linguocultural, author, explanatory, academic, specialized dictionary, user

For citation: Denisov K.M., Karpova O.M. New perspectives of modern lexicography. *Book review: Lexicography of the Digital Age. Proceedings of the II International Symposium (Moscow, Tomsk, November 20—22, 2024).* Tomsk: TSY Press, 2024. 300 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 176—191.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 01.12.2024.

The article was submitted 26.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 01.12.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Денисов Константин Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru

Denisov Konstantin Mikhailovich — Candidate of Sciences (Philology), associate Professor, Department of foreign languages № 2, Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 192—198.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 192—198.

Рецензия

УДК 7.036(470.314)(049.32)

DOI: 10.46726/И.2024.5.21

МСТЁРА КАК ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА РОССИИ 1920-Х ГГ.

Рец. на книгу: М.Л. Бирюков. Мстёрский ковчег.

Из истории художественной жизни 1920-х гг.

М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 468 с.

Дмитрий Игоревич Польшанский

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dipol53@mail.ru

Аннотация. Цель рецензии — обратить внимание читателей журнала на книгу М.Л. Бирюкова «Мстёрский ковчег» об истории свободной художественной мастерской, школы-коммуны и художественного техникума, работавших в Мстёре в 1920-е гг. Опираясь на неопубликованные материалы преподавателей и учеников мастерской и широкий круг впервые вводимых в научный оборот архивных документов, автор книги раскрывает практически неизвестные страницы истории провинциальных реминисценций российского художественного авангарда, видные представители и любители которого занимали прочные позиции в соответствующих звеньях советской системы образования в области искусств. Учащиеся художественных мастерских и техникума с интересом занимались у работавших в Мстёре и приезжавших из Москвы и Петрограда/Ленинграда практиков и теоретиков левого искусства, но на практике глубоко укорененные в Мстёре традиции иконописания и твердые реалистические позиции в искусстве руководителя мастерского учебного комплекса Ф.А. Модорова и большей части его коллег способствовали скорее широте и вариативности творческих взглядов выпускников, чем подготовке молодой смены авангардистов. Отмечены пересечения истории «Мстёрского ковчега» с другими традиционными художественными центрами — Палехом и Холуем, а книга в целом может считаться образцом современного художественного краеведения.

Ключевые слова: Мстёра, опытная станция Наркомпроса, Ф.А. Модоров, искусство авангарда, Холуй, Палех

Для цитирования: Польшанский Д.И. Мстёра как «опытная станция» художественного авангарда России 1920-х гг. *Рец. на книгу: М.Л. Бирюков. Мстёрский ковчег. Из истории художественной жизни 1920-х гг. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 468 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 192—198.*

Книга Михаила Львовича Бирюкова — историка русской художественной культуры, основателя и хранителя владимирского «Розановского центра», посвященного жизни и творчеству художницы Ольги Розановой, — цельное, основанное на впечатляющем массиве документов исследование истории свободных художественно-ремесленных мастерских, которые под разными названиями и в разных организационных формах работали в Мстёре в 1918—1928 гг. История этого уникального и практически неизвестного феномена, поместившегося, по оценке автора, между двумя этапами жизни мстёрского искусства —

иконописи и лаковой миниатюры, — тщательно и подробно восстановлена в исследовании на основе многочисленных архивных документов, воспоминаний участников и современников событий, преподавателей и воспитанников мастерских, сохранившихся рукописей и артефактов. С первых страниц книга, снабженная множеством уникальных иллюстраций, увлекает читателя новизной и разнообразием документального материала, точно сформулированными определениями и оценками и, не в последнюю очередь, богатым и образным, но вместе с тем точным в определениях и выводах языком.

Вызов хотя бы отдаленного соответствия этому языку встанет перед каждым, кто захочет написать об этой книге. Читатель найдет в ней сплетающееся из множества персонажей, пересечений человеческих судеб и запоминающихся деталей яркое и многоцветное повествование. В ней нет главного героя, хотя, по словам М.Л. Бирюкова, есть «сквозной персонаж» — уроженец Мстёры, выпускник петроградского Высшего художественного училища при Академии художеств Федор Александрович Модоров (1890—1967). Автору книги удалось найти в Государственном архиве Владимирской области (ГАВО) записи и воспоминания тех, кто учился в мстёрских мастерских в 1920-е гг., и дополнить их материалами архивов их семей и документами ГАРФ и РГАЛИ, архивов и рукописных собраний Академии художеств, Русского музея и Третьяковской галереи, Мстёрского краеведческого музея, ВГИК и Института им. Ф.А. Модорова — филиала Академии народного творчества в Мстёре, личными материалами преподавателей и воспитанников мстёрского художественного центра, семейными архивами их потомков.

Тщательная, критически выверенная работа с мемуарными источниками и нескрываемая любовь к их авторам — трудно сочетаемые подходы, но в этом случае именно такое сочетание привело к созданию профессионального исторического сочинения, каждая из десяти глав которого требует внимательного чтения с карандашом в руке. Последнему способствует формат книги, сочетающий мелкий шрифт с широкими полями и помещенными после глав примечаниями, которые помимо многочисленных ссылок на источники и литературу включают краткие биографические справки об упоминаемых в книге людях.

Пересказать книгу невозможно, и автор этих строк ограничится краткой аннотацией, цель которой — привлечь внимание аудитории журнала к заслуживающей его книге. История «Мстёрского ковчега» — сложившегося во Мстёре учебного комплекса — и десятилетнего «плавания» его воспитанников и их наставников, началась с реорганизации продолжавшей работу иконописной школы-мастерской. Ф.А. Модоров, с марта по август 1918 г. возглавлявший местный совет крестьянских депутатов, взялся за это сложное дело летом 1918 г., и в результате Мстёра оказалась среди первых в советской России экспериментальных площадок, где была опробована новая модель художественного образования — государственные свободные художественные учебные мастерские (Свомас). Один перечень имен тех, кто стоял у истоков мстёрских мастерских: — Д.П. Штеренберг, О.В. Розанова (для нее поездка в Мстёру оказалась последней в жизни), А.М. Родченко, Н.Н. Пунин, Н.П. Сычев, — способен захватить дух читателя. Отдано должное М.М. Исаеву, возглавлявшему Мстёрский волостной отдел народного образования, и не забыт последний заведующий мстёрской иконописной школы З.В. Шмелев (встречающееся в иных публикациях о Мстёре имя якобы преподававшего в иконописной школе композицию и рисунок «академика И.А. Шмелёва» — очевидная контаминация).

В декабре 1918 г. в здании иконописной школы состоялось открытие мстёрской Свомас, которая, согласно уставу, должна была готовить мастеров реставрации икон, художественного рукоделия и чеканно-эмалевых работ. В течение 1919 г. к ним добавились художественный и столярно-резной отделы, как и общий для всех учеников класс композиции и рисунка. Наркомпрос в начале апреля 1919 г. организовал в Мстёре конференцию, на которой первые успехи местных мастерских рельефно выделились на фоне Палеха и Холуя, где иконописные школы, возглавлявшиеся Е.И. Стяговым и Е.А. Зариным, практически прекратили работу из-за разрухи и голода. «Дабы удержать их от полной гибели», конференция рекомендовала открыть здесь мастерские по примеру Мстёры «с немедленным открытием финансирования». К тому времени Ф.А. Модоров уже знал о распоряжении Наркомпроса уменьшить вдвое бюджет мстёрских мастерских, но продолжил финансово поддерживать мастерские в Палехе и Холуе. Его собственное начинание выжило и получило развитие с помощью перешедшего из Мстёры в Наркомпрос М.М. Исаева и поддержавшего Модорова начальника отдела художественной промышленности Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса, НКП) И.В. Аверинцева. В дополнение к мастерским была открыта семилетняя общеобразовательная школа с перспективой создания на мстёрской базе художественного техникума. Число учащихся выросло до 200 чел., соответственно увеличилось финансирование.

Так, по словам М.Л. Бирюкова, «из пучины разрухи, холода, голода и тревоги потихоньку поднимался на глазах у взрослых и детей островок безопасности, где можно было не только думать об удовлетворении первичных потребностей, не только выживать во что бы то ни стало, но мечтать о красоте будущего мира». «Островок» существенно прирос и обрел надёжность, когда усилиями Исаева и Модорова с его расширявшимся коллективом преподавателей удалось получить в распоряжение земли и строения бывшего поместья Протасьевых и фабрики в селе Барское-Татарово, граничившем со Мстёрой. 21 февраля 1920 г. решением Наркомпроса была утверждена Мстёрская школа-коммуна. Усилиями ее создателей, поддержанными НКП, был сформирован блестящий преподавательский коллектив художников и учителей, которых увлекли возможности творчества в новой среде коммуны и, не в последнюю очередь, возможность укрыться на «мастерском ковчеге» от бед гражданской войны и разрухи.

Обретя новый статус, мстёрская школа-коммуна оставалась творческой мастерской, в терминах 1920-х гг., «опытной станцией» НКП, но этот статус ограничивал свободу плаванья «ковчеге». Наркомпрос, прокладывавший курс общего и художественного образования в стране, переходившей к новому этапу развития. «Пляшущий компас Наркомпроса» (заголовок М.Л. Бирюкова к главе книги) не мог изменить творческую атмосферу мстёрской коммуны. Педагоги и учащиеся Мстёры были представлены на первой Всероссийской конференции учащихся и учащихся государственных художественных и художественно-промышленных мастерских в Москве в начале лета 1920 г. Прозвучавший на конференции доклад Модорова был весомым доводом в пользу развития в провинции свободных мастерских-школ, но уже через год новые тенденции — подчинить их губернским властям — пошла вразрез с вызревшим у Модорова проектом «Сельской академии» с центром в Мстёре и филиалами в Холуе, Палехе и Вязниках. Однако мстёрская свободная мастерская со школой-коммуной осталась в прямом ведении Наркомпроса, а ее развитие в художественно-промышленный техникум также вписывалось в планы Модорова и его коллег.

Вероятно, им казалось, что «ковчег» после болтанки вновь пошел верным курсом, но очередное колебание «пляшущего компаса» лишило команду капитана и едва не стоило жизни его детищу. В ноябре 1922 г. коммуне нанес огромный ущерб пожар, вероятно, связанный с присылкой «детского контингента» из приемника-распределителя НКВД, располагавшегося в бывшем Зачатьевском женском монастыре Москвы («Зачмон»). Ф.А. Модоров был заключен под стражу и, хотя следствие не установило его виновность, отстранен от руководства Мстёрской опытно-показательной станцией, которое временно было передано учителю истории Н.П. Рождественскому. Художественную часть возглавлял выпускник Строгановского училища В.М. Модестов, продолжал работу приглашенный Модоровым в 1919 г. К.И. Мазин, получивший образование в Казанском художественном училище и Академии художеств.

Учителям и воспитанникам удалось восстановить школу буквально на пепелище (сгорели мастерские с оборудованием и электростанцией, библиотека, часть жилых зданий и учебных помещений). Плавание «ковчеха» продолжалось творчеством повзрослевших воспитанников — выпуском собственных журналов, составлением альбомов, конструированием и изготовлением «прекрасных» вещей. Совмещая в себе школу-семилетку, профтехшколу и художественно-промышленный техникум, мстёрский комплекс позволял получать образование разных уровней. Однако его не оставляли беды — весной 1925 г. новый пожар уничтожил с трудом восстановленные помещения. Удивительно, что «мстёрский ковчег» сумел пройти через новые испытания в обстановке острой идейно-художественной борьбы внутри коллектива, которую в 1924—1925 гг. вызвали попытки возглавившего техникум художника-футуриста В.Н. Пальмова развернуть его влево, тем более, что среди преподавателей был и бывший секретарь Общества молодых художников (ОБМОХУ) конструктивист С.Я. Светлов. Во вкладке книги воспроизведен созданный им в Мстёре альбом, недавно опубликованный в интернете. После отъезда Пальмова на его место в Мстёру прибыл В.П. Киселев, ученик К.А. Коровина, А.Е. Архипова и В.Е. Татлина, убежденный сторонник «утилитарного искусства». Воспитывавшиеся на классической живописи учащиеся с интересом изучали артефакты, посещали литературно-художественный кружок Пальмова, слушали лекции именитых гостей и сочувствовали передовым идеям ЛЕФ, публиковали в рукописных журналах, выходивших в 1926—1927 гг., смелые статьи и устраивали перформансы, но, «получив прививку реализма» в начале ученичества, в целом оставались в рамках традиций Модорова и Мазина.

Плавание «ковчеха» завершилось вместе с краткой «оттепелью» нэпа. В 1928 г. из Мстеры был выведен во Владимир художественный техникум, который покинуло большинство его педагогов, а на месте «Мстёрской пятой опытно-показательной станции Наркомпроса с художественно-промышленным техникумом» осталась лишь художественно-техническая школа. Ей предстояло стать важным подспорьем будущего мстёрского центра лаковой миниатюры, но лишь несколько прежних выпускников нашли себе место в новом направлении.

Книга М.Л. Бирюкова не завершается этим грустным финалом, автор прослеживает судьбы многих пассажиров «мстерского ковчеха». Среди них были художницы по ткани Ольга Васильевна Богословская (1905—1988) и Вера Валентиновна Гурковская (1909—2002), переехавшие в Иваново и начавшие путь в текстильном рисунке с конструктивистских мотивов. В.В. Гурковская оставила незавершенные воспоминания об учебе в Мстёре и рисунки той поры, обнаруженные М.Л. Бирюковым в Государственном архиве Ивановской

области. Это — далеко не единственное пересечение сюжетов и героев повествования с историей нашего города и края.

Триада «Мстёра—Палех—Холуй» сложилась в конце XIX в., когда Мстёра, в которой проживало примерно столько же людей, сколько составляло население остальных, по праву считалась самым крупным центром иконописного промысла России» [Известия...: 70]. Черты сходства и различия трех центров отчетливо проявились в ходе создания и работы иконописных школ под эгидой Комитета попечительства о русской иконописи. В Палехе в 1902—1915 гг. преподавал Н.К. Евлампиев, которого сменили Е.А. Стягов и В.П. Соколов; в Холуе до 1899 г. работал выпускник Академии художеств Н.Н. Харламов, а с 1901 г. — Е.А. Зарин; иконописную школу во Мстёре с 1911 г. возглавлял закончивший годом ранее петербургскую Академию художеств З.С. Шмелев. Во всех трех центрах деятельность школ сопровождалась недоверием и противодействием местных сообществ, и упадок церковной живописи во время первой мировой войны и после революции 1917 г. уравнивал их в общем кризисе.

Сравнительные характеристики дореволюционного икононого производства и иконописи в Мстёре, Холуе и Палехе вошли в книгу А.В. Бакушинского и В.М. Василенко [Бакушинский, Василенко: 17—21, 31—36], где последующая художественная история Мстёры ограничена артелью «Пролетарское искусство» (при основании — «Древнерусская народная живопись»). В книге упомянут и «мстёрский художественный техникум Ф.А. Модорова», который закончил один из первых миниатюристов Мстёры и один из «столпов» ее учебного сообщества. Как отмечено в книге, «озорство» Кислякова «неизбежно приводит его к экспрессионизму, к той нездоровой, вывернутой, мрачной романтической образности и колорита, которые так характерны для современного искусства Запада и которые совсем не по дороге ни Мстёре, ни всему советскому искусству в целом» [Там же: 71].

В литературе 1930-х гг. преобладало представление, что модель развития традиционных художественных центров бывшей Владимирской губернии от иконописи к лаковой миниатюре, характерная для Палеха и Холуя, была реализована Мстёрой с опозданием, т. к. та «блуждала дольше в своих поисках» [Художественная выставка...: 291—292], более того, эти «блуждания» затянулись, а их итог на 1934 г. был объявлен на фоне успехов Палеха «мстёрским тупиком» [Тюрин]. В годы существования Ивановской промышленной области (1929—1936) три центра советской лаковой миниатюры объединяли регулярные выставки, социалистическое соревнование артелей и дискуссии искусствоведов, где сравнивались стили и художественные средства произведений, давались оценки, советы, а нередко и указания по их совершенствованию. На этом фоне «мстёрский ковчег» мог быть обречен на забвение, которому его первый кормчий противостоял лишь неопубликованными записками в ответ на просьбы бывших воспитанников принять участие в так не написанной книге о коммуне 1920-х гг.

Остается выразить надежду, что книга привлечет внимание исследователей как в контексте изучения российского конструктивизма и авангардного искусства, так и в рамках истории художественного образования в России XX в., в том числе и ее региональных аспектов [Рыжикова]. Блестяще открыв историю «мстёрского ковчега», работа М.Л. Бирюкова может быть и посылком к таким исследованиям, и их эталоном.

Список литературы / References

- Бакушинский А.В., Василенко В.М. Искусство Мстеры. М., Л.: КОИЗ, 1934. 102, [2] с. (Bakushinsky A.V., Vasilenko V.M. The Art of Mstera, Moscow, Leningrad, 1934, 102, [2] p. — In Russ.)
- Известия высочайше учрежденного комитета попечительства о русской иконописи. Вып. I. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1902. 130 с. (News of the highest established committee of the trusteeship of Russian icon painting, iss. 1, St. Petersburg, 1902, 130 p. — In Russ.)
- Рыжикова Н.А. От рисовальной школы к свободным мастерским. Из истории Иваново-Вознесенской СГХПМ им. О.В. Розановой // Авангард вне столиц: сб. материалов научн. конф. за 2021 и 2023 год. / ред. Е.А. Степченко. СПб.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2023. С. 86—102. (Ryzhikova N.A. From drawing school to free workshops. From the history of the State Art and Design University of Ivanovo-Voznesensk named after O.V. Rozanova, *Avant-garde beyond capitals: proceedings of the 2021 and 2023 scientific conferences*, ed. by E.A. Stepchenko, St. Petersburg, 2023, pp. 86—102. — In Russ.)
- Тюрин И. Мстёрский тупик // Народное творчество. 1936. № 3. С. 14—19. Tyurin I. Mstyorsky deadlock, *Folk art*, 1936, no. 3, pp. 14—19. — In Russ.)
- Художественная выставка «15 лет РККА»: Живопись, графика, скульптура, текстиль, декоративное искусство, искусство Палеха и Мстеры. Каталог. М.: Всекохудожник, 1933. XXX, [2], 303 с. (Art exhibition “15 years of the Red Army”: Painting, graphics, sculpture, textiles, decorative art, art of Palekh and Mstera. Catalog, Moscow, 1933, XXX, [2], 303 p. — In Russ.)

MSTYORA AS AN “EXPERIMENTAL STATION” OF THE ARTISTIC AVANT-GARDE OF RUSSIA IN THE 1920S.

Book review: M.L. Birukov. Mstyorsky Ark. From the history of artistic life in the 1920s, Moscow, 2023, 468 p.

Dmitry I. Polyvyannyi

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, dipol53@mail.ru

Abstract. The review aims to draw the readers’ attention to the book by Mikhail Birukov on the history of the free art workshop, school-commune and art technical school in Mstyora in the 1920s. Based upon unpublished texts of its teachers and students and upon wide range of archive documents introduced into scholarly discourse for the first time, the author of the book reveals practically unknown pages of the provincial reminiscences of the Russian artistic avant-garde, the prominent representatives and fans of which were occupying stable positions in the appropriate links of the Soviet system of artistic education. The students of the artistic workshops and technical school had a direct interest in learning from the practitioners and theoreticians of the new art who worked at Mstyora or from visiting teachers from Moscow and Petrograd/Leningrad, but in practice followed the traditions of icon painting deeply rooted in Mstyora or hard realistic art positions represented by the leader of the whole educational complex F.A. Modorov and the majority of his colleagues. This way the leftist ideas sooner lead to broadness and variability of the students’ creative views than to their formation as the avant-gardists’ younger generation. A certain overlapping of the Mstyora Ark history with the two other traditional art centers — Palekh and Kholuy — are marked, and the book as a whole is evaluated as a proper example of the cutting-edge local artistic history.

Keywords: icon painting centers, Mstyora experimental station, F.A. Modorov, avant-garde art

For citation: Polyvannyi D.I. Mstyora as an “experimental station” of the artistic avant-garde of Russia in the 1920s. *Book review:* M.L. Birukov. Mstyorsky Ark. From the history of artistic life in the 1920s, Moscow, 468 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 192—198.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Полывянный Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dipol53@mail.ru

Polyvyannyu Dmitry Igorevich — Doctor of Science (History), Professor, Head of Science and Education Center for Integration of Research and Teaching, Ivanovo, Russian Federation, dipol53@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2024. Вып. 4

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 19.12.2024 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,5. 4,7 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год